

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

научный журнал

Número de electrones

Scintillator (for measurement of gamma ray polarization)

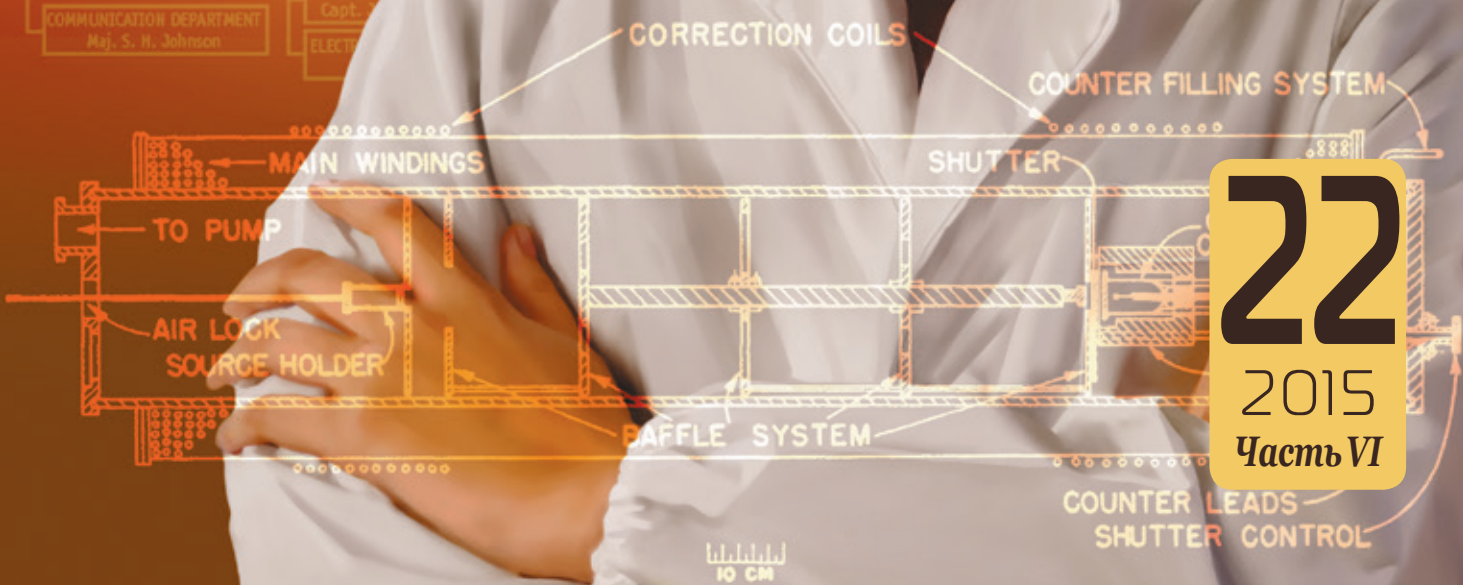
Energía (MeV)

Light multiplier

Light

CeMg-ni

DESINTEGRACIÓN β

22
2015
Часть VI

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 22 (102) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Бук», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич

На обложке изображена Ву Цзяньсюн (1912–1997) — американский физик, участник Манхэттенского проекта, первооткрыватель несохранения пространственной чётности в слабых взаимодействиях.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Абдыкерим к. Г., Жаанбаева Ч. К.

К вопросу о правовом положении осужденных
военнослужащих..... 529

Абдыкерим к. Г., Могильный А. В., Калиева Г. У.

Об основных правах лиц, отбывающих наказание
в воспитательных колониях 532

Абубакаров Р. И.

К вопросу об антинаркотической политики
Российской Федерации 535

Агабабян Д. С.

Характеристика квалифицирующих признаков
причинения смерти по неосторожности 536

Айсханова Е. С.

Организационно-методические основы
антикоррупционного мониторинга 539

Айсханова Е. С.

Основные направления антикоррупционной
политики государства 541

Антипов Е. И.

К вопросу об основаниях отрешения
Президента РФ..... 544

Арутюнян Г. С.

Проблемы и перспективы развития института
присяжных заседателей в России 546

Ахмедов А. Я.

О дипломатической службе как составной части
государственной службы..... 549

Ахъядов Э. С.

Антикоррупционный мониторинг:
научные основы..... 551

Ахъядов Э. С.

Анализ объективных и субъективных признаков
прикосновенности к преступлению 553

Басаев В. А.

Институциональная характеристика иных мер
уголовно-правового характера как правовых
последствий запрещенного уголовным законом
деяния..... 555

Басаев В. А.

Историко-правовой анализ становления
и развития иных мер уголовно-правового
характера в уголовном законодательстве
России..... 557

Бидова Б. Б.

Общая криминологическая характеристика
преступности в Российской Федерации 560

Бидова Б. Б.

Теоретические аспекты влияния международного
права на российское уголовное
законодательство..... 562

Воробель Д. Ю.

Концепция гражданско-правовой
ответственности государственных органов 564

Галкин А. Ю.

Обязанности исполнителя по договорам
на выполнение научно-исследовательских,
опытно-конструкторских и технологических
работ..... 567

Ганаева Е. Э.

Понятие, признаки и целевые установки
института иных мер уголовно-правового
характера..... 570

Ганаева Е. Э.

Проблемы возраста уголовной
ответственности..... 572

Глаголева Е. В.

Здоровье как приоритетный объект уголовно-
правовой охраны 574

Дадаева Х. Т. Социально-экономические права личности в международном и уголовном праве РФ 576	Цепкова Т. М., Кинжибеков В. В. О злоупотреблении гражданскими процессуальными правами 600
Дубовик А. Ю. Оценка состояния кадрового ресурса органа исполнительной власти Краснодарского края 577	Киракосян А. Г. Судебный прецедент как «первичный» источник права 602
Краснова Т. В., Еркиль Т. В. Порядок и правовые последствия усыновления (удочерения) в Российской Федерации 580	Ковалев Ю. С. Основы конституционного судопроизводства в России 604
Жаанбаева Ч. К., Могильный А. В., Калиева Г. У. Правовые гарантии обеспечения реализации прав и свобод осужденных 582	Коровина А. С. Суброгация и регресс по ОСАГО 606
Жеенмырзаева Б. Ж. Эффективность законодательства стран дальнего зарубежья за употребление наркотиков 585	Лашков А. А. Правовые аспекты банкротства юридического лица: работодатель и работники 609
Иващенко М. А. К вопросу о защите прав и интересов российских детей при передаче их в семьи иностранных усыновителей 589	Мальцева О. А., Рзаев Н. И. Допустимость использования электронных документов в качестве доказательства в гражданском процессе 611
Иващенко М. А. К вопросу о понятии отдельных категорий животных в российском и международном законодательстве 591	Махмудов Р., Хурчак Н. М. Международно-правовые аспекты деятельности Всемирной торговой организации: теоретический аспект 613
Ишмухаметов Я. М., Япрынцеv П. О. Производство и система следственных действий в уголовном процессе 594	Раимбердиев И. Р. К проблемам предупреждения пыток на современном этапе 616
Ищанов Д. Д., Бебех А. Е. Проблемы применения аудио- и видеозаписей в качестве судебных доказательств 597	Руденко В. Н. Понятие юридической справедливости как основания правоприменительного акта ... 619

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

К вопросу о правовом положении осужденных военнослужащих

Абдыкерим кызы Гулбарчын, соискатель;
Жаанбаева Чолпон Каныбековна, соискатель
Ошский государственный юридический институт (Кыргызская Республика)

В настоящей статье говорится о том, что основы правового положения осужденных в полной мере распространяются и на осужденных военнослужащих. При исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан, установленные Конституцией Кыргызской Республики с ограничениями, определенными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством.

Ключевые слова: правовое положение осужденных, военнослужащие, преступность военнослужащих, исполнение наказаний.

Правовой основой военной службы в вооруженных силах и других воинских формированиях Кыргызской Республики является Конституция Кыргызской Республики [1] и другие законы.

Особое место в ряду этих законов занимает Закон Кыргызской Республики «О всеобщей воинской обязанности граждан Кыргызской Республики, о военной и альтернативной службах» [2], принятый в 2009 году.

Закон регулирует общественные отношения, касающиеся воинской обязанности, военной и альтернативной службах в целях реализации гражданами Кыргызской Республики конституционного долга и обязанности по защите Отечества. Защита Отечества — святой долг и обязанность граждан Кыргызской Республики. Граждане Кыргызской Республики независимо от расы, языка, этнической принадлежности, политических и иных убеждений, образования, происхождения, а также других обстоятельств обязаны проходить военную службу в вооруженных силах, других воинских формированиях и государственных органах Кыргызской Республики, в которых законом предусмотрена военная служба. В соответствии со статьей 3 указанного Закона, военная служба — особый вид государственной службы, направленный на выполнение гражданами воинской обязанности в вооруженных силах, других воинских формированиях и государственных органах Кыргызской Республики, в которых законом предусмотрена военная служба.

Естественно, что к военнослужащим предъявляются повышенные требования. Так правонарушения, которые в обычных условиях не представляют общественной опасности, в условиях военной службы признаются преступлениями.

В частности максимальная ответственность за умышленное причинение легкого вреда здоровью (статья 112 УК КР) предусматривается лишением свободы до одного года. Тогда как в условиях военной службы подобные действия оцениваются как нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими (статья 359 УК КР). Это деяние при наличии квалифицирующих признаков (п. п. 1, 2, 3, 4, 5, 6 части 2) наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет. Статья 110 (побои) вообще исключена Законом КР от 25 июля 2007 года № 91. Тогда как нанесение побоев в отношении начальника, (статья 351 УК КР насильственные действия в отношении начальника) наказывается содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до четырех лет. И такое отношение общественно оправдано. Общество и государство вправе предъявлять к своим защитникам повышенные требования. Воинская доблесть и героизм всегда были характерными чертами кыргызского народа. К сожалению, в первые годы независимого развития по ряду объективных и субъективных причин вопросам укрепления обороноспособности страны и военного строительства не уделялось должного внимания. Такое положение сохранялось до печальных и вынуждено героических Баткенских событий 1999—2000 годов.

Высокую боеготовность и умение действовать в сложной обстановке в начальном этапе Баткенских событий показали только внутренние войска МВД Кыргызской Республики, которые имели накопленный опыт выполнения служебно-боевых задач в горячих точках бывшего СССР. Столь бедственное положение в вооруженных силах Кыргызской Республики в целом, естественно не могло не отразиться на состоянии воинской

дисциплины и правопорядка в вооруженных силах. Наиболее характерными воинскими преступлениями являлись, самовольное оставление части или места службы (статья 359 УК КР), которое приобретало массовый характер, а также неуставные взаимоотношения между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (статья 358 УК КР). Указанное преступление зачастую приводило к тяжким последствиям, имевшим резонансный характер.

Среди офицеров и прапорщиков преобладало злоупотребление должностным положением (статья 304 УК КР), превышение должностных полномочий (статья 305 УК КР), а среди военнослужащих указанных категорий тыловых структур — заключение контракта, осуществление государственной закупки вопреки интересам Кыргызской Республики (статья 306 УК КР) и незаконное использование бюджетных средств.

Большое негативное влияние на состояние преступности в вооруженных силах и других воинских формированиях Кыргызской Республики оказала откровенно криминальная идеология, целенаправленно насаждаемая лидерами организованной преступности в учебных учреждениях, прежде всего специализированных спортивных. Представители преступной «элиты» антиобщественных группировок представлялись «кумирами» для молодежи. Закономерно, что подобные настроения переносились в армейскую среду и в условиях отсутствия опытных командиров в подразделениях, запущенности и недостатка воспитательной работы трансформировались в преступные действия. Важную роль в противодействии преступности в вооруженных силах призвано сыграть проводимая военная реформа.

Президентом Кыргызской Республики — Главнокомандующим вооруженными силами Кыргызской Республики А. Атамбаевым утверждена военная доктрина, которая предусматривает единое руководство вооруженными силами, разделение полномочий вновь создаваемого управленческого органа Генерального штаба вооруженных сил и Министерства обороны [3].

Комплексная программа борьбы с преступностью призвана наряду с другими задачами выработать систему исправления осужденных военнослужащих, которая отвечала бы современным требованиям. В статье 7 Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики отражены принципы уголовно-исполнительного законодательства: — законность; — гуманизм; — демократизм; — равенство осужденных перед законом; — дифференциация и индивидуализация исполнения наказания; — рациональное применение принудительных средств и стимулирование правопослушного поведения; — соединение наказания с исправительным воздействием. Задача состоит в том, чтобы наполнить эти принципы реальным содержанием с учетом специфики военной службы.

В статье 9 уголовно-исправительного кодекса определено, что государство уважает и охраняет права, свободы и законные интересы осужденных, обеспечивает установ-

ленные законом условия отбывания наказания, гарантия социальной справедливости, правовую и иную защищенность. При исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан, установленные Конституцией Кыргызской Республики и ограничениями, определенными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством.

Вышеперечисленные основы правового положения осужденных в полной мере распространяются и на осужденных военнослужащих. С учетом специфических особенностей военной службы, в уголовном кодексе Кыргызской Республики предусмотрено, что к военнослужащим могут применяться кроме общих также и специальные виды наказаний.

В соответствии со статьей 42 уголовного кодекса Кыргызской Республики только к военнослужащим, причем срочной службы может применяться наказание — содержание в дисциплинарной воинской части. В качестве дополнительного наказания может применяться лишение воинского звания. В соответствии со статьей 43 Уголовного кодекса Кыргызской Республики военнослужащим не могут быть назначены общественные работы, а также исправительные работы (статья 46 УК КР) и ограничение свободы (статья 46 УК КР).

Статья 47 Уголовного кодекса Кыргызской Республики предусматривает, что содержание в дисциплинарной воинской части применяется к военнослужащим срочной службы на срок от трех месяцев до одного года в случаях предусмотренных настоящим Кодексом, а также когда суд, учитывая обстоятельства дела и личность осужденного, найдет необходимым вместо лишения свободы на срок не свыше пяти лет применить содержание в дисциплинарной воинской части, сроком до одного года. Следует отметить, что в отношении осужденных военнослужащих наметилась несколько противоречивая тенденция.

С одной стороны более широко стали применяться наказания, не связанные с изоляцией от общества. При этом если по ранее действующему Закону Кыргызской Республики «О всеобщей воинской обязанности граждан Кыргызской Республики» военнослужащие офицеры и прапорщики осужденные к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, при определенных условиях могли продолжать военную службу, то в соответствии со статьей 31 Закона о всеобщей воинской обязанности граждан Кыргызской Республики, о военной и альтернативной службах (в редакции Закона КР от 9 июня 2012 года № 79) «вступление в законную силу приговора суда о признании военнослужащего виновным за совершенное им преступление», является основанием для досрочного увольнения военнослужащего, проходящего военную службу по контракту.

Таким образом, военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, в отношении которых вынесен обвинительный приговор, в том числе и при назначении наказания, не связанного с изоляцией от общества, практически теряют право на дальнейшее прохождение военной

службы. Данное обстоятельство во многом является более суровым наказанием, чем само осуждение.

Специальным видом наказания, применяемым только к военнослужащим срочной службы, является содержание в дисциплинарной воинской части. Статья 29 Закона Кыргызской Республики «О всеобщей воинской обязанности граждан Кыргызской Республики, военной и альтернативной службах» определяет, что солдатам, сержантам и старшинам, отбывающим наказание в дисциплинарных частях, время отбывания наказания в срок срочной военной службы не засчитывается.

Военнослужащему, освобожденному из дисциплинарной части, при условии его безупречной службы, время пребывания в дисциплинарной части может быть в установленном порядке засчитано в срок срочной военной службы. Наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части исполняется отдельными дисциплинарными батальонами или отдельными дисциплинарными ротами. Их организационная структура и численность определяется Министерством обороны Кыргызской Республики. Порядок направления и приема осужденных в дисциплинарные воинские части определяется Министерством обороны Кыргызской Республики. Статья УИК КР регламентирует исправление и его основные средства.

Закон рассматривает исправление осужденного как формирование у него правопослушного поведения, уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общества. Основными средствами исправления осужденных признаны:

- режим;
- воспитательная работа;
- общественно-полезный труд;
- получение образования;
- профессиональная подготовка;
- общественное воздействие [4, с. 179].

Наряду с вышеперечисленными основными средствами исправления в отношении осужденных военнослужащих, с учетом их специфики, применяется также воинское обучение (статья 119 УИК КР). Статья 120 УИК КР регламентирует режим в дисциплинарной воинской части.

Порядок исполнения и отбывания наказания определяется Министерством обороны Кыргызской Республики. Установленный в дисциплинарной воинской части порядок исполнения и отбывания наказания обеспечивает:

- охрану осужденных в пределах дисциплинарной части;
- надзор за ними;
- исполнение возложенных на них обязанностей и воинское обучение;
- реализацию ими прав и законных интересов;
- безопасность осужденных и персонала.

Обязанностью осужденных военнослужащих являются соблюдение требований режима, установленных в дисциплинарной воинской части. В период отбывания наказания в дисциплинарной воинской части все осужденные независимо от их воинского звания и характера предыдущей службы находятся на положении солдат и носят единые установленные для данной части форму одежды и знаки различия.

Литература:

1. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gov.kg/?page_id=263&lang=ru.
2. Закон Кыргызской Республики «О всеобщей воинской обязанности граждан Кыргызской Республики, о военной и альтернативной службах» № 43 от 9 февраля 2009 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202536>.
3. Указ Президента Кыргызской Республики «О Военной доктрине Кыргызской Республики» от 15 июля 2013 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61673>.
4. Кенжебек кызы М. Правовое регулирование трудовых отношений осужденных в пенитенциарной системе / М. Кенжебек кызы // Вестник Международного университета Кыргызстана. — 2007. — № 2. — с. 179.

Об основных правах лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях

Абдыкерим кызы Гулбарчын, соискатель;

Могильный Алексей Васильевич, соискатель

Ошский государственный юридический институт (Кыргызская Республика)

Калиева Гульбара Утуровна, соискатель

Институт философии и политико-правовых исследований Национальной Академии наук Кыргызской Республики

В настоящей статье рассматриваются основные права несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях Кыргызской Республики. При исполнении наказаний осужденным несовершеннолетним гарантируются права и свободы граждан, установленные Конституцией Кыргызской Республики с ограничениями, определенными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством.

***Ключевые слова:** правовое положение осужденных, права и свободы несовершеннолетних, воспитательные колонии, исполнение наказаний.*

В соответствии со ст. 16 Конституции Кыргызской Республики «права и свободы человека являются высшей ценностью» [1]. Конституционным провозглашением прав и свобод человека как высшей ценности Кыргызская Республика признала требования международного сообщества, актов международного права, таких как Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. [2, с. 14].

В ч. 3 ст. 6 Конституции Кыргызской Республики записано: «Вступившие в установленном законом порядке в силу международные договоры, участницей которых является Кыргызская Республика, а также общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Кыргызской Республики. Нормы международных договоров по правам человека имеют прямое действие и приоритет над нормами других международных договоров» [1].

Аналогичное правило нашло свое отражение и в уголовно-исполнительном законодательстве. Так, в ч. 2 ст. 3 УИК КР закреплено следующее положение: «Если международным договором Кыргызской Республики установлены иные правила исполнения наказаний обращения с осужденными, чем предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством, то применяются правила международного договора» [3].

Надо заметить, что реальная социально-экономическая ситуация не позволяет полностью реализовать указанное положение, что придает ему отчасти декларативный характер, так как основным условием учета и реализации международно-правовых норм и международных стандартов в уголовно-исполнительном законодательстве Кыргызской Республики является наличие необходимых экономических и социальных возможностей.

Однако, в некоторых положениях Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 г. [4, с. 39] указывается, что с учетом разнообразия юридических, социальных, экономических и географических условий

в различных странах мира, не все они могут применяться повсеместно и одновременно. Поэтому в некоторых международных нормах содержатся рекомендации о необходимости постоянного стремления к их наиболее полной реализации.

К специальным международно-правовым актам, имеющим сугубо пенитенциарный характер, относят: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г.; Европейские правила тюремного заключения 1987 г.; Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме 1988 г.; Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением 1990 г. (Токийские правила).

К специальным международно-правовым актам, определяющим международные стандарты обращения с несовершеннолетними осужденными можно отнести: Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила 1985 г.), Правила по защите несовершеннолетних, лишенных свободы 1990 г., Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские принципы 1990 г.).

Значительная часть международно-правовых норм по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными были ратифицированы Кыргызской Республикой, нашли свое отражение в законодательных актах Кыргызской Республики.

Так, УИК КР в главе 2 содержит основные права (личные, политические, социально-экономические) и обязанности осужденных.

К основным правам осужденных относятся:

- 1) Право на неприкосновенность личности;
- 2) Право на свободу мысли и слова;
- 3) Право на труд;
- 4) Право на образование;
- 5) Право на свободу от пыток и жестокого обращения;
- 6) Право на защиту;

- 7) Право на обращение с жалобами;
- 8) Право на информацию;
- 9) Право на связь с внешним миром;
- 10) Право на медицинское обслуживание;
- 11) Право на свободу совести и свободу вероисповедания.

1) Конституционное право несовершеннолетних осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в воспитательной колонии, на неприкосновенность личности.

Под этим правом понимается недопустимость совершения в отношении несовершеннолетних противоправных посягательств на физическую, нравственно-психологическую и имущественную свободу со стороны любых лиц, в том числе и несовершеннолетнего, содержащегося в воспитательной колонии, каких-либо действий, кроме предусмотренных нормами закона, а также реакции со стороны государства в виде санкций к нарушителю этих норм.

2) Право несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательной колонии, на свободу мысли и слова.

Возможность человека свободно выражать свои мысли является его неотъемлемым и естественным правом, нашедшим отражение в ч. 1, 2 ст. 31 Конституции КР, согласно которой каждому гарантируется свобода мысли и слова. Под этим правом понимается возможность использования и распространения несовершеннолетними в устной и ограничено в письменной и наглядной формах своих мировоззрений и мировоззрений других лиц, которые они разделяют.

3) Права несовершеннолетних, содержащихся в воспитательных учреждениях, на труд.

Свобода труда означает, что только несовершеннолетним гражданам принадлежит исключительное право распоряжаться своими способностями к производительному и творческому труду, которые могут иметь прямое или косвенное юридическое ограничение.

4) Право несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, на образование.

В настоящее время проблема образования несовершеннолетних осужденных приобрел особую актуальность, так как в воспитательных колониях увеличилось число не грамотных осужденных. Под правом на образование понимается система правовых возможностей, предоставленных рассматриваемой категории лиц для реализации своих потребностей в сфере образования. Несовершеннолетние в возрасте обязательного школьного обучения имеют право на получение образования и профессионально-технической подготовки, соответствующие их потребностям и способностям и имеющие целью подготовить их к возвращению в общество. Так, в воспитательной колонии № 14, расположенной в с. Вознесенка в профессионально-техническом училище, в период проведения мониторинга проходила обучение 50% воспитан-

ников колонии. Нужно отметить, что право на получение образования несовершеннолетними осужденными, отбывающими наказание в воспитательных колониях, одновременно является и их обязанностью.

5) Право на свободу от пыток и жестокого обращения. Осужденные не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Эта норма вытекает из положений Конституции КР, в которой закреплено, что никто не может подвергаться пыткам и другим бесчеловечным, жестоким или унижающим достоинство видам обращения или наказания.

Проведенное нами исследование показало, что почти каждый третий из числа опрошенных нами несовершеннолетних, заявил о том, что к нему применялось физическое или психическое воздействие.

6) Право на защиту;

При возникновении угрозы личной безопасности осужденного со стороны других осужденных или иных лиц он вправе обратиться с заявлением к любому должностному лицу учреждения, исполняющему наказание в виде лишения свободы, с просьбой об обеспечении личной безопасности. В этом случае должностное лицо обязано принять незамедлительные меры к обеспечению личной безопасности обратившегося осужденного [5].

7) Право на обращение с жалобами.

В ст. 11 УИК КР говорится, что осужденные имеют право обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами к администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, в вышестоящие органы, органы государственной власти и местного самоуправления, общественные объединения, а также в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Как задержанное или находящееся в заключении лицо, так и любой податель просьбы или жалобы не могут подвергаться преследованиям за подачу просьбы или жалобы [6]. Нужно отметить, что процедура подачи жалоб и обращений в следственных изоляторах и исправительных учреждениях проводится в основном через их защитников либо родственников, следователей, а в остальных случаях — через канцелярию учреждений.

8) Право на информацию.

В период отбывания наказания в воспитательной колонии несовершеннолетние осужденные не должны быть ограничены в праве на получение информации по вопросам, которые затрагивают их правовое положение. Поэтому представляется целесообразным и необходимым расширить практику опубликования как национальных, так и международных актов по правам человека, сделав доступным их изучение в исправительных учреждениях в целом и воспитательных колониях в частности. Этими мерами наша страна не только добьется выполнения взятых на себя международных обязательств, но и повысится общий уровень правовой грамотности осужденных

к лишению свободы, обеспечится эффективность их защиты от неправомерных действий со стороны государственных органов.

9) Право на связь с внешним миром.

Задержанному или находящемуся в заключении лицу предоставляется, в частности, право на посещение членами семьи и переписку с ними, а также соответствующую возможность общаться с внешним миром согласно разумным условиям и ограничениям, содержащимся в законе и в установленных в соответствии с законом правилах [6].

Осужденным предоставляется право свиданий на территории колонии: краткосрочные — длительностью до четырех часов (родственники или иные лица) в присутствии представителя администрации исправительного учреждения; длительные — продолжительностью до трех суток с правом совместного проживания (родители, усыновители, родные братья и сестры, дед, бабушка), а в исключительных случаях с разрешения начальника учреждения — с иными лицами. Также осужденным по их просьбе разрешается заменять длительное свидание с проживанием вне учреждения — краткосрочным с выходом за пределы колонии. Порядок замены устанавливается Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений. Для получения юридической помощи осужденным по их заявлению предоставляются свидания с адвокатами при наличии ордера-поручения. Свидания предоставляются наедине и без ограничения количества и продолжительности бесед [3]. Следует разрешать и поощрять общение с внешним миром, которое не должно ограничиваться семьей, нужно поддерживать связь с друзьями и другими знакомыми, так как возникают ситуации, когда у осужденного отсутствуют родственники.

10) Право на медицинское обслуживание.

Минимальные стандартные правила подробно излагают принципы участия медицинских работников в деятельности закрытых учреждений и предусматривают,

что каждого заключенного следует подвергать медицинскому осмотру при его принятии и затем, по мере необходимости, с тем, чтобы устанавливать, не болен ли он физически или умственно; принимать необходимые меры; изолировать заключенных, о которых можно предположить, что они страдают какой-либо инфекционной или другой болезнью.

Гражданин Кыргызской Республики имеет неотъемлемое право на охрану здоровья, которое обеспечивается предоставлением всем гражданам независимо от пола, расы, национальности, языка, социального происхождения, должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, равных возможностей в реализации права на получение медико-санитарной и медико-социальной помощи.

Осужденные имеют право на охрану здоровья, включая получение первичной медико-санитарной и специализированной медицинской помощи, в амбулаторно-поликлинических или стационарных условиях в зависимости от медицинского заключения.

11) Право на свободу совести и свободу вероисповедания.

Согласно ст. 13 УИК КР осужденным гарантируется свобода совести и свобода вероисповедания. Реализация права на свободу совести и свободу вероисповедания является добровольной, не должна нарушать установленных правил внутреннего распорядка учреждения, исполняющего наказания, а также ущемлять права других лиц. К лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, по их просьбе приглашаются служители религиозных объединений, зарегистрированных в установленном порядке. В учреждениях, исполняющих наказания, осужденным разрешается отправлять религиозные обряды, пользование предметами культа и религиозной литературой. Для этих целей администрация учреждения выделяет соответствующее помещение.

Литература:

1. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gov.kg/?page_id=263&lang=ru.
2. Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов/Сост. и вступ. ст.: Мелков Г.М. — М.: Юрид. лит., 1990. — 672 с.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/11/30?cl=ru-ru>.
4. Сборник международных документов и национального законодательства КР по защите прав несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом. — Бишкек, 2004. — 210 с.
5. Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Кыргызской Республики от 25 апреля 2006 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30325396.
6. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. Утвержден Резолюцией генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 года № 43/173 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/detent.shtml.

К вопросу об антинаркотической политике Российской Федерации

Абубакаров Расул Ибдулмасхутович, магистр
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Борьба с преступностью, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, до последнего времени в Российской Федерации осуществлялась преимущественно на основе реализации карательно-репрессивных норм уголовного законодательства. К сожалению, такие меры привели к широкому распространению данного вида преступности.

Несмотря на неоспоримость наличия сдерживающего эффекта в наказании, наиболее перспективным способом противодействия любому виду преступности следует признать предупреждение совершения новых преступлений. В настоящее время среди российских криминологов определенное признание получил так называемый модернистский подход. Он исходит из того, что отношения между обществом и преступником должны быть качественно иными, реакция государства на преступное поведение не должна быть основана на репрессии. Чисто репрессивные методы противодействия преступности не могут удовлетворять общество, как из-за их асоциальной направленности, так и низкой эффективности [1].

Предупредительное воздействие на преступность основано на том, что соответствующая деятельность обладает способностью корректировать криминогенные факторы в период, когда они еще не набрали силы и поэтому легче поддаются нейтрализации или блокированию. Применительно к рассматриваемым видам преступлений правильно отобранный арсенал предупредительных средств позволяет не допустить наступления еще более тяжелых последствий — увеличение уровня наркотизации населения.

Предупреждение преступности (преступлений) — это многоуровневая система государственных и общественных мер, направленных на устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий преступности.

Сегодня предупреждение преступлений представляет собой систему разноплановых мер по недопущению преступлений, осуществляемых различными субъектами (государственными и негосударственными, специализированными и неспециализированными), путем выявления и устранения (блокирования, нейтрализации) причин и условий преступлений, предотвращения замышляемых и подготавливаемых преступлений, пресечения покушений на них, а также продолжаемой преступной деятельности.

Целью предупреждения преступлений является противодействие криминальным процессам в обществе, обеспечение сдерживания, сокращения преступности и темпов ее роста, защита личности, общества и государства от преступных посягательств. Эта цель находит свою конкретизацию в решении ряда следующих задач: противодействие

криминогенным процессам в обществе, обеспечение сдерживания и сокращения преступности; выявление, устранение или нейтрализация причин преступности и условий, способствующих их совершению; индивидуальное профилактическое воздействие на лиц с противоправным поведением; предотвращение замышленных и готовящихся преступлений; снижение у населения и отдельных граждан риска стать жертвами преступных посягательств; способствование созданию и укреплению в обществе атмосферы спокойствия и стабильности; обеспечение исправления лиц, вовлекаемых в сферу предупредительного воздействия, и их ресоциализации [2].

Отдельным абзацем стоит выделить «Стратегию государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года», утвержденную Указом Президента РФ № 690 от 9 июня 2010 г. (с изменениями от 28 сентября 2011 г., 1 июля 2014 г.).

Во введении Стратегии обосновывая необходимость его принятия отмечается, что появляются новые виды наркотиков, усилились негативные тенденции, такие как устойчивое сокращение численности населения России, в том числе уменьшение численности молодого трудоспособного населения вследствие расширения масштабов незаконного распространения наркотиков, ростом ВИЧ-инфекции, гепатитов и других опасных заболеваний.

Главной целью Стратегии является существенное сокращение незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков, масштабов последствий их незаконного оборота для безопасности и здоровья личности, общества и государства.

Решения и меры, принимаемые органами государственной власти в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков и их прекурсоров, основываются на ряде принципов, в числе которых принцип недопустимости применения заместительных методов лечения больных наркоманией с применением наркотических средств и психотропных веществ, внесенных в списки I и II Перечня, а равно легализации потребления отдельных наркотиков в немедицинских целях [3].

Объектами антинаркотической деятельности согласно Стратегии являются:

— население страны, в первую очередь дети, подростки, молодежь и их семьи, особенно входящие в группы риска вовлечения в незаконный оборот наркотиков и их прекурсоров, а также лица, потребляющие наркотики в немедицинских целях, и их семьи; больные наркоманией, нуждающиеся в лечении и реабилитации, и их семьи; работники отдельных видов профессиональной деятельности и деятельности, связанной с источниками повышенной опасности;

— организации и учреждения, участвующие в легальном обороте наркотиков и их прекурсоров;

— организованные преступные группы и сообщества, участвующие в незаконном обороте наркотиков и их прекурсоров.

Стратегия предполагает:

— создание Государственной системы мониторинга наркоситуации в России;

— совершенствование системы мер по сокращению предложения наркотиков (организационные, правоохранные, совершенствование нормативной правовой базы);

— совершенствование системы мер по сокращению спроса на наркотики (Государственная система профилактики немедицинского потребления наркотиков, Наркологическая медицинская помощь, Реабилитация больных наркоманией);

— основные направления развития международного сотрудничества;

— организационно-правовое и ресурсное обеспечение антинаркотической деятельности и механизм контроля за реализацией Стратегии.

Антинаркотическая политика как политика контроля за наркотиками, политика противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ и злоупотреблению наркотиками имеет множество составляющих элементов и направлений реализации, что порождает неоднозначное толкование содержания профилактической деятельности педагогами, психологами, юристами, управленцами и иными участниками. Являясь составной частью антинаркотической политики, профилактическая деятельность, как правило, строится на комплексной основе и обеспечивается совместными усилиями воспитателей, учителей, психологов, медиков, социальных работников, сотрудников правоохранительных органов. Очевидно, что разнообразие подходов и трактовки основных понятий и содержания профилактики отражает сложность и многогранность объекта профилактического воздействия — наркотизм. Наука и практика противодействия наркотизму сформировали основы управленческой, образовательной, медицинской, психосоциальной, информационной и правовой моделей профилактики наркотизма.

Литература:

1. Федеральный Закон Российской Федерации «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 31 декабря 2014 г. в ред. Федерального закона № 262-ФЗ от 13.07.2015 // [Электронный источник] Информационно-правовой портал «Гарант».
2. «Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года», утвержденная Указом Президента РФ № 690 от 9 июня 2010 г. (с изменениями от 28 сентября 2011 г., 1 июля 2014 г.). [Электронный источник] Информационно-правовой портал «Гарант».
3. Дикаев, С.У. Криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия наркотизации населения России // *Личность, общество, государство. Проблемы развития и взаимодействия: Материалы всероссийской научно-практической конференции, 2–6 октября 2010 г. (XVIII Адлерские чтения)/Администрация Краснодарского края, Краснодарская региональная организация Общества «Знание» Россия, Кубанский государственный университет, филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Краснодаре/отв. ред. Марков С.А. — Краснодар: Традиция, 2010. — с. 126–130*

Характеристика квалифицирующих признаков причинения смерти по неосторожности

Агабабян Диана Самвеловна, магистрант
Тюменский государственный университет

В ст. 109 УК РФ предусмотрены квалифицирующие признаки рассматриваемого преступления: причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2); причинение смерти по неосторожности двум или более лицам (ч. 3).

Что касается конкретизации объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ, считаем необходимым остановиться в рамках данного па-

раграфа на анализе ч. 2 ст. 109 УК РФ. Речь в ней идет о таких неосторожных посягательствах на жизнь человека, когда смерть причиняется вследствие ненадлежащего исполнения виновным своих профессиональных обязанностей.

Под ненадлежащим исполнением лицом своих профессиональных обязанностей следует понимать невыполнение или недобросовестное выполнение требований и предписаний, обязательных для лиц, осуществляющих

ту или иную профессиональную деятельность, результатом чего явилась смерть потерпевшего.

При этом, как и в случае преступного нарушения специальных правил, ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей должно предполагать нарушение лишь писанных установлений, действующих в момент совершения преступления и строго обязательных для виновного [1]. Диспозиция ч. 2 ст. 109 УК РФ сформулирована таким образом, что может отсылать лишь к действующим нормативным предписаниям, регламентирующим деятельность лиц, занятых в той или иной профессии. И если это так, то всем лицам, привлекаемым к ответственности за рассматриваемый вид неосторожного причинения смерти, должны быть вменены в вину определенные пункты конкретных предписаний, ими нарушенных [2].

Субъективную сторону преступления ч. 2 ст. 109 УК РФ определяет неосторожное отношение к последствиям при нарушении лицом профессиональных правил. В случае если нарушение правил явилось способом реализации умысла на лишение потерпевшего жизни, содеянное надлежит квалифицировать как убийство (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 1991 г. № 1 «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности горных, строительных и иных работ» [3]).

Субъект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ — специальный — лицо, в силу профессии обязанное соблюдать определенные правила и стандарты. Ответственность специального субъекта по ч. 2 ст. 109 УК РФ исключается, если: последствие в виде смерти наступает при соблюдении профессиональных стандартов от иных причин; если нарушение профессиональных правил вызвано соображениями крайней необходимости или обоснованного риска; если при нарушении профессиональных правил лицо не предвидело и не должно было предвидеть возможности наступления последствий в виде смерти [4].

Если соблюдение специальных правил профессиональной деятельности было возложено на лицо ошибочно, по подложным основаниям или самовольно, без надлежащего разрешения, то нарушение этих правил, повлекшее по неосторожности смерть, не может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 109 УК РФ, что не исключает ответственности по ч. 1 ст. 109 УК РФ, если деяние лица заключается в нарушении норм и правил предосторожности общего характера, которые объективно и субъективно могли быть им соблюдены.

К этой категории лиц можно отнести врачей и других медицинских работников, учителей, воспитателей детских дошкольных учреждений, тренеров, инструкторов по туризму, спортсменам и т. п. в нее же можно включить и лиц, чья профессия связана с обслуживанием источников повышенной опасности (электромонтеры, лифтеры, инспектора пожарной охраны, газовой службы и т. д.) [5].

В судебной практике уже встречались случаи привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Так, потерпевшая В. была госпитализирована для оперативного лечения в онкологическую больницу г. Тюмени с диагнозом: миома матки. Во время операции ей несколько раз переливали кровь. Спустя несколько часов после операции развилась острая почечная недостаточность. Больную перевезли в реанимационное отделение, где выяснилось, что группа крови В. первая, а не третья, как было сказано в истории болезни. Через два дня наступила смерть потерпевшей. По факту смерти было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 109 УК РФ [6].

Случаи причинения медицинскими работниками смерти по неосторожности пациентам вызывают настолько большой резонанс в обществе, что это побуждает многих юристов усомниться в возможности достичь социальной справедливости путем применения к виновным лицам норм действующего уголовного законодательства [7]. Такое впечатление усиливается еще и тем, что механизм поведения медицинских работников, в результате которого пациентам причиняется вред здоровью или смерть, для правовой оценки очень сложен. Даже после проведения череды проверочных мероприятий, судебно-медицинских и других видов экспертиз правоохранительные органы испытывают немало трудностей в установлении признаков какого-либо состава преступления в действиях или бездействии медицинских работников [2]. Особенно сложно обстоят дела именно с квалификацией причинения смерти пациентам по неосторожности, так как в сложившейся правоприменительной практике нет однозначной позиции по правовым свойствам таких юридических категорий, как врачебная ошибка, ненадлежащее оказание медицинской помощи и неблагоприятный исход лечения, а это позволяет избегать уголовной ответственности медицинским работникам, виновным в смерти своих пациентов [8].

Выход из отмеченной ситуации многие авторы, исследовавшие вопросы уголовной ответственности медицинских работников, видят в необходимости конкретизации диспозиций отдельных норм Уголовного кодекса РФ или включения в него новых статей со специальными нормами, устанавливающими ответственность медицинских работников. Причем сущность предлагаемых в юридической литературе законодательных изменений в основном сводится к расширению объемов криминализации неосторожного причинения вреда здоровью или смерти пациентам и ужесточению санкций за наступление данных последствий в результате деятельности медицинских работников [9].

Так, основываясь на анализе зарубежного законодательства, А.А. Раков предлагает дополнить УК РФ новой специальной статьей «Причинение вреда здоровью или жизни пациента», предусматривающей ответственность за неосторожное причинение средней степени тяжести вреда здоровью, тяжкого вреда или смерти пациенту. Максимальное наказание в санкциях норм данной статьи он предлагает установить в виде пяти лет лишения свободы [10].

По мнению названного автора, включение указанной статьи в УК РФ будет адекватной реакцией на участвовавшие в последнее время случаи врачебного невежества и недобросовестного исполнения ими своих профессиональных обязанностей. Примерно таким же образом рассуждают и другие авторы, склоняющиеся к мнению о необходимости ужесточения уголовной ответственности за неосторожные преступления медицинских работников, сопряженные с ненадлежащим исполнением ими профессиональных обязанностей [11].

Результаты анализа современной криминологической ситуации, связанной с неосторожным причинением медицинскими работниками вреда здоровью или смерти пациентам, подтверждают широкую распространенность таких случаев, но, с нашей точки зрения, нет необходимости в ужесточении уголовного наказания за них. Действующее уголовное законодательство позволяет достаточно адекватно реагировать на рассматриваемые виды неосторожных преступлений. Несмотря на всю общественную опасность последствий данных преступлений, нельзя забывать, что они совершаются с неосторожной формой вины, и, видимо, поэтому законодатель отказался от установления уголовной ответственности за неосторожное причинение вреда здоровью средней тяжести.

Наделение медицинских работников признаками специального субъекта по отношению к такому составу преступления, как причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), также неоправданно. Их совершение вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей лицами других профессий не менее опасно, чем медицинскими работниками. Кроме этого, уголовное наказание медицинских работников за неосторожное причинение смерти пациентам почти во всех слу-

чаях сопряжено с лишением права заниматься медицинской деятельностью, что существенно ограничивает их право на достойное существование, а в некоторых случаях вообще лишает их средств к жизни.

Таким образом, санкции норм действующего уголовного законодательства, с нашей точки зрения, полностью соответствуют степени общественной опасности рассматриваемых преступлений.

Причинение смерти по неосторожности двум или более лицам также отягчает ответственность ввиду наступления более тяжких последствий.

Действия виновного подпадают под признаки состава, предусмотренного ч. 3 ст. 109, если в результате неосторожных действий (бездействия) была причинена смерть двум или более лицам.

Вместе с тем, уголовная ответственность по ч. 3 ст. 109 исключается, если в результате неосторожного деяния наступила смерть одного человека, а другому причинен лишь тяжкий вред.

В случаях, когда смерть причинена двум и более лицам в результате ненадлежащего выполнения лицом своих профессиональных обязанностей, виновному необходимо вменять два указанных признака, что, естественно, будет учитываться судом при назначении уголовного наказания.

Важно подчеркнуть, что если причинение смерти по неосторожности является необходимым признаком специальной уголовно-правовой нормы, то квалификация ч. 3 ст. 109 исключается. Таковы квалифицирующие составы незаконного производства аборта (ст. 123), неоказания помощи больному (ст. 124), выпуска и продажи опасных работ и услуг (ст. 238), многие экологические (гл. 26) и транспортные (гл. 27) преступления и пр.

Литература:

1. Микаелян, Н. Г. Актуальные аспекты причинения смерти по неосторожности/Н. Г. Микаелян // Вестник Дагестанского государственного университета. — Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013. — Вып. 2. — с. 149.
2. Меркулова, Л. Е., Черкасова Л. И. Некоторые особенности расследования преступлений о причинении смерти по неосторожности, совершенных медицинскими работниками/Л. Е. Меркулова, Л. И. Черкасова // Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 23 мая 2013 года). В 2-х частях. — М.: ООО «Буки Веди», 2013. — Ч. 2. — с. 227.
3. О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных или иных работ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 1991 г. № 16 по сост. на 06 февраля 2007 г. // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда РФ 1961—1993. — М.: «Юридическая литература», 1994.
4. Курс уголовного права. Общая часть/Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. — М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. — Т. 1. — с. 428—430; Ермакова Л. Д. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова и др.; Отв. ред. А. И. Рарог. — М.: Велби: Проспект, 2014. — с. 449.
5. Абдулкеримова, З. Я., Зиядова Д. З. Проблемы причинения смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей в республике Дагестан/З. Я. Абдулкеримова, Д. З. Зиядова // Пробелы в российском законодательстве. — М.: Медиа-ВАК, 2013. — № 1. — с. 137.
6. Уголовное дело № 1—174/08 // Архив Калининского районного суда г. Тюмени за 2008 г.
7. Давыдов, Р. А. Причинение смерти по неосторожности. Врачебная ошибка. Понятия, сравнение, анализ/Р. А. Давыдов // Правовая Россия: теория и практика. Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции. — Йошкар-Ола: Коллоквиум, 2011. — с. 54.

8. Кудаков, А. В. Врачебная ошибка и ее уголовно-правовая оценка/А. В. Кудаков: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — Саратов, 2011. — с. 3; Мурзова Т. В., Сенина-Волжская И. В. Вопросы ненадлежащего оказания медицинской помощи. Научный обзор Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации/Т. В. Мурзова, И. В. Сенина-Волжская. — Н. Новгород, 2010. — с. 227.
9. Нагорная, И. И. Причинение смерти по неосторожности при оказании медицинской услуги несколькими медицинскими работниками (на опыте России и Франции)/И. И. Нагорная // Власть и право: сборник научных трудов по материалам Общероссийской научно-практической конференции. 12–14 октября 2012 г. — Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. — с. 209.
10. Раков, А. А. Проблемы уголовной ответственности медицинских работников в России и некоторых зарубежных странах/А. А. Раков // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 7 (145). Право. Вып. 18. — с. 91.
11. Дудина, Е. Л. Проблемы квалификации причинения смерти по неосторожности при ведении беременности/Е. Л. Дудина // Проблемы современного российского права: сборник статей Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, посвященной памяти выдающегося российского адвоката Федора Никифоровича Плевако (15–16 апреля 2011 года). — Челябинск: ЮУрГУ, 2011. — с. 254.

Организационно-методические основы антикоррупционного мониторинга

Айсханова Екатерина Султановна, кандидат экономических наук, доцент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

При рассмотрении данного вопроса уместно отметить, что криминологи априори оказываются в роли критиков, поскольку, исследуя закономерности преступности во всех ее проявлениях, ее детерминацию и причинность, нацелены на выявление существующих социальных проблем, в том числе вызванных ошибками и просчетами в государственном управлении. Именно поэтому, как отмечает профессор А. И. Долгова, «выводы и рекомендации криминологов порой отвергают на том основании, что они противоречат господствующей идеологии, господствующей политике и не являются «подходящими»» [1]. При этом надо понимать, что в силу своей специфики коррупционная преступность, в отличие от других видов преступности (общегоуголовной, корыстной, насильственной, женской, преступности несовершеннолетних и др.), зачастую непосредственно связана с органами власти, представители которых нередко становятся субъектами коррупционных деяний.

Учитывая, что результаты антикоррупционного мониторинга в силу деликатности для органов власти самого предмета исследования неизбежно будут указывать на существующие проблемы и пробелы в сфере предупреждения, профилактики и противодействия! коррупции, важно, чтобы отношение к этим результатам основывалось на прагматических подходах, зафиксированных в современном антикоррупционном законодательстве.

Такая установка предопределяет ответственность исследователей, осуществляющих антикоррупционный мониторинг, повышенные требования к выбору ими научно обоснованной методики, а также объективности и беспристрастности в оценке и интерпретации полученных резуль-

татов. Как показывает зарубежный опыт, в том числе государств с развитыми демократическими и правовыми институтами, тема коррупции и борьбы с ней нередко политизируется и эксплуатируется оппонентами по внутриполитической борьбе.

Несмотря на это, антикоррупционный мониторинг остается важнейшим инструментом, используемым для совершенствования законодательства в этой сфере, принятия конкретных мер с последующим обеспечением их контроля.

В современной научной литературе нет какой-либо устоявшейся формулировки, характеризующей предмет антикоррупционного мониторинга. Вместе с тем, исходя из принятого нами определения антикоррупционного мониторинга, под предметом такого рода исследований следует понимать общие закономерности коррупционной преступности, ее причины, эффективность законодательных и иных мер по предупреждению и борьбе с коррупцией, включая правоприменительную практику, а также тенденции изменения восприятия коррупции в обществе. С учетом этого антикоррупционный мониторинг должен опираться как на общенаучные методы познания (восхождение от абстрактного к конкретному, гипотеза, системный подход, исторический метод, сравнение, динамические и статистические исследования), так и на комплекс конкретно-социологических методов. [2]

Создание национальной системы мониторинга коррупции предполагает также необходимость четкого определения таких понятий, как объект и субъект мониторинга; источники информации об объектах мониторинга, а также выбора его инструментов, которые бы соответствовали поставленным целям и задачам.

С криминологических позиций объектом антикоррупционного мониторинга следует считать коррупционную преступность в ее различных проявлениях, продуцирующие ее и оказывающие на нее влияние социально-экономические явления и общественные процессы, в том числе принимаемые государством меры по борьбе с ней. Разрабатывая конкретную модель антикоррупционного криминологического мониторинга, например, в рамках отдельного субъекта Федерации, можно говорить об объектах в узком понимании. [3]

Как представляется, субъектов антикоррупционного мониторинга с определенной долей условности можно разделить на две группы. К первой следует отнести органы исполнительной и законодательной власти на федеральном и региональном уровне, на которые возложены функции по реализации антикоррупционной политики или ее отдельных направлений.

Ко второй группе субъектов мониторинга коррупции можно причислить неправительственные организации, объединения предпринимателей, средства массовой информации. Такое разделение субъектов видится естественным, поскольку в отличие от властных органов, принадлежащие к этой группе структуры гражданского общества, как правило, в большей степени пользуются доверием граждан, которые более свободно делятся информацией об известных им коррупционных практиках.

Перечисляя субъектов антикоррупционного мониторинга, можно согласиться с отмечаемыми рисками, связанными с тем, что «эти два множества существенно пересекаются, результатом чего может стать возникновение недопустимого конфликта интересов, когда субъект мониторинга осуществляет мониторинг самого себя» [4]. Это может привести к нарушению основополагающих требований, предъявляемых к организации исследования, в первую очередь его объективности, надежности и репрезентативности.

Для минимизации возможных негативных последствий в таких ситуациях, специалисты рекомендуют прибегать к приему расширения спектра используемых инструментов мониторинга и проведению перекрестного мониторинга. С таким подходом можно в целом согласиться с той оговоркой, что еще на стадии постановки задач конкретного исследования и выбора его инструментов следует принять меры, способствующие выявлению возможной дезинформации, «лукавых статистических данных» и предотвращению попыток их включения в итоговые документы мониторинга.

Актуальность задачи организации эффективной борьбы с криминализацией государства и коррупцией в контексте антикоррупционного мониторинга подчеркивают суждения специалистов о том, что «...государство, не способное защитить своих граждан от массового насилия со стороны бандитов и коррупционеров, этой неспособностью обрекает себя на деградацию..., а относительно благополучные тенденции статистики последних лет по оргпреступности не отражают реальность. Снизилась

не число преступлений, а их выявляемость и регистрация». [5]

Учитывая крайне неблагоприятные оценки возможностей обеспечения антикоррупционного мониторинга, важным организационно-политическим инструментом, в том числе для проведения антикоррупционного мониторинга на региональном уровне, могли бы стать постоянно действующие координационные совещания по обеспечению правопорядка в субъектах РФ, образование которых законодательно предусмотрено. [6]

Таким образом, формирование антикоррупционного криминологического мониторинга в научно-обоснованном его содержании может быть востребовано для решения поставленных задач по противодействию организованной преступности и коррупции и реализации антикоррупционной политики государства на средне- и долгосрочную перспективу.

При всех отличиях в организационном обеспечении антикоррупционного мониторинга, проводимого международными органами, нельзя не выделить ряд общих для всех систем элементов. Условно их можно подразделить на три уровня:

— уровень, ответственный за постановку задач и определение тематики проведения антикоррупционного мониторинга, его периодичности, общей оценки результатов мониторинга и их использование для совершенствования антикоррупционной политики;

— уровень, обеспечивающий выбор научно обоснованной методологии исследований, необходимых инструментов, правильного сочетания криминологических и социологических индикаторов, привлечение к мониторингу специалистов, обладающих соответствующими экспертными знаниями, а также анализ и обработку результатов проведенных исследований;

— уровень, представляющий собой формируемые для решения конкретных задач исследовательские группы, состоящие из экспертов различных специальностей, непосредственно проводящих исследования и отвечающих за их качественное выполнение.

При формировании национальной системы антикоррупционного мониторинга можно ориентироваться на аналогичные подходы, предполагающие наличие трех взаимосвязанных структурных элементов. В России, в отсутствие единого антикоррупционного органа, функции структуры, определяющей «идеологию» мониторинга и являющейся основным заказчиком исследований в этой области, могли бы взять на себя Совет при Президенте РФ по противодействию коррупции и его Президиум, образованные для «выработки и реализации государственной политики в области противодействия коррупции», «...решения организационных и иных вопросов, связанных с привлечением для осуществления информационно-аналитических и экспертных работ представителей общественных объединений, научных и иных организаций, а также ученых и специалистов» [7].

В этой связи уместно привести полученные в ходе настоящего исследования экспертные данные о предпочте-

ниях относительно адресной востребованности системы антикоррупционного мониторинга.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что в настоящее время правовые и организационные

предпосылки формирования национальной системы антикоррупционного мониторинга, могут быть обеспечены методически, в том числе при учете высказанных предложений.

Литература:

1. Иванов, С. Л. Создание системы противодействия коррупции в исполнительных органах государственной власти // Закон и право. 2014. № 8. — с. 91.
2. Газимзянов, Р. Р., Кабанов П. А. Некоторые идеологические факторы, детерминирующие политическую коррупцию в современном российском обществе. — Нижнекамск: Изд-во Нижнекам. ф-ла МГЭИ, 2013. — с. 26.
3. Антикоррупционная политика: Справочник/Под ред. А. В. Маль-ко. — М.: Велби, 2006. — с. 59.
4. Бидова, Б. Б. Антикоррупционный мониторинг в государственной политике противодействия коррупции в России. Бидова Б. Б. Наказание в виде ареста в современном уголовном законодательстве СНГ и зарубежных стран [Текст]/Б. Б. Бидова // Молодой ученый. — 2015. — № 21.
5. Овечко, В. В. Меры противодействия коррупции в системе государственной службы Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2011. № 9. — с. 17.
6. Ключевская, И. Н. Понятие антикоррупционной политики и методологические подходы к ее изучению // Российский криминологический взгляд. 2014. № 2. — с. 29.
7. Кабанов, П. А. Организационно-управленческие факторы, детерминирующие политическую коррупцию в современном российском обществе // Закон и право. 2014. № 3. — с. 38.

Основные направления антикоррупционной политики государства

Айсханова Екатерина Султановна, кандидат экономических наук, доцент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Учитывая возросшие размеры проявления и масштабы распространения коррупционных действий, подрывающие как экономический потенциал государства, так и доверие граждан к органам государственной власти, созрела реальная необходимость принятия неотложных и действенных мер по борьбе с этими негативными явлениями. Коррупцией на сегодняшний день поражены практически все сферы общественной жизнедеятельности и уровни социальной действительности. Злоупотребления вошли в нашу повседневную жизнь как должное явление, тем самым, становясь нормой жизни и заменяя в общественном сознании такие добродетели, как долг, честь и достоинство. Государство при этом несет колоссальный и невосполнимый ущерб в виде потери репутации, как правового и культурного центра общественной организации, а также упущенных экономических возможностей. Результатом заражения системы государственной власти и частного бизнеса вирусом коррупции является всё возрастающее отставание по многим ключевым параметрам в социально-экономическом развитии от ведущих мировых лидеров. [1]

Для того чтобы переломить сложившуюся тенденцию внутриэкономической деструкции и морально-психологической деградации общества, и направить ее на неуклонный экономический рост, повышение уровня пра-

восознания и морально-нравственной ответственности граждан, необходимо использовать весь арсенал экономических средств и идеологических возможностей, тем самым, создавая материальный заслон и морально-психологический барьер против наслоения своекорыстных интересов должностных лиц на исполнение ими служебных обязанностей. Индикатором создания таких социально-экономических условий будет служить осознание каждым субъектом экономической деятельности того, что переступание этого своеобразного барьера автоматически влечет за собой потерю чести, достоинства и деловой репутации, утрату которых не в состоянии восстановить и компенсировать никакая сила, обладающая материальными, административными и иными ресурсами. Работа в этой области должна быть комплексной, последовательной и принципиальной, направленной на достижение главной цели — устранение обстоятельств, способствующих совершению злоупотреблений и создание условий, при которых любое противоправное действие с использованием служебного положения, расценивалось самим обществом как вопиющее нарушение общественной морали и норм права.

Главной особенностью и отличительной чертой предлагаемых мероприятий является их превентивный характер воздействия, т. е. предупреждение совершения коррупци-

онных действий и злоупотреблений на стадии их возникновения (борьба с причинами, а не со следствием), путем встраивания контрольных функций во все процессы взаимодействия субъектов экономической деятельности и на всех этапах их осуществления. [2]

Исходя из множественности причин возникновения коррупционной деятельности в системе общественных отношений, среди которых можно выделить экономические, организационные (институциональные) и социально-культурные факторы, работа по их профилактике, а в случае возникновения — локализации и последующему устранению, должна проводиться в едином правовом и идеологическом пространстве. Действия должны быть согласованными, затрагивать все сферы общественной жизнедеятельности, и направлены, как на повышение престижности государственной службы и материального стимулирования служащих, так и на развитие деятельности неправительственных организаций, гражданского самоуправления и контроля.

1. Экономическая сфера. Главной целью антикоррупционной политики в экономической сфере является совершенствование технологического процесса взаимоотношений субъектов экономической активности и техническое перевооружение его функционального сопровождения.

Одной из наиболее эффективных мер в области противодействия распространению коррупционных проявлений в обществе и злоупотреблению служебными полномочиями в системе государственного управления, видится инновационное развитие банковско-финансового сектора экономики, а именно — совершенствование системы денежного обращения и расчетного обслуживания субъектов экономической деятельности, а также создание эффективного контроля за ее функционированием. В рамках этой задачи предусматривается постепенный переход от налично-денежных форм расчетов к полному применению безналичных платежных инструментов оплаты товаров, услуг и др., т.е. последовательная трансформация расчетно-кассовой системы, основанной на налично-денежном обращении, в высокотехнологичную электронно-расчетную систему.

Главным преимуществом данной инновации является подконтрольность и оперативность проведения всех расчетных операций в рамках этой системы, т.е. контрольные функции будут встраиваться в сам процесс расчетов, что существенно снизит уровень взяточничества и казнокрадства на всех этапах его осуществления. Наряду с этим, реализация этого проекта стимулирует развитие высоких технологий в области расчетного обслуживания населения, а именно разработке и внедрению средств электронных платежей и многофункциональных терминалов для их осуществления, что в свою очередь, является серьезным шагом к реструктуризации всей экономики и переезде ее на инновационный путь развития.

Прежде чем приступить к реализации этого проекта, необходимо создать адекватную данной задаче систему

безопасности и защиты информации, которая сможет максимально обеспечить надежность, конфиденциальность и бесперебойность осуществления расчетных операций.

2. Организационно-правовая сфера. В этой сфере деятельности основными задачами в рамках проведения единой антикоррупционной политики государства, являются следующие задачи. Повышение эффективности государственного управления и укрепление антикоррупционного иммунитета органов государственной власти через механизм периодического обновления руководящего состава структурных подразделений исполнительной власти. Снижение влияния государственного аппарата на деятельность частного бизнеса и граждан путем сокращения полномочий чиновников и расширения доступа населению к получению необходимых благ. Усиление роли общественного контроля за деятельностью всех ветвей государственной власти.

Одним из эффективных средств по противодействию злоупотреблений служебным положением представителей органов государственной власти является, прежде всего, продуманная и взвешенная кадровая политика. В рамках решения этой задачи представляется целесообразным проведение следующих мероприятий:

Во-первых, создание на региональном уровне ротационной системы для руководящего состава всех структурных подразделений исполнительной власти, а также государственных предприятий и организаций, находящихся как в федеральной, так и в муниципальной собственности (средний период ротации — 2 года). При назначении на руководящие должности необходимо руководствоваться оценкой профессиональных и морально-психологических качеств должностных лиц (на соответствие предъявляемым требованиям), а также приверженности выполнению поставленных задач и достижению намеченных целей, продиктованных государственными интересами и сформулированных в единой государственной политике. При этом следует исключить из системы практику назначения должностных лиц, основанную на личной преданности и заинтересованности, т.к. на первый взгляд это является мощным фактором для создания сплоченной команды, но в последующем превращается в источник коррупции и рассадник злоупотреблений, где царит круговая порука и покровительство групповых интересов. Так или иначе, это приводит, в конечном счете, к деструктивным процессам, угрожающим целостности всей структуры власти: противостоянию внутри команды и доминированию своекорыстных интересов отдельных личностей над решением государственных задач, тем самым нанося серьезный ущерб государству. [3]

Во-вторых, формирование унифицированной системы оценок результатов деятельности региональных руководителей и глав муниципальных образований, на основе реальных статистических данных и макроэкономических показателей развития возглавляемых ими субъектов; социологических опросов населения об эффективности ра-

боты региональных и местных органов власти, проводимыми независимыми центрами изучения общественного мнения; заключения региональных общественных палат об уровне коррупции, соблюдении законности и правопорядка, культурно-нравственном развитии общества и этической оценке власти.

Другим не менее важным шагом в системе антикоррупционных мер является объединение всех профильных контролирующих органов в единую структуру, в функциональные обязанности которой входило бы осуществление надзора за деятельностью всех субъектов экономических отношений. В рамках этой задачи Правительству, как главному органу исполнительной власти, отводится роль регулятора экономических отношений, а контроль за их качеством, т. е. соблюдением субъектами экономики установленных правил и требований закона, должен осуществлять независимый от Правительства орган с соответствующими полномочиями (пробораз Счетной палаты). Для этого необходимо систематизировать стандарты и нормативные требования в единую систему оценок по видам финансово-хозяйственной деятельности экономических агентов. [4]

Таким образом, появится реальная возможность объективно оценивать социально-экономическое положение в стране путем анализа и сопоставления экспертных официальных данных и информации общественных организаций (в т. ч. результаты социологических опросов, статистические показатели независимых экспертов и международные оценочные индексы) по уровню и масштабам распространения коррупции.

3. Культурно-информационная сфера. Экономические и организационно-правовые аспекты антикоррупционной деятельности, выраженные в материальном стимулировании государственных служащих и применении адекватных мер наказания за нарушение ими требований закона, а также проведение всевозможных политических акций и мероприятий, являются необходимым, но недостаточным условием для предотвращения коррупции. В этом контексте немаловажным фактором является повышение морального и культурно-образовательного уровня граждан, через воспитательно-просветительскую деятельность и идеологическую работу.

Для повышения эффективности и результативности антикоррупционных мероприятий, в дополнение к принятию

законодательных инициатив по борьбе с коррупцией, представляется целесообразным введение этических стандартов для государственных служащих и представителей бизнес сообщества, которые наряду с нормативно-правовыми актами регламентировали бы деятельность субъектов экономики в производственном процессе и в сфере оказания услуг. В конечном виде эта модель должна представлять собой единую систему морально-правовых норм, выраженную в синтезе понятий верховенства закона и нравственности. [5]

Главными критериями для оценки деятельности государственных служащих и топ-менеджеров частных компаний, призваны стать порядочность, ответственность и профессионализм, основанный на высокой квалификации, и который в свою очередь, состоит из трех основных качеств: чувства долга, творческого подхода к выполнению поставленных задач и чувства гуманизма к окружающим. Если условно разделить субъектов экономической деятельности по видам собственности, то для субъектов частной собственности этими правилами могут стать корпоративная этика, а для субъектов государственной собственности — кодекс поведения государственного служащего.

Помимо этого, необходимо проводить постоянную информационно-просветительскую работу с населением по разъяснению основных положений и требований законодательных актов, о необходимости их уважения и соблюдения в своей жизнедеятельности, а также о правовых возможностях граждан при взаимодействии с представителями органов государственной власти. Для реализации намеченных целей необходимо задействовать как информационный, так и идеологическо-пропагандистский ресурсы, тем самым, возводя «мосты доверия» между властью и обществом. Так, например, при обращении граждан в любой уполномоченный орган государственной власти необходимо сделать естественной практикой предоставление исчерпывающей информации ответственным сотрудником обратившемуся лицу о его основных правах и вариантах оптимального правового решения возникающих проблем, т. е. взаимоотношения государственных служащих с населением должны строиться на основе поведенческого трансполирования (делай так, как бы ты хотел, чтобы к тебе отнеслись, окажись ты на месте другого).

Литература:

1. Астанин, В. В. Коррупция и борьба с ней в России XVI—XX веков: диалектика системного подхода. — М.: Омега-М, 2003. — с. 74.
2. Яковенко, С. В. Антикоррупционный мониторинг организации экономического сотрудничества и развития: публично-правовой аспект организации противодействия криминальным формам коррупции //Административное и муниципальное право. 2014. № 6. — с. 35.
3. Макарова, Т. Ю. Развитие представлений о коррупции как системном явлении //Юридические науки. 2014. № 3. — с. 64.
4. Вилиева, С. Ш. Инструменты противодействия коррупции //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2012. № 7. — с. 65.

5. Бидова, Б.Б. Антикоррупционный мониторинг в государственной политике противодействия коррупции в России Бидова Б.Б. Наказание в виде ареста в современном уголовном законодательстве СНГ и зарубежных стран [Текст]/Б.Б. Бидова // Молодой ученый. — 2015. — № 21

К вопросу об основаниях отрешения Президента РФ

Антипов Евгений Иванович, студент
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Согласно ст. 93 Конституции РФ основанием для отрешения от должности Президента Российской Федерации является выдвинутое Государственной Думой обвинение в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления. Сопоставляя данное положение Конституции с уголовным законодательством можно выделить ряд моментов. Как отмечает С.В. Рунец «рассматривая конституционные основания отрешения Президента РФ от должности, необходимо констатировать их несогласованность с действующим уголовным законодательством Российской Федерации». [1, с. 88] В уголовном законодательстве применяются такие категории как тяжкие и особо тяжкие преступления. В соответствии со статьёй 275 Уголовного Кодекса РФ государственная измена отнесена к категории особо тяжких преступлений. Сложившаяся ситуация на практике может сделать невозможным процесс импичмента Президента РФ. [2]

В вопросах ответственности главы государства, также, как и ответственности частных лиц, необходимо придерживаться того принципа, что всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого. Здесь нельзя не согласиться с В.М. Сырых в том, что «вопросы конституционной ответственности Президента РФ... решаются настолько неполно и противоречиво, что перевод этой ответственности из сферы формально-юридической в сферу практическую является проблематичным и фактически нереальным». [3, с. 25]

Верховенство Конституции РФ требует приведения в соответствие с ней уголовного законодательства. Если в Конституции государственная измена относится к категории тяжких преступления, следовательно, также она должна квалифицироваться и в Уголовном Кодексе, что требует внесения изменений в УК РФ. С другой стороны, признания государственной измены особо тяжким преступлением повышает порог ответственности главы государства, что будет расходиться с конституционным замыслом.

В данном случае Ю.А. Цветков говорит, что «Трактовать положения данной статьи (ст. 93 Конституции РФ) таким образом, что Президент РФ не может быть привлечен к уголовной ответственности вообще ни за какое преступление, кроме тяжкого или особо тяжкого, а привлечение его к ответственности за совершение преступлений указанных категорий допустимо лишь после отрешения от должности, было бы неоправданным расширением ее действительного

содержания. Следовательно, неурегулированность вопроса об уголовно — процессуальном, да и вообще юридическом иммунитете Президента РФ надо рассматривать как пробел в российском законодательстве». [4]

Н.М. Колосова полагает, что для урегулирования вопросов, связанных с отрешением Президента РФ от должности, необходимо определить возможность повторного выдвижения обвинения; слова «обвинение в совершении иного тяжкого преступления» в ст. 93 Конституции РФ заменить на слова «обвинение во всех уголовных преступлениях». [5, с. 42]

По мнению А.Л. Сергеева, следует разделять понятия «государственная измена» и «тяжкое преступление» как основания ответственности Президента РФ от одних и тех же уголовно-правовых категорий и закрепить в Федеральном законе о конституционной ответственности определение указанных терминов. [6, с. 12] Трудно согласиться с данной точкой зрения, так как необходимо четко определить, что следует подразумевать под соответствующими понятиями, это не вызывает сомнения.

Представляется, что сами конституционные основания отрешения Президента РФ от должности не соответствуют статусу и предназначению президента демократического государства. Отрешение Президента РФ от должности в зависимости от тяжести деяния вызывает много сомнений. Так С.В. Рунец указывает что «Президент России может безнаказанно совершать преступления средней тяжести без опасения подвергнуться импичменту, что противоречит здравому смыслу». [7, с. 88] Характеризуя данный вопрос, С.А. Авакьян пишет, что планка конституционной ответственности Президента России неоправданно завышена. Президент отрешается только за совершение тяжкого преступления, получается, что при совершении иного преступления Президент может спокойно оставаться в должности. «То, что уголовный преступник вправе оставаться на посту Президента РФ, Конституция не исключает». [8, с. 37]

А.А. Кондрашев также считает «неоправданной» ответственность Президента РФ за преступления небольшой и средней тяжести, так как это нарушает один из базовых конституционных принципов — принцип равенства граждан перед законом и судом». По мнению ученого, в «Конституции РФ и в федеральном уголовно-процессуальном законодательстве необходимо закрепить основания и порядок привлечения к уголовной от-

ветственности Президента как за совершение уголовных преступлений, так и за нарушение Конституции, неисполнение решений Конституционного Суда РФ или иных федеральных судов». [9, с. 111]

Характеризуя вопрос об основаниях отрешения от должности Президента РФ, В.И. Руднев указывает, что «следовало бы предусмотреть, что Президенту, как и всякому иному лицу, при наличии достаточных оснований может быть предъявлено обвинение в совершении любого преступления, а не только государственной измены или иного тяжкого преступления». [10, с. 37]

Соответствующее мнение имеет Б.А. Осипян, который отмечает, что «было бы вполне правомерно внести в действующую Конституцию РФ поправку, где словосочетание «совершение иного тяжкого преступления» было бы заменено понятием «преступления», поскольку Глава государства по определению вообще не может быть преступником». [11, с. 29]

Ряд исследователей предлагают расширить круг вопросов, относящихся к основаниям отрешения от должности. Так, Н.С. Зыкова пишет, что оптимальным решением вопросов отрешения Президента РФ от должности «видится введение полноценного института конституционной ответственности Президента в форме отрешения от должности за действия и решения, противоречащие Конституции Российской Федерации». [12, 28]

Подобное предложение не лишено смысла, если иметь в виду достаточно распространенные факты пренебрежения Основным Законом со стороны государственных руководителей, которые при этом остаются безнаказанными, что снижает уровень конституционной законности. Подобные факты, к сожалению, имели место и в деятельности российских президентов.

В.О. Лучин, например, указывает на откровенные нарушения Конституции РФ Президентом РФ Б.Н. Ельциным, который 31 марта 1998 г. назначил федеральными министрами Е.М. Примакова и М.М. Задорнова в отсутствие Председателя Правительства РФ, должность которого на тот момент была вакантной, чем был нарушен п. «д» ст. 83 Конституции РФ, согласно которому назначение федеральных министров осуществляется Президентом РФ по предложению Председателя Правительства РФ. [13, 18]

Несмотря на отклонение Государственной Думой в августе 1998 г. в период дефолта ряда законопроектов из предлагавшегося Правительством пакета антикризисных мер, Президент и Правительство РФ в нарушение Конституции РФ своими актами ввели в действие нормы отклоненных законопроектов, содержащих новые налоги на физических лиц, чем была нарушена норма ст. 57 Конституции РФ, в соответствии с которой налоги и сборы в отношении физических лиц могут устанавливаться только законом, но не подзаконными актами.

По данному поводу Г.А. Трофимова отмечает, что «в качестве основания отрешения от должности Президента РФ нужно установить совершение главой государства государственной измены, иного тяжкого или особо тяжкого преступления, а также иных деяний, которые являются несовместимыми со статусом главы государства. То есть основанием отрешения от должности должно стать не совершение преступлений, а совершение деяний, несовместимых со статусом главы государства, ведь посредством отрешения от должности лицо привлекается к конституционно-правовой ответственности, но это не означает (по крайней мере, думается, не должно означать), что глава государства, совершивший преступление, избежит уголовной ответственности за него, утратив лишь должность». [14, с. 20]

Таким образом, представляется, что основанием отрешения Президента России от должности следует указать нарушение Конституции, что будет способствовать бережному отношению к Основному Закону руководителем государства. Но здесь возникает та проблема, что нарушение Конституции может носить незначительный либо случайный характер. Предлагая указать основанием отрешения от должности Президента Российской Федерации нарушение Конституции (наряду с совершением уголовного преступления), представляется, что основанием его ответственности должно служить нарушение Конституции грубое либо неоднократное, факт которого мог бы определяться Конституционным Судом РФ после предъявления обвинения Президенту Государственной Думой. Признаки совершения уголовного преступления определялись бы Верховным Судом.

Литература:

1. Рунец, С. В. Актуальные вопросы ответственности главы государства в России // Общество и право. 2008. № 3. с. 88.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Сырых, В. М. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих // Государство и право. 2000. № 3. с. 25.
4. Цветков, Ю. А. Иммунитет от уголовного преследования в Российском праве // [электронный ресурс]. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/5053> (дата обращения 20.10.2015)
5. Колосова, Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М., 2000. с. 42.

6. Сергеев, А. Л. Конституционная ответственность федеральных органов государственной власти Российской Федерации: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2006. с. 12
7. Рунец, С. В. Актуальные вопросы ответственности главы государства в России // Общество и право. 2008. № 3. с. 88.
8. Авакьян, С. А. Президент Российской Федерации: эволюция конституционно-правового статуса // Вестник Московского университета. Серия «Право». 1998. № 1. с. 37.
9. Кондрашев, А. А. Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. // М., 2006. с. 111.
10. Руднев, В. И. Иммуниеты от уголовного преследования Руднев В. И. // Журнал российского права. № 7. 1998. с. 37
11. Осипян, Б. А. Мера участия органов конституционной юстиции в процедурах возможного роспуска органов законодательной власти и отрешения от должности глав Российского государства и его субъектов // Законодательство и экономика. 2009. № 1. с. 29.
12. Зыкова, Н. С. Отрешение от должности Президента РФ и участие в этой процедуре Конституционного Суда РФ // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 11. с. 28.
13. Лучин, В. О. Конституционные деликты // Государство и право. 2000. № 1. с. 18.
14. Трофимова, Г. А. Основания конституционно-правовой ответственности Президента РФ // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 1. с. 20.

Проблемы и перспективы развития института присяжных заседателей в России

Арутюнян Галина Сергеевна, магистрант

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

В статье выявлены проблемы законодательного регулирования формирования коллегии присяжных заседателей, дана оценка категорий дел, подсудных суду присяжных. Кроме того, проанализированы предложения по реформированию института присяжных заседателей, выявлены положительные и отрицательные стороны введения в России института народных заседателей.

Ключевые слова: присяжные заседатели, народные заседатели, подсудность дел.

Судопроизводство с участием присяжных заседателей на территории Российской Федерации с 2003 года распространилось на все регионы.

Значимость этой формы судопроизводства заключается в том, что она влияет прежде всего на качество рассмотрения дел, поскольку государственные обвинители должны доказать вину не только профессиональному юристу — судье, но и судьям «из народа».

Несмотря на достаточный период существования этой формы судопроизводства, накопление определенного опыта рассмотрения уголовных дел с участием судей факта, все же возникают проблемы при поддержании государственного обвинения в суде присяжных. В связи с изложенным, необходимо проанализировать законодательное регулирование по формированию суда присяжных и его деятельности.

Требования к формированию списка кандидатов в присяжные заседатели и их полномочия определяют Федеральный закон от 20.08.2004 N 113-ФЗ (далее Закон) [1] и Уголовный процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) [2].

Так, кандидатами в присяжные заседатели могут быть дееспособные лица, достигшие на момент составления списка 25 лет, не имеющие непогашенную или неснятую

судимость, не состоящие на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере, владеющие русским языком, не имеющие физических или психических недостатков, препятствующих полноценному участию в рассмотрении дела.

При этом, отбор в списки кандидатов производится путем случайной выборки через Государственную автоматизированную систему Российской Федерации «Выборы» (статьи 3–5 Закона) [1].

Уже данная норма в своей основе является порочной, в связи с тем, что в системе Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» не содержится практически ничего из тех сведений, которые должны предъявляться к кандидатам в присяжные (кроме возрастного ценза). Таким образом, фактически любое лицо, достигшее 25 лет, может попасть в список кандидатов в присяжные заседатели.

В связи с чем, УПК РФ возлагает на сотрудников аппарата суда обязанность по проверке соответствия выбранных лиц требованиям законодательства (часть 2 статьи 326 УПК РФ).

Данная норма также представляется весьма сомнительной, по той причине, что ни у помощника судьи,

ни у секретаря судебного заседания нет законных полномочий по истребованию необходимых сведений о лицах, входящих в список кандидатов в присяжные заседатели. Поэтому, более верным было бы возложение данной обязанности именно на судью, который и подписывает все запросы, направляемые с целью получения необходимых сведений о присяжных заседателях.

Что касается компетенции суда присяжных, то здесь хотелось бы указать следующее.

Принято полагать, что в России к полномочиям судов присяжных относятся вопросы факта [3, с. 9]. Так, согласно положениям статьи 334 УПК РФ в ее системном взаимодействии с пунктами 1, 2, 4 части 1 статьи 299 УПК РФ, суд присяжных разрешает вопросы о факте доказанности наличия деяния, о факте доказанности совершения деяния именно подсудимым; о виновности подсудимого в совершении деяния [2].

Последняя компетенция присяжных дает основание полагать, что к компетенции российского суда присяжных относятся не только вопросы факта, но и вопросы права.

В настоящее время с участием присяжных заседателей могут быть рассмотрены дела, указанные в части 2 статьи 30 и статье 31 УПК РФ [2].

Как отмечает Колоколов Н. А., «с участием присяжных ежегодно рассматривается около 600 уголовных дел в отношении примерно 1000 подсудимых». [4, с. 6].

Согласно позиции Конституционного Суда РФ подсудность уголовных дел, правила формирования коллегии присяжных для их рассмотрения призваны обеспечивать гарантированное Конституцией РФ право граждан на участие в отправлении правосудия, в том числе в качестве присяжных заседателей [5].

Между тем, в последние годы наблюдалась четкая тенденция по сокращению количества дел, рассмотрение которых возможно с участием присяжных заседателей.

Так, анализ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволяет говорить о том, что количество преступлений, по которым приговор может быть вынесен с учетом мнения присяжных заседателей, уменьшился практически вдвое. Подобное сокращение компетенции присяжных заседателей было обусловлено как сознательными действиями государства по «выводу» из подсудности присяжных заседателей таких преступлений как «государственная измена», «шпионаж», так и тем, что с целью разгрузки областных судов были переданы в подсудность районных дела по тяжким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. А, как известно, в настоящее время в районных судах рассмотрение дел с участием присяжных заседателей невозможно.

Подобное уменьшение роли присяжных заседателей вызвало возмущение как со стороны общественности, так и со стороны правозащитников.

В связи с чем, после состоявшейся в декабре 2014 года встречи с омбудсменами, Президент РФ Путин В. В. поручил Верховному Суду РФ совместно с Правительством РФ, Администрацией Президента РФ, Генеральной про-

куратурой РФ и Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека подготовить предложения о расширении применения института присяжных заседателей. Срок исполнения доклада был определен 30 марта 2015 год.

Итогом исполнения поручения Президента по реформированию института присяжных заседателей стал проект федерального закона, который предлагает пойти по пути расширения составов преступлений, которые подлежат рассмотрению судом с участием присяжных заседателей, путем включения в перечень целого ряда деяний, за которые не предусмотрено столь суровое наказание, как за те преступления, которые суду с участием присяжных заседателей подсудны в настоящее время. Для этого в проекте указано, что уголовные дела по ряду составов преступлений по ходатайству обвиняемого будут в обязательном порядке направляться из районного суда в суд субъекта Российской Федерации для их рассмотрения судом с участием присяжных заседателей [6, с. 4].

Однако, в таком случае создается ситуация, при которой не только форма правосудия, но и подсудность уголовного дела суду определенного уровня ставится в зависимость от наличия либо отсутствия ходатайства обвиняемого, а при совершении преступления группой лиц — от наличия либо отсутствия возможности выделения уголовного дела. Реализация данного подхода может привести к созданию правовой неопределенности в вопросе о том, судом какого уровня уголовное дело подлежит рассмотрению, что не согласуется с надлежащим обеспечением конституционного права обвиняемого на рассмотрение его дела тем судом, которому оно подсудно по закону.

Были высказаны и иные предложения по реформированию существующей системы суда присяжных. Так, анализ озвученных предложений представителей Верховного суда Российской Федерации и Генерального прокурора Российской Федерации позволяет прийти к выводу, что предлагается реформирование института присяжных заседателей, в том числе, за счет уменьшения количества присяжных заседателей, возможности рассмотрения дела с участием присяжных заседателей в районных судах (фактически — расширение подсудности таких дел), также предлагается вернуть институт народных заседателей [7].

Представляется, что данные предложения не лишены определенной логической основы. С одной стороны, они позволят, если не сократить, то хотя бы сохранить бюджет государства в части обеспечения судопроизводства с участием присяжных заседателей (а данная процедура является более, чем дорогой), с другой — обеспечить участие народа в судопроизводстве по достаточно большому количеству дел.

Кроме того, институт народных заседателей, несмотря на его критику в течение последних двадцати лет, имел, безусловно, и положительные проявления в советском судопроизводстве. Так, институт народных заседателей позволит обеспечить совместное решение судьей и народными заседателями как по вопросам факта, так

и по вопросам права. Это позволит решить определенные проблемы, существующие в институте присяжных заседателей сейчас. К таким проблемам можно отнести: недостаточный уровень правовой грамотности присяжных заседателей; отсутствие полномочий по непосредственному исследованию всех доказательств (в частности, невозможности задавать вопросы участникам процесса напрямую); возможность психологического воздействия на присяжных заседателей той или иной стороной судебного разбирательства.

При этом, при разработке законопроекта о введении в России шеффенов, безусловно, надо «вспомнить» и те негативные моменты, которые проявлялись в ходе существования института народных заседателей в советское время, чтобы избежать повторения ошибок.

Среди прочих проблем, которые могут возникнуть при введении института народных заседателей Колоколов Н.А. отмечает и такую: «...появление шеффенов в наших условиях проблематично ввиду отсутствия желающих судить» [4, с. 8].

Таким образом, подводя итоги настоящей статьи, хотелось бы отметить следующее.

Одной из форм осуществления правосудия народом является суд присяжных заседателей, который, в силу прямого указания закона, входит в судебную систему Российской Федерации. Суд с участием присяжных является одной из известных цивилизации форм судопроизводства.

Между тем, в период с 2008 года по 2013 год в стране наблюдалась тенденция к сокращению дел, подсудных суду присяжных. Кроме изменения общей подсудности дел

от областных к районным (что привело к исключению ряда преступлений из подсудности суда присяжных), ряд преступлений был «выведен» из компетенции данного суда по вполне объективным причинам. К ним можно отнести: большое количество оправдательных приговоров, выносимых судом присяжных, не столько, исходя из фактических обстоятельств дела, сколько из-за сложности исследования присяжными заседателями доказательств, отсутствием у них основ правовой грамотности и возможность влияния стороны защиты на присяжных заседателей. То есть, во многом, приговор выносился, исходя из того, кто — защита или обвинение — произвели на заседателей более сильное впечатление.

Между тем, ослабление роли суда присяжных в России вызвало возмущение в обществе, поскольку, суд присяжных является одним из составляющих элементов правового государства.

В связи с чем, в 2015 году наблюдается тенденция по расширению полномочий судов присяжных заседателей. Высказано достаточно много предложений, как со стороны прокуратуры и Верховного суда РФ, так и со стороны адвокатского сообщества.

В целом, в настоящее время представляются интересными идеи введения на уровне районных судов суда присяжных (даже при сокращении их количества в коллегии до 5–7 человек), а также введения института шеффенов в России. Это позволит суду «из народа» работать не только с вопросами фактов, но и с вопросами права, что полностью отразит роль заседателей как составного элемента судебной системы России.

Литература:

1. Федеральный закон от 20.08.2004 г. № 113-ФЗ (ред. от 29.12.2010) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 23.08.2004 г., № 34, ст. 3528.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 13.07.2015 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015 г.) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001 г., № 52 (ч. I), ст. 4921.
3. Брижак, З.И. Психологические основы доказывания в суде с участием присяжных заседателей // Юридическая психология. — 2014. — № 3. — с. 8–11.
4. Колоколов, Н.А. Будущее суда присяжных в России: Президенту РФ — спросил, общество ответило // Уголовное судопроизводство. — 2015. — № 2. — с. 3–9.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2006 № 3-П.
6. Гриненко, А.В. К вопросу о расширении компетенции суда с участием присяжных заседателей // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2015. — № 2. — с. 3–5.
7. В. Куликов, И. Пышечкин Люди рассудят // Российская газета — Федеральный выпуск № 6607 (36); Генпрокурор Чайка предлагает сократить число присяжных в ряде регионов [Электронный ресурс]: Режим доступа // <http://www.newsru.com/russia/29apr2015/chaika.html> (дата обращения 07.11.2015 г.)

О дипломатической службе как составной части государственной службы

Ахмедов Атабек Якубович, соискатель

Институт философии и политико-правовых исследований Национальной Академии наук Кыргызской Республики

В данной статье раскрывается содержание дипломатической службы, обеспечивающей практическое осуществление внешней политики Кыргызской Республики, рассматривается место и роль Министерства иностранных дел республики среди органов внешнеполитической ориентации, осуществляющих оперативное руководство внешнеполитической деятельностью Кыргызстана.

Ключевые слова: дипломатия, дипломатическая служба, министерство иностранных дел, дипломатические представительства

Дипломатическая служба является частью государственной службы Кыргызской Республики, деятельность которой регулируется Конституцией Кыргызской Республики, Законом Кыргызской Республики «О дипломатической службе» [1] и другими нормативными актами.

В соответствии со ст. 1 Закона КР «О дипломатической службе» Дипломатическая служба Кыргызской Республики является составной частью государственной службы Кыргызской Республики, обеспечивающей практическое осуществление внешней политики Кыргызской Республики, представляет и защищает интересы государства в сфере международных отношений. Часть 2 данного закона гласит о том, что консульская служба является частью дипломатической службы [1].

Кыргызская Республика смогла за небольшой отрезок времени создать необходимые институциональные, административно-кадровые ресурсы для формирования внешнеполитического ведомства.

Статья 3 названного Закона определяет систему органов дипломатической службы, куда входят Министерство иностранных дел Кыргызской Республики, дипломатические представительства и консульские учреждения Кыргызской Республики за рубежом, представительства Кыргызской Республики при международных организациях (далее — загранучреждения), представительства Министерства на территории Кыргызской Республики.

В целях обеспечения деятельности органов дипломатической службы Министерство вправе создавать на территории Кыргызской Республики подведомственные ему организации.

Дипломатические представительства и представительства Кыргызской Республики при международных организациях учреждаются (образовываются) Президентом Кыргызской Республики. Органы дипломатической службы и подведомственные Министерству организации образуют единую систему органов дипломатической службы.

Закон определяет, что внешние сношения с иностранными государствами относятся к исключительной компетенции МИД. Министерство является центральным органом государственного управления Кыргызской Республики, осуществляющим исполнительно-распорядительные функции во внешнеполитической сфере и возглавляющим единую систему органов дипломатической службы. Закон

«О дипломатической службе» достаточно четко определяет конкретные задачи дипломатической службы. В соответствии со ст. 6 к задачам дипломатической службы относятся:

- разработка и представление Президенту Кыргызской Республики концепции внешней политики, а также ее реализация совместно с другими органами исполнительной власти Кыргызской Республики;

- осуществление внешнеполитического курса Кыргызской Республики, на всестороннее развитие ее равноправных отношений с иностранными государствами, в соответствии с общепризнанными нормами международного права;

- обеспечение дипломатическими средствами защиты суверенитета, территориальной целостности и других интересов Кыргызской Республики в международных отношениях;

- содействие осуществлению экономической и социальной политики страны; защита прав и интересов граждан и юридических лиц Кыргызской Республики за рубежом;

- координация деятельности органов исполнительной власти в целях проведения единой внешнеполитической линии Кыргызской Республики в отношениях с иностранными государствами и международными организациями;

- сбор, обработка, анализ и систематизация информации о международном положении, внешней и внутренней политике иностранных государств, деятельности международных организаций;

- осуществление других задач в соответствии с Конституцией и нормативными правовыми актами Кыргызской Республики.

Министерство иностранных дел занимает особое место среди органов внешнеполитической ориентации как осуществляющее оперативное руководство внешнеполитической деятельностью Кыргызстана. Непосредственно оно осуществляет руководство дипломатической службой страны, организационно представленной центральным аппаратом МИД и находящимися в его ведении заграничными учреждениями.

В самом общем плане, ведомства внешних сношений реализуют такие функции, как:

- прямое представительство интересов и прав соответствующего государства и их защита в формате международных отношений;

- поддержание дипломатических отношений между странами;
- осуществление связей и поддержание отношений с международными организациями, членом которых является государство, участие в их работе;
- руководство деятельностью официальных представительств страны за рубежом;
- аналитическая обработка информации, поступающей от загранучреждений и выработка на ее основе прогнозов и рекомендаций для политического руководства страны во внешнеполитической сфере;
- установление и поддержка контактов с дипломатическими учреждениями иностранных государств, аккредитованными в стране пребывания национального дипломатического представительства, а также делегациями и различными миссиями, посещающими данное государство.

Министерство иностранных дел Кыргызстана в реализации своей координирующей роли в сфере международной деятельности основывается на Указе Президента Кыргызской Республики «О Министерстве иностранных дел Кыргызской Республики и усилении его координирующей роли в проведении единой внешней политики Кыргызской Республики» от 30 ноября 2005 года. В соответствии с ним, МИД КР определен головным органом исполнительной ветви власти в сфере отношений с зарубежными государствами и организациями международного формата, с выполнением контрольных функций за реализацией Кыргызской Республикой взятых на себя международных обязательств. МИД, также осуществляет функции сопровождения государственных органов Кыргызстана и субъектов его экономики в вопросах реализации ими политики государства во внешнеэкономической сфере.

Все предложения относительно интересов страны во внешнеполитической и внешнеэкономической областях, включая приглашения представителей государственных структур иностранных государств, зарубежных делегаций, проведение различных переговоров, заключение договоров международного уровня, в т. ч. межведомственного формата, подлежат обязательному согласованию соответствующими государственными структурами Кыргызстана с Министерством иностранных дел, до их внесения на рассмотрение Президенту или в Правительство КР.

Специальные внутригосударственные органы внешних сношений осуществляют представительство государства лишь в одном сегменте его внешних интересов и строго в границах, определенных национальным законодательством.

В общей системе государственной службы, ее дипломатическая составляющая является определенным видом, отличающимся от прочих ее видов собственной спецификой. К отличительным признакам дипломатической службы следует отнести такие, как:

- существование международных отношений либо наличие внешних, межгосударственных сношений;

- регулирование дипломатической деятельности государства в правовом формате, как международного, так и национального уровней;

- наличие внутренних и внешних органов государства в сфере внешних сношений, а также дипломатических кадров, необходимых для организации и осуществления соответствующей деятельности.

Полагаем необходимым, в связи с изложенным, подчеркнуть то обстоятельство, что дипломатический работник является не типичным государственным служащим, осуществляющим свои полномочия в определенной сфере жизнедеятельности общества и в определенном его должностью объеме. Он наделяется государством властными полномочиями на действия от его имени и по его поручению в сфере международных отношений, ориентированные на обеспечение интересов представляемого им государства. Работник дипломатической службы выступает одновременно, как в роли носителя национальных, в т. ч. политических, духовных, нравственных интересов и ценностей своего народа, так и их защитника.

Социально-правовой статус работника дипломатической службы Кыргызстана определяется:

- наличием у него гражданства КР и непринадлежностью к гражданству иного государства;

- задокументированным соответствующим приказом замещением государственной должности в аппарате МИД КР, его представительстве на территории страны, загранучреждений;

- документом (документами) об окончании соответствующего учебного заведения и получении квалификации по необходимой для работы в системе МИД специальности;

- наличием трудового договора, должностной инструкции и других документов, определяющих права, обязанности, ответственность, иммунитеты и привилегии работника в соответствии с требованиями по занимаемой им должности, наличием дипломатического ранга и квалификационного разряда;

- наличием соответствующих должностных полномочий, позволяющих качественно исполнять должностные обязанности;

- гарантированными привилегиями, иммунитетами и материальным обеспечением из средств республиканского бюджета.

Важнейшей характеристикой статуса работника дипломатической службы является наличие у него того или иного дипломатического ранга, а его главной задачей является практическое участие, на самом высоком профессиональном уровне, в реализации внешней политики Кыргызской Республики, в обеспечении достижения ею соответствующих поставленных целей.

Находящиеся на дипломатической службе лица имеют соответствующие своему должностному статусу права, которые можно, условно, дифференцировать на функциональные, статусные и общегражданские. Первые из них, непосредственно относятся к осуществляемым дипломатическим работником служебным и должностным обязан-

ностям. Статусные права касаются места и роли дипломатических работников в системе государственной службы. Общегражданские права представляют собою права, гарантируемые каждому человеку и гражданину Конституцией Кыргызской Республики, среди которых право на отдых, жилище, охрану здоровья, реализацию своего пассивного и активного избирательного права, на защиту своих прав в судебном порядке и т. д. [2].

Наряду с конституционно закрепленными правами, работник дипломатической службы вправе отстаивать свои права, связанные с осуществляемой им служебной деятельностью. Это такие, как право обращения в вышестоящие инстанции по вопросам продвижения по службе, оспаривания выданных характеристик либо результатов аттестации или квалификационных экзаменов, дисциплинарной ответственности и т. п. В концептуальном плане, данная категория прав дипломатического работника ориентирована на защиту его личного и гражданского досто-

инства, служебных прав; на обеспечение стабильности в его служебной деятельности и гарантированности служебной карьеры в системе внешнеполитического ведомства, при условии, разумеется, соблюдения сотрудником дипломатической службы требований законодательства и ведомственных норм, добросовестного исполнения своих должностных обязанностей.

Конкретизация прав работника дипломатической службы и его должностных обязанностей реализуется в формате заключаемых с ним трудовых договоров, а также должностных инструкций по замещаемой им должности, утверждаемых в установленном МИД порядке.

Поступающий на государственную службу, одним из видов которой является дипломатическая, гражданин, осознанно, принимает на себя некоторые ограничения, касающиеся реализации им его гражданских прав и свобод. Объем изъятий из них устанавливается действующим законодательством КР о государственной службе [3].

Литература:

1. Закон Кыргызской Республики «О дипломатической службе» от 15 июля 2013 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mfa.gov.kg/contents/view/id/38>.
2. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gov.kg/?page_id=263&lang=ru.
3. Закон Кыргызской Республики «О государственной службе» от 11 августа 2004 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30296509.

Антикоррупционный мониторинг: научные основы

Ахъядов Эльман Саид-Мохмадович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Современные международные инициативы в сфере противодействия коррупции связаны с развитием институциональных механизмов слежения за исполнением конвенционных антикоррупционных требований. Такие механизмы созданы в контексте требований основополагающих международных правовых документов, регулирующих вопросы противодействия коррупции. Наряду с этим активно развиваются независимые контрольные механизмы оценки состояния дел в сфере противодействия коррупции на национальном уровне, которые осуществляют международные неправительственные.

Проводимые как международными, так и неправительственными структурами антикоррупционные исследования, не только имеют неодинаковый методологический аппарат, объекты, цели и задачи специального познания, но и разнятся по субъектному экспертному обеспечению. Содержание исследований, обусловленных международно-правовыми обязательствами России, носит прагматический характер планового учета конвенционных тре-

бований с позиции их имплементации в национальное законодательство и практику правоприменения.

Наряду с этим считается целесообразным проведение на регулярной основе нравственно-правовой учебы во всех трудовых коллективах структурных подразделений исполнительной власти, направленной на повышение уровня правосознания государственных служащих и развитие морально-волевых качеств, для дальнейшего руководства и применения в своей профессиональной деятельности.

В качестве одной из действенных мер по культурно-нравственному воспитанию подрастающего поколения предлагается включение в учебные программы всех общеобразовательных учреждений обязательного предмета изучения — Этики поведения в обществе, с зачетной системой оценки, основанной на практическом применении полученных знаний в сценарном проецировании различных ситуаций. [1]

Неспособность власти эффективно противодействовать коррупционным проявлениям в общественной жиз-

недеятельности наиболее остро проявляется на нерешенности многих социальных проблем. В этом аспекте распространение коррупции негативным образом отражается на состоянии безопасности и правопорядка, качестве медицинского обслуживания и образования, социального и пенсионного обеспечения граждан, тем самым, усиливая социальную напряженность в обществе. Одной из основных причин сложившейся неблагоприятной ситуации является несправедливое перераспределение доходов населения из-за недифференцированности ставок по налоговым платежам, косвенно дающих возможность уклонения от уплаты части налогов наиболее обеспеченной категории граждан, тем самым, перекладывая налоговое бремя на малоимущих людей. Вследствие этого, происходит расслоение общественной структуры и увеличение разрыва между уровнем доходов различных категорий граждан. Другим существенным фактором, характеризующим социальные негативные последствия коррупции, является нечестная конкуренция в сфере бизнеса, проявляемая в лоббировании интересов отдельных экономических субъектов, обладании ими определенными льготами и преференциями. [2]

В этом контексте, для выравнивания сложившейся ситуации необходимо создать равные условия ведения бизнеса (правила игры) для всех участников предпринимательской деятельности, а также равные возможности получения жизненных благ для всех категорий граждан, т. е. равенство должно достигаться исключительно в обладании качественных характеристик (свободы и ответственности, прав и обязанностей). А среди количественных показателей (абсолютных и относительных) — действовать принципы сбалансированности, соразмерности и пропорциональности.

В свете нерешенности многих социальных проблем семей государственных служащих (обеспеченности жильём, потребности в качественном медицинском обслуживании и хорошем образовании, проведения досуга и отдыха) и в целях избежания возникновения «конфликта интересов» (т.е. личных интересов работников и служащих органов власти с интересом государственным), необходимо создать благоприятные социально-экономические условия для данной категории граждан, тем самым, обеспечивая добросовестное выполнение служебных обязанностей. На сегодняшний день представители органов государственной власти во многом ограничены в возможностях решения своих жизненных проблем из-за недостаточно высокого уровня доходов, что создает благоприятную почву для возникновения всевозможных злоупотреблений при выполнении служебных обязанностей. Не каждый рядовой сотрудник в состоянии себе позволить взять кредит в банке на условиях, предлагаемых ему кредитной организацией. [3]

Исходя из этого, одним из способов решения вышеуказанных проблем и формирования соответствующих условий, который исходит по своей сути из других сфер жизнедеятельности, видится расширение правовых воз-

можностей доступа государственных служащих к получению материальных благ, при одновременной его четкой регламентации. Для этих целей следует создать единый Центр по предоставлению кредитных ресурсов данной категории граждан на различные нужды (ипотечное и потребительское кредитование, кредиты на образование и другие цели). Он может быть реализован в форме Федерального Кредитного Агентства, как одного из структурных подразделений исполнительной власти и подотчетного Председателю Правительства РФ. Естественным вытекающим из этого основанием будет являться введение ограничений для государственных служащих по получению услуг кредитного характера в других кредитных организациях. Таким образом, будут созданы единые условия для кредитования государственных служащих, с равноустановленной и фиксированной процентной ставкой за пользование кредитными ресурсами для всех категорий служащих, но при этом срок погашения ссудной задолженности привязывается к суммарному доходу (обратно пропорционален денежному довольствию и заработной плате), т.е. регулирует размер ежемесячных платежей по уплате основного долга в зависимости от уровня доходов должностных лиц. [4]

Это существенно снизит коррупционный риск, проявляемый в виде субсидирования и льготного кредитования частным бизнесом жизненных потребностей представителей власти в обмен на оказание определенных видов услуг. Вместе с этим, вышеуказанная мера станет одной из своеобразных форм инвестирования бюджетных ресурсов в решение социальных проблем, развитие реального сектора экономики и инфраструктуры. Для этих целей будут закладываться необходимые средства в соответствующую расходную часть бюджета, которая в последствие будет самофинансироваться из доходов от погашения суммарной ссудной задолженности и уплаты процентов, тем самым, предоставляя возможность расширения спектра и объемов кредитования. Также это будет служить одним из действенных экономических инструментов денежно-кредитного регулирования, наряду с эффектами решения социальных проблем.

Подводя итог вышеизложенному можно сделать вывод о том, что эффективность антикоррупционных мер будет во многом зависеть от политической воли властных структур к неуклонному претворению в жизнь основных идей и принципов противодействия коррупции, а также от готовности общества принять активное участие в этом процессе и взять за основу в своей жизнедеятельности соблюдение этических норм и требований закона.

Анализируя возможные эффекты возникновения от реализации предлагаемой антикоррупционной политики государства, становится очевидным её инновационная направленность. Наряду с этим, главными достоинствами основных мероприятий в этой области являются их широкий спектр применения, затрагивающий все сферы общественной жизнедеятельности; систематизация антикоррупционных мер и использование комплексного под-

хода при их осуществлении, подразумевающего согласованность и чёткую координацию действий; создание многоуровневой системы контроля за деятельностью органов государственной власти и встраивание контрольных функций в процесс ее взаимодействия с бизнесом.

Негативным же фактором, влияющим на ухудшение антикоррупционного климата в стране, является закостенелость бюрократической системы и чиновнического аппарата, не способного самостоятельно, без радикальных мер, трансформироваться в передовой отряд по борьбе со злоупотреблениями власти, тем самым на собственном примере, показывая приверженность провозглашенным принципам. Ещё одним проблемным аспектом является разрушение духовно-нравственных устоев и ценностей в общественном сознании, ведущее к деградации основ человеческих взаимоотношений. [5]

Для эффективного проведения антикоррупционной политики государства и получения положительных результатов от предпринимаемых действий в этой области предлагается осуществить следующие мероприятия:

1. Провести экспертную оценку предлагаемым алгоритмам решения задач противодействия коррупции.
2. На основе сформулированных антикоррупционных мер выработать действенные механизмы реализации поставленных задач в рамках проведения антикоррупционной политики государства.

3. Создать законодательную основу для эффективного проведения антикоррупционной политики государства.

4. Возвести в ранг доктрины политику государства по борьбе с коррупцией, придать ей соответствующий статус и сделать одним из руководящих принципов социально-экономического развития страны.

5. Образовать специальное ведомство по противодействию коррупции, отвечающее за проведение антикоррупционной политики государства.

6. Повысить общественную осведомленность о правовых возможностях граждан применения всех доступных средств и ресурсов воздействия на власть, в рамках государственной политики противодействия коррупции.

Только в едином тандеме «государство и общество» можно победить коррупционного монстра и укрепить иммунитет против его деструктивного воздействия на общественный организм. О способности разрешить эту злободневную дилемму свидетельствуют многочисленные факты и примеры из славной истории нашей государственности. В самые сложные периоды развития нашего общества, люди объединяли свои усилия и консолидировались в единую монолитную общественную структуру, которая эффективно решала и более сложные задачи социально-экономического развития и предотвращала любые угрозы нашей национальной безопасности.

Литература:

1. Бидова, Б.Б. Институциональное обеспечение национальной системы антикоррупционного мониторинга [Текст]/Б.Б. Бидова // Молодой ученый. — 2015. — № 21.
2. Газимзянов, Р.Р. Историко-криминологическое исследование противодействия коррупции в России с XVI века по настоящее время // Следователь. 2014. № 6. — с. 46.
3. Астанин, В.В. Коррупция и борьба с ней в России XVI—XX веков: диалектика системного подхода. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. — с. 124.
4. Черкашина, Е. А. Коррупция в России: причины возникновения и методы борьбы. — Уфа: Лето, 2014. — с. 77.
5. Астанин, В.В. Организованная коррупция и реагирование на нее. — М.: РЭА им. Г.В. Плеханова, 2012. — с. 23.

Анализ объективных и субъективных признаков прикосновенности к преступлению

Ахъядов Эльман Саид-Мохмадович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Рассмотрение объективных признаков уголовно-противоправной прикосновенности к преступлению целесообразно начать с определения объекта посягательства.

Объектом преступления в теории уголовного права признается совокупность охраняемых уголовным законом общественных отношений, на которые посягает общественно опасное деяние. При этом объект любого престу-

пления исходя из структуры Уголовного кодекса РФ, делится на общий, родовой, видовой и непосредственный. Общим объектом всех преступлений, предусмотренных Особенной частью УК, является вся совокупность общественных отношений, на которые посягают преступления. Родовой и видовой объекты преступления определяются местом соответствующего уголовно-правового предпи-

сания в системе Особенной части УК, а именно — разделом и главой, в которых она расположена. Под непосредственным объектом принято понимать конкретное общественное отношение с присущими ему субъектами и содержанием, которое нарушается в результате совершения преступления.

Решение вопроса об объекте прикосновенности зависит от того, какой взгляд на юридическую природу анализируемого социально-правового явления представляется наиболее предпочтительным. В отечественной литературе сложились три подхода к определению понятия объекта преступной прикосновенности [1, с. 20].

Признание прикосновенности разновидностью соучастия в преступлении позволяет утверждать, что ее объект совпадает с объектом основного преступления. Данный подход представляется спорным. Деяние прикосновенного лица не посягает на объект основного преступления, так как не находится с ним в причинной связи. К примеру, заранее не обещанное укрывательство убийства не посягает на жизнь другого человека, так как имеет место уже после его совершения.

Согласно другому подходу прикосновенность есть самостоятельное преступное посягательство, наказуемое в пределах положений Особенной части УК. При этом среди ученых, придерживающихся данной позиции, нет единства мнений по вопросу о том, каким именно правоохраняемым объектам причиняют вред деяния прикосновенных лиц. Угроза совершения другими лицами новых преступлений является основанием криминализации прикосновенности к преступлению. С учетом этого объектом прикосновенности являются основы общественной безопасности или общественную безопасность (в зависимости от прикосновенности к какой группе преступлений идет речь). Однако это суждение представляется спорным.

По данному вопросу следует, скорее, согласиться с Л.В. Лобановой, которая отмечает: «Создавая норму об укрывательстве, законодатель преследовал цель защитить не общественную безопасность как таковую, а то, что способствует предотвращению оставления преступника в опасном для общества состоянии» [2, с. 97]. Кроме того, само по себе создание угрозы нарушения уголовно-правового запрета не может рассматриваться как посягательство на интересы общественной безопасности. В противном случае следовало бы признать, что на интересы общественной безопасности посягают и так называемые «усеченные» составы преступлений, предусматривающие ответственность за создание угрозы причинения вреда правоохраняемым интересам (к примеру, состав разбоя), что не соответствует действительности.

Некоторые представители рассматриваемого подхода считают, что прикосновенность направлена против интересов правосудия, поскольку деяния прикосновенных лиц препятствуют привлечению преступников к ответственности. Отчасти эта позиция верна. Прикосновенность к преступлению действительно в той или иной степени способствует сокрытию преступления и (или) преступ-

ника от правосудия. Вместе с тем, причинение ущерба интересам правосудия не является необходимым признаком всех видов прикосновенности к преступлению [3, с. 102].

В соответствии с третьим подходом, прикосновенность к преступлению имеет двойственный характер. С одной стороны, она строго отграничивается от соучастия, а с другой — признается «производным» противоправным посягательством, связанным с основным преступлением, совершенным другими лицами. В этой связи считается, что прикосновенность имеет многообъектный характер.

На наш взгляд, вопрос об объекте уголовно-наказуемой прикосновенности необходимо решать с учетом функциональной (целевой) направленности норм об ответственности за анализируемое негативное поведение. Таким образом, в настоящее время предупреждение преступлений является одной из функций публичной власти, реализация которой обеспечивается деятельностью соответствующих государственных и муниципальных органов власти. Следовательно, противоправное поведение, препятствующее решению задачи предупреждения преступлений, посягает на установленный порядок функционирования органов власти. С учетом сказанного более правильным является определение родового объекта прикосновенности как интересов государственной власти. Названные интересы являются предметом уголовно-правовой охраны нормативных положений, предусмотренных разделом X «Преступления против государственной власти» УК РФ. В этой связи представляется обоснованным и целесообразным поместить в названный раздел УК нормативные предписания об ответственности за преступную прикосновенность [4, с. 137].

Видовым объектом прикосновенности в зависимости от конкретных ее разновидностей могут признаваться интересы службы в органах государственной власти, военной службы, а также интересы правосудия.

Вопрос о непосредственном объекте уголовно-противоправной прикосновенности решается применительно к отдельным ее разновидностям. Вместе с тем, в данном аспекте нельзя не отметить, что прикосновенность к преступлению представляет собой многообъектное преступное посягательство. Дополнительный объект — это конкретное общественное отношение, причинение вреда или угроза причинения вреда которому является обязательным условием уголовной ответственности. Под факкультативным объектом понимается конкретное общественное отношение, которому может быть причинен вред в результате совершения преступления [5, с. 47].

Полагаем, что прикосновенность может характеризоваться только прямым умыслом. Как известно, прямой умысел отличается от косвенного, прежде всего, содержанием волевого отношения лица к последствиям своего деяния. При косвенном умысле виновное лицо не желает, но сознательно допускает наступление общественно опасных последствий или относится к ним безразлично. Это означает, что косвенный умысел может иметь место

только при совершении преступлений с материальным составом, где последствия выступают в качестве обязательного признака объективной стороны. Сторонники косвенного умысла при прикосновенности пытаются распространить психическое отношение прикосновенного лица не только на само деяние, но и на те вредные последствия, которые могут наступить в результате его совершения. Однако общественно опасные последствия лежат за пределами состава прикосновенности. Поскольку состав прикосновенности не включает последствия совершенного деяния, содержание умысла виновного исчерпывается его желанием оказать лицу, совершившему основное преступление, содействие в сокрытии от правосудия, либо не противодействовать совершению основного посягательства.

Резюмируя изложенное, попытаемся дать определение родовому понятию прикосновенности к преступлению. На наш взгляд, в родовом понятии прикосновенности к преступлению должны быть указаны сущностные

признаки, позволяющие, с одной стороны, относить к ней те или иные социально негативные деяния, а с другой — отграничивать прикосновенность от соучастия в преступлении и иных смежных форм поведения. Отсюда, родовое понятие прикосновенности к преступлению целесообразно определить так: прикосновенность к преступлению в уголовном праве России — это умышленные общественно опасные деяния (действие или бездействие) не принимавших участия в совершении основного преступления лиц, которые посягают на интересы государственной власти и связаны с сокрытием основного преступления от правосудия либо с принятием мер по его предупреждению.

Следует также отметить, что родовое понятие прикосновенности к преступлению в системе современных категорий уголовного права следует рассматривать во взаимосвязи с такими категориями, как соучастие в преступлении, с одной стороны, и предупреждение преступлений, с другой.

Литература:

1. Михаль, О.А. Соотношение прикосновенности к преступлению с классификацией преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2008. — № 3. — с. 20–24.
2. Лобанова, Л. В Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. — Волгоград Изд-во Волгоградского ун-та, 1997. — 165 с.
3. Власов, Ю.А. Прикосновенность к преступлению: соотношение с классификацией преступлений. — Омск: Изд-во Омск. юрид. ин-т, 2012. — 201 с.
4. Свинаярева, Е.А. Прикосновенность к преступлению // Вестник Владимирского юридического института. — 2014. — № 2. — с. 137–139.
5. Леванова, М.Р. Прикосновенность к преступлению: сравнительно-правовой аспект. — Иваново: Изд-во Ивановского государственного ун-та, 2015. — 165 с.

Институциональная характеристика иных мер уголовно-правового характера как правовых последствий запрещенного уголовным законом деяния

Басаев Висхан Ахмедович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Вопрос о том, являются ли «иные меры уголовно-правового характера» институтом уголовного права возник с момента введения в УК РФ раздела VI «иные меры уголовно-правового характера». Как отмечалось, данный раздел, кроме существовавших ранее норм о принудительных мерах медицинского характера (гл. 15), включает в себя нормы о конфискации имущества (гл. 15). Ретроспективный анализ отечественного уголовного законодательства убеждает нас в том, что указанные «иные меры уголовно-правового характера» как правовые последствия запрещенного уголовным законом деяния, как средства реагирования на их совершение, существовали всегда, являясь необходимым инструментом уголов-

ного права. Хотя в совокупности в качестве мер одного института уголовного права никогда не указывались.

Российское уголовное право как система взаимосвязанных юридических норм складывается из соответствующих уголовно-правовых институтов. Общая теория права относит институт права к структурным элементам системы права наряду с нормами права и отраслью права. Общеизвестно, что институт права является системообразующей единицей права.

«Иные меры уголовно-правового характера» — один из крупных институтов, уголовного права однако на сегодняшний день в доктрине он широко не признан. Специальных исследований «иные меры уголовно-правового

характера» как института не проводилось. Чаще обращалось внимание на отдельные виды «иные меры уголовно-правового характера» без объединения их в обособленный (как это сделано уже в УК РФ) институт.

Обособленность норм института «иные меры уголовно-правового характера» видится в том, что они обеспечивают разностороннее регулятивное воздействие на конкретную сторону уголовно-правовых отношений. Уголовный закон устанавливает, при наличии достаточных на то оснований, возможность применения к лицу, совершившему запрещенное уголовным законом деяние, не только наказания, но и «иные меры уголовно-правового характера»; следовательно, применение норм последних свидетельствует об их нацеленности на регулирование возникающих уголовно-правовых отношений. Нормы института «иные меры уголовно-правового характера» и являются инструментом полного, законченного регулирования этих отношений, в случаях, когда закон устанавливает возможность их применения. К примеру, нормы гл. 15 УК РФ, регулирующие применение принудительных мер медицинского характера, в полной мере демонстрируют самостоятельное, полное, законченное регулирование возникших уголовно-правовых отношений. Это же можно сказать и о нормах гл. 15¹ УК РФ, а также о нормах уголовного закона, регулирующих применение к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия.

Итак, законодательно закрепленные в разделе VI УК РФ виды «иные меры уголовно-правового характера» демонстрируют собой обособленное, полное, законченное регулирование возникших уголовно-правовых отношений; в своей совокупности они представляют собой правовой институт, содержащий в себе все аспекты регулятивного воздействия на возникающие уголовно-правовые отношения.

В мерах, отнесенных к институту «иные меры уголовно-правового характера», проявляется сочетание принуждения с другими способами правового регулирования. Например, метод принуждения в сочетании с убеждением, обаянием, рекомендацией проявляется в принудительных мерах воспитательного воздействия в виде помещения несовершеннолетнего, освобожденного от наказания, в специальное учебно-воспитательное учреждение, направленное на достижение цели перевоспитания и предупреждения совершения им новых преступлений.

Изложенное убеждает нас в том, что имеющиеся в УК РФ «иные меры уголовно-правового характера» по методу уголовно-правового регулирования отвечают признакам уголовно-правового института.

В завершение изложим наши соображения по вопросу классификации института «иные меры уголовно-правового характера». При этом мы будем опираться на принятые в общей теории права критерии, позволяющие раскрыть сущность классифицируемого объекта — института «иные меры уголовно-правового характера». [1]

По способу регулирования общественных отношений он относится к материальным правовым институтам. Поскольку уголовное право является отраслью материального права, то и указанный институт как его часть является материально-правовым институтом. При этом отметим наличие в уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве норм, регулирующих применение и исполнение этих мер. Нормы уголовного права по отношению к нормам указанных отраслей являются базовыми. Именно уголовное право формирует понятийно-категориальный аппарат «иные меры уголовно-правового характера». В свою очередь нормы уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права призваны, претворять в жизнь нормы, составляющие рассматриваемый институт, обслуживая процессы его реализации; совершенствование норм института «иные меры уголовно-правового характера» в уголовном праве, требует согласования с положениями УПК РФ и УИК РФ.

По предметно-отраслевому признаку «иные меры уголовно-правового характера» относится к отраслевым институтам. Находясь в уголовном праве, он регулирует близкие по содержанию общественные отношения. Межотраслевые институты объединяют в себе нормы не одной, а нескольких отраслей права, отражая сложную связь между родственными общественными отношениями. Тесная связь института «иные меры уголовно-правового характера» с соответствующими нормами уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права не свидетельствует о том, что рассматриваемый институт приобретает характер межотраслевого правового института. Нормы этих отраслей являются лишь механизмом реализации «иные меры уголовно-правового характера»; иначе они реализоваться не могут.

По сфере правового регулирования он относится к общим (функциональным) правовым институтам. В предмете уголовно-правового регулирования имеются две разновидности общественных отношений: охранительные и регулятивные. Регулированием общих (функциональных) институтов охватываются все общественные отношения в рамках отрасли права, т.е. весь предмет правового регулирования отрасли. Эти институты дают сквозную регламентацию отдельной операции в правовом регулировании, касающейся многих разновидностей данных отношений [2]. Специальные (предметные) институты, отражают специфику отрасли права, направлены на регулирование отдельных видов общественных отношений, которые являются составной частью сферы общественных отношений этой отрасли права. Каждый из специальных правовых институтов обслуживается всеми без исключения общими правовыми институтами. Общие институты внутри отрасли не дублируют друг друга, их отличает большая несхожесть между собой. В то же время специальные правовые институты не взаимоисключают друг друга, они существуют параллельно, связаны только с общими правовыми институтами, обладают схожей юридической конструк-

цией. Если изъятие общего правового института может повлечь за собой изменение или разрушение механизма правового регулирования общественных отношений в рамках всей отрасли, то исключение специального правового института никак не отразится на всей отрасли в целом, а будет касаться лишь одного из видов общественных отношений»². Примером специальных правовых институтов являются институты Особенной части УК РФ, регулирующие отдельные виды уголовно-правовых запретов.

В свою очередь общие правовые институты подразделяются на основные и общезакрепительные. Основные общие институты пронизывают и задают содержание всем институтами данной отрасли права. Таким является, например, институт задач и принципов уголовного права. Нормы гл. 1 УК РФ раскрывают задачи и принципы правового регулирования общественных отношений, взятых под охрану уголовным законом. Нормы-принципы (ст. ст. 3–7 УК РФ) в полном объеме являются исходными началами для всех институтов уголовного права. Рассматриваемый же нами институт «иные меры уголовно-правового характера» относится к общезакрепительным общим институтам, объединяющим в себе нормы, применяемые к различным видам общественных отношений, регулируемых отраслью права.

По функциональной роли в правовом регулировании общественных отношений институты права делятся на уч-

редительные, регулятивные и правоохранительные. Институт «иные меры уголовно-правового характера», как и большинство институтов уголовного права, относится к правоохранительным институтам; предметом его регулирования являются охранительные общественные отношения.

Резюмируя, отметим:

1) рассмотренные институциональные характеристики «иные меры уголовно-правового характера» позволяют прийти к выводу о том, что в совокупности эти меры, соответствуя признакам правового института, представляют полноценный институт Общей части уголовного права. По сути, институт «иные меры уголовно-правового характера» не является совершенно новым образованием в уголовном праве, нормы его составляющие существовали на протяжении всей истории уголовного права России; скорее он давно существующий институт, но не признаваемый в качестве такового ранее;

2) любой институт права имеет свое общественное назначение и устанавливается для выполнения определенных общественно важных функций. Необходимость развития и совершенствования института «иные меры уголовно-правового характера» как нового явления в уголовном праве диктуется социально-правовой потребностью, преследуя цель наиболее эффективного регулирования конкретных общественных отношений, взятых под охрану уголовным законом.

Литература:

1. Субботин, А.Л. Классификация в уголовном праве. — М.: Омега-Л, 2011. — с. 116.
2. Денисова, Л.В. Системные образования в структуре уголовного права //Вектор науки ТГУ. 2014. № 2. — с. 42.

Историко-правовой анализ становления и развития иных мер уголовно-правового характера в уголовном законодательстве России

Басаев Висхан Ахмедович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Длительной истории институт иные меры уголовно-правового характера не имеет. Данное понятие появилось в УК РФ, а свое развитие институт получил с 2006 года. Однако необходимость обращения к истории иные меры уголовно-правового характера обусловлена тем, что без этого невозможно сделать выводы о его необходимости, целесообразности, оправданности в настоящее время, выработке правильных подходов к совершенствованию действующего законодательства.

В уголовном законодательстве советского периода первого десятилетия наглядно демонстрировалось признание теории «опасного состояния личности», подмена ею категории «вина». При этом в ходу были такие по-

нятия как «общественно опасный элемент», «классовый враг», вследствие чего происходящие в уголовном законодательстве изменения диктовались принципом несправедливости, а целесообразности, идеями революционной необходимости. В.М. Коган отмечает: «Здесь сказывается логика развития представлений о возможности уголовной ответственности без вины. Если деяние имеет юридическое значение не столько само по себе в связи с его опасностью, сколько в связи с тем, что оно обнаруживает опасность личности, то это, естественно, означает, что действительным основанием ответственности является опасное состояние личности, которое существует до деяния и которое к деянию не сводится. Отсюда интерес

к другим признакам, посредством которых выявляется опасное состояние: такими признаками могут быть связь с преступной средой или прошлая деятельность» [1].

Рассматривая теорию «опасного состояния», С.А. Иванов пишет: «понятие вины практически подменяется термином «опасное состояние личности», а преступное деяние воспринимается как проявившийся симптом такого опасного состояния. По существу данная теория выступала основой и была подвергнута справедливой критике, но, вместе с тем, и в науке, и законодательстве были и остаются институты рецидива преступлений; судимости, используется термин «лицо перестало быть общественно опасным и т.д., которые по духу близки данной теории» [2], что, безусловно, является верным замечанием.

В дальнейшем замена термина «наказание» на «меры социальной защиты», была признана нецелесообразной, в связи с чем, уголовное законодательство РСФСР с 1934 г. вернулось к термину «наказание» вместо термина «мера социальной защиты судебно-исправительного характера». Наименование «меры социальной защиты» для мер медико-педагогического и медицинского характера изменено не было, однако с принятием УК РСФСР 1960 г. и они перестали именоваться мерами социальной защиты. В ст. 1 УК РСФСР 1960 г. за совершение преступлений устанавливалось применение наказаний.

Российскому уголовному законодательству изначально известны иные меры уголовно-правового характера, определенные таковыми в УК РФ принудительные меры медицинского характера и конфискация имущества, а также традиционно относимые в доктрине уголовного права к ним принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних.

Уже в пространной редакции Русской Правды обнаруживается прототип одного из видов иные меры уголовно-правового характера — «поток и разграбление»; где «поток» — изгнание, при указании места ссылки, а «разграбление» — не только конфискация имущества, но и превращение в холопов жены и детей преступника. Эти меры назначались за убийство в разбое, за поджог, за конокрадство. [3]

Двинской уставной грамоте (конец XIV в.) известно такое дополнительное наказание как «продати противу поличного» — продать часть имущества вора, соответствующую стоимости похищенного; по сути — это аналог конфискации имущества. Лишение имущества в качестве дополнительного наказания к изгнанию, смертной казни и телесным наказаниям предусматривал и Судебник 1497г [4].

Более детально конфискация имущества рассматривалась Соборным Уложением царя Алексея Михайловича 1649 г [5]. Она назначалась в основном в качестве дополнительного наказания к смертной казни за политические преступления. Примечательно, что конфискованное имущество передавалось либо государю, либо лицам, которые способствовали раскрытию политических преступлений.

По-видимому, с помощью данного вида наказания стимулировались доносы, ослаблялись политические противники, и, конечно же, увеличивались доходы, как государя, так и доносчиков.

Широко конфискация имущества как уголовное наказание использовалось в царствование Петра I. Полная или частичная конфискация имущества в Артикулах Воинских 1715 г. применялась за религиозные, государственные преступления, наряду со штрафом и вычетом из жалования [6].

Проведенная Николаем I систематизация российского уголовного законодательства, выразившаяся в издании Свода законов уголовных 1832 г. (в него вошло и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.), также регулировало вопросы применения конфискации имущества, сформулированном как «отобрание имущества». Оно относилось к дополнительным наказаниям, наряду с церковным покаянием и отдачей под надзор полиции. Ст. 61 Уложения конфискацию делила на общую (полную), которая назначалась за преступления политически-изменнического характера и предусматривала отобрание всего имущества, а также специальную (по ней конфискации подлежали лишь орудия и средства преступления).

Кроме указанного впервые на законодательном уровне была закреплена возможность принудительного лечения лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости. С принятием Закона 1897 г «Об изменении средств и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних» претерпела изменения регламентация уголовной ответственности несовершеннолетних. Основным средством воздействия на них должны стать не карательные, а исправительно-воспитательные меры. В качестве альтернативы устанавливалась возможность: передачи несовершеннолетних с 10 до 17 лет под надзор родителям или иным лицам, помещение в воспитательно-исправительное учреждение (приюты и колонии), направление несовершеннолетних девушек в женский монастырь.

Последнее Уголовное уложение 1903 г., значительно трансформировало систему правовых последствий запрещенного уголовным законом деяния, унаследовав из предыдущей редакции норму по дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних.

Подводя итог по анализу законодательства дореволюционного периода по рассматриваемому вопросу, отметим, что именно в этот период были установлены меры, относимые в действующем уголовном законодательстве и в доктрине уголовного права к иным мерам уголовно-правового характера: принудительные меры медицинского характера как в отношении невменяемых, так и в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, конфискация имущества (хотя она предусматривалась как вид наказания), а также принудительные меры воспитательного воздействия в отно-

шении несовершеннолетних. Этот период можно охарактеризовать как начальный, постановочный, в то время как последующий, период — советский — ознаменован отдельными изменениями в части совершенствования регламентации рассматриваемых мер.

Изменение общественных отношений, многочисленные и сложные процессы социально-экономического, политического и психологического характера легли в основу «юриспруденции террора», ущербной официальной юридической системы революционного насилия, порожденного событиями 1917 г., переросших в красный и белый террор, гражданскую войну, затянувшихся в России надолго.

Однако не все нормы начала советского периода характеризовались ужесточением уголовной репрессии. Так, ст. 1 Декрета СНК от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних были упразднены. Они освобождались от ответственности, или направлялись для общественного призрения в одно из убежищ Народного комиссариата, организованных в виде коммун, приютов, приемников, детских домов и т. д.

Принятие Руководящих начал по уголовному праву от 12 декабря 1919 г. явилось выходом из ситуации, когда правосудие свершалось не на основании точно определенных норм, а на «революционном правосознании». Одним из основополагающих принципов уголовного права провозглашался принцип гуманизма (ст. 10). В них конфискация всего или части имущества, как основной вид наказания, предусматривалась за хищение, скупку краденного и ряд других преступлений имущественного характера.

В УК РСФСР 1922 г. прослеживался классовый подход. В отношении преступников из числа трудящихся, выходцев из рабочих и крестьян преобладали меры воспитательного воздействия, условного осуждения, условно-досрочного освобождения, замены строгого наказания более мягким, в то время как в отношении классово-враждебных элементов — меры изоляции.

УК РСФСР 1926 г. как преемник УК 1922 г., регулировал рассматриваемые меры на основании установлений Основных начал и больших изменений не внес. Основное изменение УК, представляющее интерес в рамках исследуемой темы, — термин «мера социальной защиты судебно-исправительного характера» заменен на термин «наказание» (постановления ЦИК и СНК СССР, начиная с постановления от 8 июня 1934 г. «О дополнении положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине»). Полагаем, законодатель, не включив в термин «наказание» меры социальной защиты медицинского и медико-педагогического характера, обозначил их как отличные от наказания меры.

Дальнейшее развитие рассматриваемые меры получили в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. В связи с длительным периодом действия в кодекс было внесено большое количество изменений и дополнений, в том числе и в регулировании рассматриваемых мер.

Обращение к истории становления института иные меры уголовно-правового характера представляется обоснованным ввиду того, что без проведения исторического анализа любого явления невозможно сделать выводы о его необходимости, целесообразности, оправданности в настоящее время, а также выработке правильных подходов к совершенствованию действующего законодательства. На протяжении всего исторического периода существования уголовного права меры, составляющие современный институт иные меры уголовно-правового характера, признавались необходимым правоприменительной практике инструментом, социально обусловленным явлением, что подтверждается тем, что на протяжении всей истории уголовного законодательства России ни в один период законодатель не отказался от их регламентации. При этом, конфискация имущества с самого своего появления предусматривалась в уголовном законодательстве России в качестве вида наказания.

Литература:

1. Коган, В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. — М.: Наука, 1983. — с. 53.
2. Иванов, С. А. Понятие, основные характеристики и показатели вины в уголовном праве России: Монография. — Ставрополь: Ставропольсервисгакола, 2005. — с. 35.
3. Кистяковский, А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. — Киев: Ф. А. Иогансон, 1891. — с. 10.
4. Егоров, В. С. История уголовного наказания в период становления российского права // Государство и право. 2006. № 5. — с. 41.
5. Пестовская, Е. В. Концепция уголовного наказания по российскому законодательству XI—XX вв.: историко-правовое исследование. — Краснодар: Изд-во КубГУ, 2007. — с. 36.
6. Конспект по уголовному праву и процессу, составленный по лекциям профессоров: Фойницкого, Случевского, Сергеевского и др. — Одесса: Типография имперского управления юстиции, 1898. — с. 202.

Общая криминологическая характеристика преступности в Российской Федерации

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Развитие российского общества в последние годы сопровождается ежегодным обострением криминогенной ситуации. Причины этой ситуации уходят своими корнями в 90-е годы, когда произошла стремительная криминализация общественного сознания, наложившая свой отпечаток на динамику и структуру современной преступности.

В последние несколько лет наметилась позитивная тенденция сокращения преступности, следует отметить, что преступность остается реальной угрозой безопасности граждан [1, с. 159].

В январе — октябре 2014 года органами внутренних дел рассмотрено 24,38 млн. заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, что на 3,8% больше, чем за десять месяцев 2013 года. Почти по каждому семнадцатому сообщению (6,0%) принято решение о возбуждении уголовного дела. Всего возбуждено 1454,4 тыс. уголовных дел, что на 1,9% меньше показателя аналогичного периода прошлого года. В январе — октябре 2014 года зарегистрировано 1835,4 тыс. преступлений, или на 1,7% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 33 субъектах Российской Федерации, снижение — в 50 субъектах. [2]

Одной из криминальных угроз национальной безопасности страны продолжает оставаться деятельность экстремистских и террористических организаций, что требует задействования и, соответственно, отвлечения от других задач борьбы с преступностью значительных сил и ресурсов. Эффективность работы по предупреждению, выявлению и раскрытию преступлений экстремистской направленности и террористического характера продолжает оставаться низкой.

В январе — октябре 2014 года зарегистрировано 902 преступления террористического характера (+74,8%) и 874 преступления экстремистской направленности (+11,1%). [2]

Россия на современном этапе переживает рост агрессивного национализма. Все чаще происходят акции протеста местных жителей, преимущественно — этнических русских, против мигрантов. Высокий фоновый уровень ксенофобии, отягощенный местной спецификой, все чаще приводит к массовым митингам с жесткими требованиями вплоть до депортации инокультурных мигрантов. Наряду с выявлением и пресечением правонарушений и экстремистских угроз особое внимание в деятельности правоохранительных органов уделяется вопросам их профилактики. Для этого нужно консолидировать усилия религиозных конфессий, институтов гражданского общества и органов правопорядка.

Терроризм как крайняя форма проявления экстремизма превратился в одну из наиболее опасных по своим масштабам, непредсказуемости и последствиям проблем, с которыми человечество вошло в XXI столетие.

За последние годы увеличивается тяжесть последствий актов терроризма, о чем свидетельствуют террористические акты в 2009 году против «Невского экспресса» на железнодорожной линии «Москва — Санкт-Петербург», взрывы на станциях Московского метрополитена «Парк культуры» и «Лубянка», совершенные 29 марта 2010 года, в результате которых погибло 40 граждан. [4, с. 147]

Необходимо также иметь в виду, что современные террористические проявления заметно отличаются от существовавших ранее в террористической среде форм, методов и способов этой преступной деятельности. Лидеры террористов постоянно меняют конкретные способы совершения преступлений. От нескольких взрывов жилых домов, подрыва взрывных устройств во время проведения массовых мероприятий террористы перешли к использованию автотранспорта, управляемого террористами-смертниками, то же самое в 2009 году отмечалось и с использованием смертников-велосипедистов, неоднократно совершались акты самоподрыва в местах скопления людей (при проведении концертов, спортивных выступлений и т.д.). События в Москве в октябре 2002 года в театральном центре на ул. Дубровка обозначили новую тенденцию использования при совершении актов терроризма значительных групп смертников. Фактически эта тенденция отмечалась и в период террористического нападения на школу № 1 в городе Беслане 1 сентября 2004 года. [5, с. 47]

К числу особенностей современной террористической деятельности в России можно отнести: тщательность подготовки и высокий уровень конспиративности террористических групп; достаточный уровень вооруженности и технической оснащенности террористов; гибкость и нестандартность тактики действия террористов на всем протяжении преступной акции; наличие в террористических группах лиц, ранее судимых, пользующихся авторитетом в преступной среде и лиц, знакомых с приемами и методами оперативно-розыскной и процессуальной деятельности.

Опасной тенденцией терроризма является его интеграция с организованной преступностью на фоне ее общего роста.

В последнее время терроризм приобретает все большее политическое звучание. Он подрывает систему государственной власти и управления, снижая эффективность управления обществом, регулирования социально-по-

литическими процессами; усиливает влияние в обществе оппозиционных антиконституционных образований; активизируя морально-психологическое воздействие на население, он вызывает хаос, беспорядки, жесточенность людей по отношению друг к другу, что также используется в политических целях. Выходя за пределы государственных границ, терроризм приобретает международный характер и представляет опасность для международного сообщества.

Продолжает сохраняться и такая угроза национальной безопасности, как коррупция, беспрецедентное разрастание масштабов которой представляет собой серьезную опасность функционированию публичной власти, верховенству закона, демократии и правам человека.

Однако результаты этой деятельности еще не отражают реальных масштабов коррупции в стране. Противодействие этому явлению должно стать системным, и кроме выявления и пресечения преступной деятельности, необходимо предпринимать и упреждающие, профилактические меры. [6, с. 29]

Происходит дальнейшее «сращивание» государственных чиновников различного уровня с преступным элементом, усиливается стремление уголовников влиять на принятие законодательных экономических и политических решений и прорваться в структуры государственной власти. Неуклонно растущие экономические и финансовые возможности дельцов теневого бизнеса приводят к возрастанию масштабов подкупа государственных чиновников. По оценкам американских спецслужб, на подкуп влиятельных чиновников в государственных структурах крупные преступные группировки в России тратят от 30 до 50% своих прибылей.

Одна из самых серьезных проблем, которая разъедает современное общество и угрожает самому его существованию — организованная преступность.

Под организованной преступностью понимается совокупность преступлений, совершенных организованными преступными группами или сложная системно-структурная совокупность деятелей преступного мира, как устойчивое объединение ряда преступных групп в преступное сообщество для совместной криминальной деятельности, достижения власти в определенной сфере, либо как относительно массовое функционирование устойчивых, управляемых сообществ преступников, занимающихся преступлениями как промыслом и имеющих коррумпированные связи. [7, с.]

С сожалением приходится констатировать, что получает свое дальнейшее развития процесс наркотизации населения, и одним из наиболее ярких показателей этого является вовлечение все больших слоев населения в незаконный оборот наркотиков.

Несмотря на существенное увеличение количества изъятых наркотических средств, в том числе наиболее тяжелого — героина, во многих случаях каналы их поставок сохраняются в неприкосновенности и продолжают действовать, что предопределяет рост числа наркозави-

симых лиц, а также омоложение наркомании в стране. [8, с. 143]

По оценкам специалистов, несмотря на принимаемые меры, объем незаконного оборота наркотиков и злоупотребления ими в ближайшие годы будет увеличиваться. Велика вероятность дальнейшего увеличения на наркорынке доли высококонцентрированных наркотиков, прежде всего героина и синтетических наркотиков амфетаминового ряда, как за счет наращивания объемов их контрабанды, так и за счет подпольного производства на территории страны. Будут расширяться масштабы незаконного культивирования наркотикосодержащих растений, а также заготовки дикорастущей конопли. В мелкооптовую и розничную наркоторговлю все в большей степени будут вовлекаться представители малоимущих слоев населения, прежде всего несовершеннолетние, студенты, безработная молодежь. [9, с. 96]

Таким образом, в настоящее время в числе криминальных угроз национальной безопасности Российской Федерации, которые проявляют себя наиболее зримо, рассматриваются следующие явления:

- рост преступности, эскалация насилия, жестокости, агрессивности преступных деяний, кражи, грабежи, разбои и другие преступления против личности.
- организованная преступность (прежде всего транснациональная) во всех ее формах; криминальный террор в отношении представителей органов государственной власти и управления, в том числе судебных органов; полиции, и других правоохранительных органов;
- политический, национальный, религиозный экстремизм и терроризм как высшая форма, их проявления;
- преступность в экономической сфере;
- коррупция в государственном аппарате на всех его уровнях;
- наркотизация и алкоголизация значительной части населения России;
- преступность несовершеннолетних, формирование системы воспроизводства преступности;
- «прозрачность» государственной границы российской федерации с государствами, несовершенство пограничного и таможенного контроля, способствующих проникновению в Россию из-за рубежа криминального элемента, оружия, наркотиков и т. п.;
- криминальная миграция иностранных граждан;
- отсутствие надлежащего правового обеспечения деятельности субъектов безопасности; законов и подзаконных нормативных актов, регулирующих отношениям в сфере общественной безопасности.

В последние годы криминальная среда активно консолидировалась, приобрела более высокий профессионализм и организованность, многоцелевую и крупномасштабную ориентацию, втягивая в сферу своего влияния новые слои и категории населения. Ее усилению способствовало возрастание технической оснащенности и вооруженности преступников, обусловленное соответствующим целевым вливанием теневых капиталов.

Необычайно расширился комплекс угроз социально-политической стабильности общества. Мы столкнулись с незнакомыми или мало знакомыми, а значит, более опасными, угрозами.

Литература:

1. Касаткина, Е.А., Захарова С.С. Проблемы девиантного поведения: уголовно-правовые и криминологические — Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2010. — с. 159.
2. Официальный сайт МВД РФ. Состояние преступности — январь-октябрь 2014 года <https://mvd.ru/reports>
3. Емельянов, В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. Уголовно-правовое исследование. — М.: NOTA BENE, 2012. — с. 147.
4. Хорос, В. «Крона», «корни» и «климат» терроризма //Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 3. — с. 47.
5. Ганаева, Е.Э. Общегосударственное противодействие терроризму: стратегический аспект //Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2014. № 8. с. 29—32.
6. Ганаева, Е.Э. Организация профилактической работы в рамках превенции экстремизма //Молодой ученый. 2015. № 17. с. 342—345..
7. Гасанов, Э.Г. Борьба с наркотической преступностью: Международный и сравнительно-правовой аспекты. — М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР». 2014. — С. 143.
8. Стаменов, А.Д. Наркомания в фокусе закона: Судебно-следственная практика//Российская юстиция. 2014. № 11. — с. 96.

Теоретические аспекты влияния международного права на российское уголовное законодательство

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Проблема влияния международного права на российское уголовное законодательство была одним из основных предметов исследования ученых и привлекала пристальное внимание общественности России в конце XIX — начале XX веков. Актуальность данной проблемы связана, прежде всего, с возрастанием роли и значения международного права в вопросах совершенствования внутригосударственного уголовного законодательства, а также с необходимостью международного сотрудничества государств в оказании противодействия преступности.

Участие Российской Федерации как части международного сообщества в противодействии транснациональной преступности, которая становится все более организованной, общественно опасной и затрагивает интересы безопасности многих государств, выдвигает задачу приведения национального уголовного законодательства в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Набирающий силу процесс правовой глобализации актуализирует необходимость проведения глубокого и всестороннего анализа воздействия международного права на российское уголовное законодательство. Так, в теории уголовного права ведутся многочисленные споры о справедливости постановки вопроса о рассматриваемом виде

влияния вообще, о введении в научную терминологию понятия влияния международного права на внутригосударственное законодательство. Такое положение обусловлено недостаточным теоретическим осмыслением данного правового явления, что повышает интерес к его дальнейшему изучению.

В настоящее время отечественными учеными делаются попытки переосмыслить значение международного права для российского уголовного законодательства. Однако нераскрытыми остаются такие вопросы, как полнота, качество и эффективность влияния международного права на становление и развитие российского уголовного законодательства.

Возрастание роли международного права в национальном правовом регулировании, осуществляемом в сферах противодействия преступности и осуществления правосудия, требует научного изучения понятия, пределов, форм и способов влияния международного права на отечественное уголовное законодательство, а также его проявлений в правоприменительной практике.

Более того, внутренне противоречивый процесс глобализации, неизбежная конфликтность его целей, связанная с угрозой утраты идентичности народов и со снижением суверенности государств, предопределяют пути развития национального уголовного законодательства.

Становление и развитие отечественного уголовного законодательства в условиях правовой глобализации прямо пропорционально значимости соответствующих норм и положений для поддержания суверенитета государства, который необходимо учитывать как основу участия России в международном общении и реализации международных соглашений.

Актуальность работы обусловлена также необходимостью комплексного научного изучения влияния международного права на внутригосударственное уголовное законодательство, анализа результатов такого влияния, что способствует совершенствованию уголовного законодательства государств в соответствии с положениями международного права и обеспечению международной безопасности.

Влияние международного права на становление и развитие внутригосударственного уголовного законодательства стало объектом научного исследования сравнительно недавно. Интерес к рассматриваемой проблеме был связан с проводимой Российской Федерацией политикой. В проведенном исследовании предпринята попытка изучения влияния международного права на становление и развитие российского уголовного законодательства. Выявлено, что указанная проблема представляет собой сложнейшее» многогранное явление. В результате изучения указанной проблемы уголовного права отмечено наличие определенных особенностей, присущих процессу влияния международного права на развитие отечественного уголовного законодательства. [1, с. 102]

В результате проведенного исследования автором делаются следующие выводы:

1. Влияние международного права на отечественное уголовное законодательство — это правовое, политическое и идеологическое воздействие общепризнанных принципов и норм международного права, положений международных договоров Российской Федерации, актов Организации Объединенных Наций, международных конференций и совещаний на эволюцию отечественного уголовного законодательства, которая носит объективный характер и представляет собой последовательный, системный процесс изменения норм отечественного уголовного законодательства.

2. Особенности влияния международного права на российское уголовное законодательство обусловили необходимость разработки классификации различных видов и направлений влияния международного права. Авторская классификация влияния включает в себя восемь оснований для выделения того или иного вида влияния в самостоятельную группу, что позволяет говорить о разнообразии сфер и направлений воздействия. Так, автор различает влияние по признаку нормативности, по характеру, степени, эффективности воздействия, в зависимости от результата влияния, от объекта и источника влияния, а также в зависимости от характера связи между ними.

При этом рассмотренные в настоящем исследовании виды влияния не исчерпывают всего комплекса разно-

видностей и конкретных случаев отражения воздействия международного права на становление развитие российского уголовного законодательства.

3. Результаты анализа правовой природы влияния международного права на совершенствование российского уголовного законодательства позволяют автору утверждать о том, что данный процесс обусловлен целостной системой оснований (факторов) правового, социального, политического, экономического характера и т.д. Автор выделяет восемь групп таких оснований, например, принадлежность государства к международной организации, участие в международных конференциях и совещаниях, необходимость международного сотрудничества в противодействии преступлениям и другие. Автор предлагает определять степень влияния международного права на совершенствование российского уголовного законодательства с помощью специально разработанной формулы расчета коэффициента степени воздействия, от значения которого можно говорить либо об устойчивости, либо о зависимости российского уголовного законодательства от влияния международного права.

При этом под коэффициентом влияния международного права на отечественное уголовное законодательство следует понимать долю общей стабильности уголовного законодательства, иллюстрирующего сбалансированность потоков международно-правовых норм и всех тех факторов, благодаря которым уголовное законодательство является эффективным, независимым и устойчивым. Указанный коэффициент отражает способность отраслевого законодательства эффективно регулировать соответствующие общественные отношения собственными нормами, а также его нормативно-правовую независимость.

4. Ретроспективный историко-правовой анализ влияния международного права на отечественное уголовное законодательство в дореволюционный, советский и постсоветский периоды позволяет сделать вывод о том, что современное состояние российского уголовного законодательства — это явление, во многом исторически обусловленное процессами влияния международного права.

Исторический опыт влияния иностранного права на отечественное уголовное законодательство может рассматриваться как предпосылка для формирования в более поздний период международных уголовно-правовых отношений, их формализации, выработки приемов восприятия отдельных положений и общепризнанных стандартов международного права, приоритетных направлений современной уголовной политики. Тем не менее, отечественное уголовное законодательство, получив импульс от международного права к развитию и совершенствованию, продолжает сохранять определенную национальную специфику и правовые традиции.

Таким образом, правовой анализ источников уголовного законодательства различных исторических периодов позволяет говорить о влиянии международного права на формирование отечественного уголовного законодательства, каждый этап развития которого отличается

своими особенностями, что обусловлено, прежде всего, проводимой в стране в конкретный исторический период уголовной политикой.

5. Автор утверждает, что влияние международного права на становление и развитие российского уголовного законодательства на различных исторических этапах развития это не просто хронологически выверенное и достоверное изложение фактов истории воздействия, а показ логики, движущих сил важнейших событий в их не всегда очевидной и часто не прямой взаимосвязи между собой. Современное состояние российского уголовного законодательства — это явление, исторически обусловленное процессами влияния международного права.

6. Результаты анализа положений отечественного уголовного законодательства и международных договоров Российской Федерации позволяют автору утверждать о том, что источниками прямого (непосредственного) влияния являются международные договоры Российской Федерации. Международные договоры Российской Федерации являются источниками криминализации в Уголовном кодексе Российской Федерации таких деяний как публичное оправдание терроризма (ст. 205 УК РФ) и содействие террористической деятельности (ч. 3 ст. 205 УК РФ), вербовка и подготовка террористов (ч. 1 ст. 205¹ УК РФ),

7. Автор отмечает, что общепризнанные принципы и нормы международного права играют в системе законодательства Российской Федерации важную роль. Основанием для данного вывода служит положение ст. 1 УК РФ о том, что «настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права». Законодатель использует общепризнанные принципы и нормы международного права в качестве идеологических источников

внутригосударственного уголовного законодательства на этапе правотворчества.

В отличие от международных договоров Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права не обладают приоритетом по отношению к противоречащим им внутренним правовым актам, поскольку, как правило, общепризнанные принципы и нормы имеют общий характер.

Система Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации в целом отражает иерархию ценностей, сложившуюся в общепризнанных принципах и нормах международного права, и свидетельствует о восприятии общих принципов международного права в качестве источников как универсального, так и конвенционного характера. В этом смысле общепризнанные принципы и нормы международного права с теоретической точки зрения следует рассматривать как источник российского уголовного законодательства.

Таким образом, общепризнанные принципы и нормы международного права играют в системе законодательства Российской Федерации большую и важную роль. Законодатель использует общепризнанные принципы и нормы международного права в качестве идеологических источников внутригосударственного права в период правотворчества.

Таким образом, проблема влияния международного права на отечественное уголовное законодательство — это явление многогранное, иллюстрирующее процесс эволюции российского уголовного законодательства под воздействием международного права, рассмотренный в единстве источников влияния, таких как международные договоры РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, акты Организации Объединенных Наций, международных конференций и совещаний.

Литература:

1. Лукашук, И.И. Международное право в судах государств. — СПб.: Россия — Нева, 1993. — 286 с.

Концепция гражданско-правовой ответственности государственных органов

Воробель Дарья Юрьевна, магистрант

Тюменский государственный университет, Сургутский филиал

Понятие «государство», как явления цивилизованного, исторического, развивающегося, возникает вследствие необходимости регулирования отношений между людьми.

С далеких времен и по сей день, население недовольно работой чиновников, это отметил В.К. Плеве в докладной записке «О прошлом и настоящем русской администрации», написанной Э. Берендтсом в 1904 г. министру внутренних дел [6]. Малограмотность граждан

лишь способствует безответственности должностных лиц, потому как, именно это дает возможность чиновникам трактовать нормативно-правовые акты, подчиняя личным интересам.

Основываясь на ст. 53 Конституции Российской Федерации [1], каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями/бездействием органов государственной власти или их должностными лицами.

Руководствуясь ст. 45 ч. 1 Конституции РФ: каждому человеку и гражданину гарантируется защита его прав и свобод. Таким образом, гражданин, считающий, что ответственным должностным лицом было допущено какое-либо нарушение, он вправе обратиться с соответствующим заявлением в прокуратуру. При этом, обращение должно быть произведено именно в район, в котором находится место исполнения обязанностей чиновника, поскольку это и будет являться местом совершения правонарушения [8].

Впервые, ответственность высших властных чинов по искам граждан, пострадавших от их действий либо бездействия, была введена еще при правлении Петра I. Пострадавшим позволялось «в партикулярных обидах бить челом» на должностных лиц и «искать с них судом, где надлежит» [7]. В последующем, правовая ответственность государства, начиная с первой половины XIX века, исследовалась в трудах научных деятелей, но, к сожалению, этот вопрос и в наше время не нашел своего решения в рамках права.

Теория гражданско-правовой ответственности государства берет свое начало в работах научных деятелей, исследующих [5]:

— общие проблемы гражданской правосубъектности государства (С. Н. Братусь, М. И. Брагинский, А. В. Венедиктов, П. П. Виткявичюс и др.);

— ответственность государства за причинение вреда (О. А. Красавчиков, А. П. Кун, Н. С. Маленн, Г. К. Матвеев, А. Л. Маковский, В. Т. Нор и др.).

Невозможно не отметить вклад в разработку теории ответственности государства таких юристов, как А. Книрим, М. В. Гессен, Б. А. Кистяковский, В. Гаген.

В большей или меньшей степени вопросы деликтоспособности государства и гражданской правосубъектности затрагиваются в работах современных исследователей: А. П. Гринкевича, О. Г. Бартковой, В. Г. Голубцова, Л. В. Бойцовой, А. Головизнина.

Безусловно, правонарушение — это юридический факт, неразрывно связанный с охранительным правоотношением, при котором к ответственному лицу применяются определенные меры пресечения, ответственности. Именно ответственность — одна из основных юридических категорий, широко используемых в правоприменительной практике. В свою очередь, гражданско-правовая ответственность — это своего рода реакция на правонарушение, то есть, как правило, виновное действие либо бездействие субъекта, противоречащее установленному правопорядку и нарушающее субъективные права других участников гражданских правоотношений.

Проблема гражданско-правовой ответственности государства, в сущности, тесно связана с определением его статуса как участника гражданско-правовых отношений. Без всякого сомнения, действующее гражданское законодательство исходит из принципа множественности субъектов, имеющих статус «государства». К ним отнесены [З. ст. 124] Российская Федерация и ее субъ-

екты (составляющие вместе с муниципальными образованиями категорию «публично-правовых образований»). Каждый из этих публично-правовых субъектов является самостоятельным собственником своего имущества [З. ст. 212, 214, 215]. В связи с этим, несомненно, исключается и его имущественная ответственность по обязательствам других публично-правовых образований [З. ст. 126]. Данное положение предопределяет как необходимость участия публично-правовых образований в гражданских правоотношениях, так и выступление в них на равных началах с другими, частными собственниками — гражданами и юридическими лицами, являющимися обычными субъектами гражданского права. Данное равенство также составляет один из основополагающих частноправовых принципов, которые определяют гражданско-правовой статус государства, а также других публично-правовых образований в российском правопорядке. Участвуя в гражданских правоотношениях, государство, в сущности, остается публично-правовым образованием с присущими ему властными полномочиями, деятельность которого направлена на достижение публичных целей. Это в определенной мере подтверждается позицией Высшего Арбитражного Суда РФ, который в Постановлении Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 № 23 производит анализ имущественной ответственности государства, в том числе иных публично-правовых образований и органов власти. Используя формулировку «ответственность публично-правового образования» и подтверждая тем самым, что даже в частноправовых отношениях, сопровождающихся причинением вреда, государство остается публичным по своей природе субъектом права [9].

Правила возмещения вреда, причиненного в результате незаконных действий/бездействия органов государственной власти, местного самоуправления либо должностными лицами этих органов, в частности издания ненормативных актов этих органов, не соответствующих законодательству РФ, закреплены в ст. 16, 1069 ГК РФ. Данные правовые нормы, по отношению к ст. 1064 ГК РФ, выступают в качестве специальных и имеют общий характер для деликтных обязательств. В свою очередь, для наступления деликтной ответственности, необходимо установить факт наличия состава гражданского правонарушения, что является наиболее сложным условием. Ненормативные акты, принятые органами власти и местного самоуправления, в основном, принимаются по организационно-распорядительным вопросам, и носят индивидуально-разовый, определенный характер.

Вообще, принцип возмещения вреда в результате противоправных действий основан на понятии «Генеральный деликт» при котором причинение вреда другому лицу считается противоправным а лицо, совершившее правонарушение виновным до тех пор, пока не будет доказано обратного. Лицо, причинившее вред, обязано его возместить, если не докажет, что было управомочено на его причинение.

Что касается ненормативных актов, здесь действует следующий принцип: каждое действие/бездействие органов государственной власти и местного самоуправления основано на законе и вред, причиненный их должностными лицами, правомерен, следовательно, возмещению не подлежит, конечно, за исключением случаев, когда доказано обратное. Поэтому, заявить о возмещении вреда возможно только лишь признав незаконным акт, вынесенный органами государственной власти и местного самоуправления.

Для наложения обеспечительных мер, при неисполнении акта органов государственной власти и местного самоуправления, ввиду подачи заявления об оспаривании, необходимо направить соответствующее ходатайство на бумажном носителе, так как подача документов такого рода в электронном виде не допускается (ст. 92, 99, 293, 298 АПК РФ). В случае, если указанные требования изложены в исковом заявлении, которое было подано в арбитражный суд в электронном виде, оно считается не поданным. При всем этом, в определении о принятии искового заявления указывается, что такое ходатайство может быть направлено только на бумажном носителе.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

Под актом власти, причиняющим вред частным лицам, следует понимать фактические действия должностных лиц. Это, так называемые действия, совершенные при исполнении служебных обязанностей, индивидуальные правовые предписания, нормативные правовые акты. Вред должен быть причинен должностным лицом, которое обладает правом на принятие актов власти лишь при исполнении служебных обязанностей. Но субъектом ответственности выступает именно государство, а не должностное лицо. Такое положение вытекает из публично-правовой сути отношений, возникающих между государством и должностным лицом.

Однако, обязательства вследствие причинения вреда органами публичной власти — это особая разновидность деликтных обязательств, по субъектному составу.

Нормативно-правовые акты, содержащие положения о гражданско-правовой ответственности, прогрессирует. Это связано с развитием общества, с появлением новых взаимоотношений: между гражданами, юридическими лицами и публичной властью. И, к сожалению, здесь, законодательство не успевает за развитием правоотношений в обществе. В частности, ст. 1070 ГК РФ предусматривает

возможность возмещения вреда гражданину за счет соответствующей казны, в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, практически реализовать указанное выше, крайне затруднительно.

Гражданским кодексом РФ установлено право на компенсацию морального вреда (ст. 151, 1099–1101 ГК РФ), вместе с тем, и здесь существует ряд проблем. Стоит отметить, что размер компенсации определяется судом и зависит от степени вины и характера физических и нравственных страданий потерпевшего следующих критериев:

Получается, возникает потребность в законодательном закреплении четких критериев определения размера компенсации морального вреда [10.]. В то же время, многие юристы, а также представители органов публичной власти, обращают особое внимание на необходимость повысить ответственность должностных лиц за проступки.

Далее стоит отметить, что деятельность органов государственной власти и местного самоуправления направлена на решение организационных и хозяйственных вопросов, основная их функция — это административное управление. Следовательно, возмещение вреда при осуществлении организационной, хозяйственной, технической деятельности, происходит в соответствии со ст. 1068 ГК. В случае же осуществления деятельности в области административно правового управления, необходимо руководствоваться ст. 1069 ГК РФ.

Иными словами, статья 1069 ГК РФ предусматривает ответственность за вред, причиненный гражданину или юридическому лицу государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами. В данном случае на поверхность всплывают две проблемы: определение статуса государства как участника гражданско-правовых отношений и отсутствие в законодательстве единого понятия должностного лица.

Таким образом, можно прийти к выводу, что на сегодняшний день, существует необходимость совершенствования законодательства в области гражданско-правового регулирования вопросов, касающихся возмещения вреда, причиненного действиями/бездействием органов власти и местного самоуправления. В противном случае, отсутствие каких-либо изменений действующего законодательства по выявленным проблемам приведет к фактическому нивелированию декларированной законодательно персональной административной ответственности должностных лиц.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. Поправками, внесенными Законами РФ «О поправках к Конституции РФ» от 30.12.08 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.08 № 7-ФКЗ).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51 — ФЗ. Принят Государственной Думой Федерального собрания Российской Федерации 21 октября 1994 г. (в ред. ФЗ от 11.02.2013 № 8-ФЗ, с изм., внесенными Федеральными законами от 24.07.2008 N 161-ФЗ, № от 18.07.2009 № 181-ФЗ, Постановлением Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 № 15-П, от 30.12.2012 N 302-ФЗ, от 21.12.2013 N 367-ФЗ, от 12.03.2014 N 35-ФЗ, вступающих в силу с 01.07.2014).

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138 — ФЗ. Принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 23 октября 2002 г. (в ред. ФЗ от 07.05.2013 № 99-ФЗ, с изм., внесенными Постановлениями Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 № 13-П, от 27.01.2004 № 1-П, от 25.02.2004 № 4-П, от 26.12.2005 № 14-П, Определением Конституционного Суда РФ от 13.06.2006 № 272-О, Постановлениями Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 № 10-П, от 27.02.2009 № 4-П, от 19.03.2010 № 7-П, от 21.04.2010 № 10-П, Постановлениями Конституционного Суда РФ от 01.03.2012 № 5-П, от 22.04.2013 № 8-П, Федеральным законом от 02.04.2014 N 51-ФЗ).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195 — ФЗ. Принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 20 декабря 2001 г. (в ред. Федеральных законов от 07.05.2013 N 98-ФЗ, от 07.06.2013 № 117-ФЗ, с изм., внесенными Постановлениями Конституционного Суда РФ Начало действия редакции — 02.05.2014 (за исключением отдельных дополнений, внесенных Федеральными законами от 21.10.2013 N 274-ФЗ, от 02.12.2013 N 326-ФЗ, N 77-ФЗ от 20.04.2014, N 326-ФЗ, N 274-ФЗ от 21.10.2013).
5. Кирилова, Н. А. Гражданско-правовая ответственность государства: автореф. дис.... канд. юр. Наук/Кирилова Н. А.: 12.00.03: Москва, 2003/203 с.
6. Голосенко, И. А. Начальство. Очерки по истории российской социологии чиновничества конца XIX — начала XX вв. [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социал. антропологии. — 2005. — Т. VIII, вып. 1. — URL: <http://www.old.jourssa.ru/2005/1/3bGolosenko.pdf>.
7. Карнович, Е. Русские чиновники в былое и настоящее время.// Классика российской цивилистики. — М., Статут. 2000. — с. 294.
8. Койтов, А. В. Проблемы привлечения к административной ответственности должностных лиц органов публичной власти//Закон. — 2013. — № 7.
9. Нуриев, А. Х. Особенности гражданско-правовой ответственности государства за вред, причиненный предпринимателям//Вестник Федерального арбитражного суда Московского округа. — 2013. — № 4.
10. Соловьев, А. А. Об административной ответственности должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления» // Административное право и процесс. — 2012. — № 4.

Обязанности исполнителя по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ

Галкин Алексей Юрьевич, старший преподаватель
Ростовский институт защиты предпринимателя

Настоящая статья посвящена обязанностям исполнителя по договорам на выполнение НИОК и ТР.

Перед тем, как перейти к рассмотрению обязанностей исполнителя по указанным договорам, следует отметить, что данные договоры являются «взаимными, т.е. двусторонне обязывающими договорами, т.к. и у исполнителя, и у заказчика возникают по отношению друг к другу взаимные обязательства» [1, с. 54].

Основные обязанности исполнителя по рассматриваемым договорам закреплены в ст. ст. 773 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (далее — ГК РФ) [2].

Согласно указанной статье, исполнитель в договорах на выполнение НИОК и ТР обязан:

- выполнить работы в соответствии с согласованным с заказчиком техническим заданием и передать заказчику их результаты в предусмотренный договором срок;

- согласовать с заказчиком необходимость использования охраняемых результатов интеллектуальной деятель-

ности, принадлежащих третьим лицам, и приобретение прав на их использование;

- своими силами и за свой счет устранять допущенные по его вине в выполненных работах недостатки, которые могут повлечь отступления от технико-экономических параметров, предусмотренных в техническом задании или в договоре;

- незамедлительно информировать заказчика об обнаруженной невозможности получить ожидаемые результаты или о нецелесообразности продолжения работы;

- гарантировать заказчику передачу полученных по договору результатов, не нарушающих исключительных прав других лиц.

Рассмотрим каждую из этих обязанностей.

Абзац 2 ст. 773 ГК РФ предусматривает обязанность исполнителя выполнить работы в соответствии с согласованным с заказчиком техническим заданием и передать заказчику их результаты в предусмотренный договором срок.

Данная норма практически повторяет норму п. 1 ст. 769 ГК РФ, где определяется понятие договоров на выполнение НИОК и ТР. Согласно данному пункту, по договору на выполнение НИР исполнитель обязуется провести обусловленные техническим заданием заказчика научные исследования, а по договору на выполнение ОКР и ТР — разработать образец нового изделия, конструкторскую документацию на него или новую технологию, а заказчик обязуется принять работу и оплатить ее.

Вместе с тем, нормы п. 1 ст. 769 ГК РФ уточняются абз. 2 ст. 773 ГК РФ. Во-первых, «в первом случае речь идет о работе, а во втором — о результатах работ» [3, с. 53]. Во-вторых, в рассматриваемом абзаце говорится не только о выполнении работ и получении соответствующих результатов, но и об обязанности исполнителя передать полученные результаты заказчику. В-третьих, в абз. 2 ст. 773 ГК РФ отмечается, что исполнитель обязан выполнить указанные обязанности по выполнению работ и передачи результатов заказчику в предусмотренный договором срок. Последний из указанных моментов, а также ст. 708 ГК РФ — «Сроки выполнения работы» (§ 1 гл. 37 ГК РФ — «Общие положения о подряде»), к которой отсылает ст. 778 ГК РФ, определяют, что «срок выполнения работ по договорам на выполнение НИОК и ТР является существенным условием рассматриваемых договоров» [4, с. 906].

Применительно к рассматриваемой обязанности исполнителя по договорам на выполнение НИОК и ТР представляется необходимым также затронуть нормы ст. 770 ГК РФ.

В соответствии с указанной статьёй, исполнитель обязан провести научные исследования лично. Он вправе привлекать к исполнению договора на выполнение НИР третьих лиц только с согласия заказчика.

При выполнении ОКР и ТР исполнитель вправе, если иное не предусмотрено договором, привлекать к его исполнению третьих лиц. К отношениям исполнителя с третьими лицами применяются правила о генеральном подрядчике и субподрядчике (ст. 706 ГК РФ).

Анализ содержания норм ст. 770 ГК РФ, показывает, что «в первом случае, по договору на выполнение НИР, нормы ГК РФ презюмируют личное выполнение работ исполнителем. Право исполнителя на привлечение третьих лиц к выполнению работ по данному договору осуществляется только с согласия заказчика. Во втором случае, по договорам на выполнение ОК и ТР, нормы ГК РФ презюмируют право исполнителя привлекать к выполнению работ по рассматриваемым договорам третьих лиц. Данная норма, однако, является диспозитивной. Поэтому, право исполнителя на привлечение третьих лиц к выполнению работ по этим договорам будет иметь место, если иное не предусмотрено договором» [5, с. 13].

«Норма о том, что к отношениям исполнителя с третьими лицами применяются правила о генеральном подрядчике и субподрядчике (ст. 706 ГК РФ), указана только в п. 2 ст. 770 ГК РФ. Однако, исполнитель, как уже было

отмечено выше, вправе привлекать к исполнению договора на выполнение НИР третьих лиц с согласия заказчика» [6, с. 496].

«Представляется, что рассматриваемая норма должна распространяться также и на нормы п. 1 ст. 770 ГК РФ, т.к. исполнитель, как уже было отмечено выше, вправе привлекать к исполнению договора на выполнение НИР третьих лиц с согласия заказчика. Исходя из этого, представляется ст. 770 ГК РФ дополнить пунктом 3 и перенести последнее предложение п. 2 ст. 770 ГК РФ, путем его исключения из этого пункта, в п. 3 ст. 770 ГК РФ: «3. К отношениям исполнителя с третьими лицами применяются правила о генеральном подрядчике и субподрядчике (статья 706).» [7, с. 13].

Согласно абз. 3 ст. 773 ГК РФ, исполнитель обязан согласовать с заказчиком необходимость использования охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (далее — РИД), принадлежащих третьим лицам, и приобретение прав на их использование.

Наличие указанной обязанности обусловлено тем, что для достижения того, или иного результата работ по договорам на выполнение НИОК и ТР, могут потребоваться права на использование тех или иных РИД, для чего требуется заключение, в частности, соответствующих лицензионных договоров.

В соответствии с абз. 4 ст. 773 ГК РФ, исполнитель обязан своими силами и за свой счет устранять допущенные по его вине в выполненных работах недостатки, которые могут повлечь отступления от технико-экономических параметров, предусмотренных в техническом задании или в договоре.

Указанная обязанность наступает, если в выполненных исполнителем работах (в результатах работ) имеются недостатки, допущенные по вине исполнителя.

В силу абз. 5 ст. 773 ГК РФ, исполнитель обязан незамедлительно информировать заказчика об обнаруженной невозможности получить ожидаемые результаты или о нецелесообразности продолжения работы.

Наличие данной обязанности обусловлено спецификой рассматриваемых договоров. Стороны договора, не могут в полной степени быть уверены в получении ожидаемых результатов работ. Нормы п. 3 ст. 769 ГК РФ устанавливают, что риск случайной невозможности исполнения договоров на выполнение НИОК и ТР несет заказчик, если иное не предусмотрено законом или договором.

Кроме того, информирование исполнителем заказчика об обнаруженной невозможности получить ожидаемые результаты или о нецелесообразности продолжения работы имеет большое значение для последствий невозможности достижения результатов НИР (ст. 775 ГК РФ) и последствий невозможности продолжения ОКР и ТР (ст. 776 ГК РФ) [8, с. 341].

В соответствии с абз. 6 ст. 773 ГК РФ, исполнитель обязан гарантировать заказчику передачу полученных по договору результатов, не нарушающих исключительных прав других лиц.

Комментируя указанную норму, А. П. Сергеев отмечает, что «иными словами, заказчику должна быть гарантирована патентная чистота передаваемых ему результатов работ» [9, с. 426].

Наряду с обязанностями исполнителя по договорам на выполнение НИОК и ТР, закрепленными в ст. 773 ГК РФ, у него имеются и другие обязанности. Так, в соответствии со ст. 771 ГК РФ, как на исполнителя, так и на заказчика, возлагается обязанность по обеспечению конфиденциальности сведений, касающихся предмета договора, хода его исполнения и полученных результатов. Объем сведений, признаваемых конфиденциальными, определяется в договоре. Каждая из сторон обязуется публиковать полученные при выполнении работы сведения, признанные конфиденциальными, только с согласия другой стороны.

Однако, указанные нормы ст. 771 ГК РФ, является диспозитивными. Закрепленная в них обязанность, будет

иметь место, если иное не предусмотрено договором. Таким образом, «сторонам договора предоставляется право отказаться от обязательств по конфиденциальности, указав это в договоре» [10, с. 72].

В соответствии со п. 2 ст. 774 ГК РФ, договором может быть предусмотрена обязанность заказчика выдать исполнителю техническое задание и согласовать с ним программу (техничко-экономические параметры) или тематику работ.

Исходя из этого, В. А. Рассудовский отмечает, что «по общему правилу техническое задание разрабатывает исполнитель и согласовывает его с заказчиком. В то же время п. 2 комментируемой статьи допускает случаи, когда выдача технического задания и согласование его вместе с программой или тематикой работ составляет обязанность заказчика» [11, с. 460].

Литература:

1. Галкин, А. Ю. Понятия и правовая природа договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2014. № 3 (82). с. 53–55.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
3. Галкин, А. Ю. Предмет договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. № 2 (13). 2012. с. 52–55.
4. Галкин, А. Ю. Срок как элемент договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). с. 906–908.
5. Галкин, А. Ю. Привлечение третьих лиц к выполнению работ по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: «Проблемы, идеи, тенденции в общественных, технических, гуманитарных и естественных науках в свете современных исследований». 25–26 мая 2015 г., г. Санкт-Петербург. — СПб.: Изд-во «КультИнформПресс», 2015. с. 12–13.
6. Галкин, А. Ю. Выполнение работ по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Молодой ученый. 2015. № 13 (93). с. 494–497.
7. Галкин, А. Ю. Привлечение третьих лиц к выполнению работ по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: «Проблемы, идеи, тенденции в общественных, технических, гуманитарных и естественных науках в свете современных исследований». 25–26 мая 2015 г., г. Санкт-Петербург. — СПб.: Изд-во «КультИнформПресс», 2015. с. 12–13.
8. Галкин, А. Ю. Последствия невозможности достижения результатов научно-исследовательских работ и последствия невозможности продолжения опытно-конструкторских и технологических работ // Молодой ученый. 2015. № 14 (94). с. 340–342.
9. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 2. — 4-е изд., перераб. и доп./Е. Ю. Валявина, И. В. Елисеев [и др.]; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 848 с.
10. Галкин, А. Ю. Условия о конфиденциальности сведений по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции 30 сентября 2015 г.: в 10 ч./Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. — Белгород: ИП Ткачева Е. П., 2015. № 6, часть VII. с. 71–73.
11. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: В 3 т. Т. 2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй/Под ред. Т. Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина; Ин-т государства и права РАН. — М.: Юрайт-Издат, 2005. — 1045 с.

Понятие, признаки и целевые установки института иных мер уголовно-правового характера

Ганаева Есита Эминовна, кандидат юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Хотя словосочетание «иные меры уголовно-правового характера» используется в УК РФ с момента его принятия, однако до сего дня в законодательстве отсутствует его определение, на что неоднократно обращалось внимание ученых-юристов. В уголовно-правовой литературе это словосочетание активно «эксплуатируется», но нет его определения как института. В то же время, имеющиеся в научной литературе определения «иные меры уголовно-правового характера» вполне подходят под общетеоретическое определение института права.

Для определения понятия как «иные меры уголовно-правового характера», так и института «иные меры уголовно-правового характера» необходимо вначале установить признаки этих мер, отличающие их от других правовых последствий запрещенного уголовным законом деяния, в частности от наказания, а также определить их целевую установку.

Выделение специфических признаков «иные меры уголовно-правового характера» невозможно в отрыве от признаков наказания, так как «такие меры по своей природе являются принудительными, ограничительными и имеют определенное сходство, с уголовным наказанием».

В литературе выделяются признаки только самих мер, но не института «иные меры уголовно-правового характера» [1, с. 297]. По результатам сравнительного анализа наказания и законодательно закрепленных в разделе VI УК РФ видов «иные меры уголовно-правового характера», а также относимых к ним в доктрине уголовного права принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, можно выделить признаки института «иные меры уголовно-правового характера». По формальным основаниям: процессуальным актом применения «иные меры уголовно-правового характера» может быть как обвинительный приговор суда, так и его постановление или определение, вступившие в законную силу. В отличие от этого наказание назначается только по обвинительному приговору суда.

Особенность круга адресатов: принудительные меры медицинского характера могут применяться к лицам, совершившим запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости или к лицам, страдающим психическим расстройством, делающим невозможным назначение наказания; конфискация имущества, может применяться не только в отношении лиц, непосредственно участвовавших в совершении преступления, но и в отношении лиц, не участвовавших в преступлении, но которым было передано имущество, подлежащее конфискации, этими лицами могут быть как физические, так и юридиче-

ские лица; принудительные меры воспитательного воздействия могут применяться только к несовершеннолетним. Наказание применяется только к физическим, вменяемым лицам.

При применении «иные меры уголовно-правового характера» отсутствует отрицательная уголовно-правовая оценка содеянного со стороны государства; в определенных случаях, в отличие от наказания, они могут реализовываться вне рамок уголовной ответственности; в некоторых случаях применяются в отсутствие вины.

По своему характеру «иные меры уголовно-правового характера» представляют собой принудительные ограничения прав и свобод человека, не имеющие карательной сущности, однако направленные на понуждение к совершению определенных действий. В то время как содержание наказания составляют лишения и наиболее существенные ограничения прав и свобод человека, характеризующиеся как кара (сущность наказания) за совершенное преступление.

Как институт «иные меры уголовно-правового характера» имеют не только свои признаки, но и цели. Тот факт, что они так же, как и наказание, призваны решать общие задачи уголовного закона, свидетельствует о том, что их цели могут как совпадать, так и различаться; это обусловлено особенностями содержания отдельных мер, входящих в эти институты, направленных на достижения общих целей уголовной юстиции.

У института «иные меры уголовно-правового характера» могут иметься и специфические цели; отличающиеся от целей института наказания, направленные на решение задач, которые по тем или иным причинам могут не обеспечиваться наказанием (например, цель излечения лица, страдающего психическим заболеванием, является специфической целью принудительных мер медицинского характера и не является целью наказания).

Вопрос о специфических целях института «иные меры уголовно-правового характера» должного освещения в доктрине не получил. Одни авторы считают, что «иные меры уголовно-правового характера» присущи все цели наказания [2]. Другие, склонны видеть в «иные меры уголовно-правового характера» цели предупреждения преступлений, восстановления ущерба, причиненного личности, обществу и государству преступлением, ресоциализации преступника, исправления осужденных, специального предупреждения преступлений; экономии мер уголовной репрессии, создания предпосылок для достижения целей уголовного наказания [3], при этом, формулирование целей указанного института зависит от комбинации мер, которые авторы относят к ним. Мы же считаем,

что «иные меры уголовно-правового характера» составляют меры, легитимно закрепленные в разделе VI УК РФ, а также принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних (ст. ст. 90–91, ч. 2 ст. 92 УК РФ).

Из всех доктринальных теорий целей уголовного наказания разных периодов — теория возмездия (этическая, эмоциональная), теория полезности (утилитарная, прагматическая), смешанная теория (этико-утилитарная, эмоционально-прагматическая) уголовным наказаниям присуща последняя [4]. Цели института «иные меры уголовно-правового характера», на наш взгляд, в той или иной мере отражены в теории полезности (утилитарные теории), исходящей из направленности мер уголовного воздействия в будущее. Утилитарные теории — это предупреждение преступлений и исправление правонарушителей; их социальная реабилитация: теория утраты; теория предупреждения общего и частного; теория исправления; теория общественной охраны. Исходя из приведенных теорий, полагаем, что в видах «иные меры уголовно-правового характера» в той или иной мере выражены теория предупреждения и теория общественной охраны. В отличие от наказания, в зависимости от адресатов превенции, теория предупреждения в «иные меры уголовно-правового характера» представлена только специальной превенцией, направленной на конкретное лицо с целью удержания его от совершения нового преступления [5].

Выявление специфических признаков «иные меры уголовно-правового характера», как и рассмотрение их целей, невозможно в отрыве от признаков и целей наказания, как двух групп законодательно установленных правовых последствий запрещенного уголовным законом деяния, направленных на достижение общих задач уголовного закона.

Наличие специфических признаков «иные меры уголовно-правового характера» подтверждает тот факт, что эти меры, являясь правовым последствием запрещенного уголовным законом деяния наряду с наказанием, объединяясь едиными признаками, могут обозначаться как институт уголовного права, отличный от института наказания.

Признаками института «иные меры уголовно-правового характера», отличающие их от института наказания, являются:

а) процессуальным актом применения «иные меры уголовно-правового характера» может быть как обвинительный приговор суда, так и иное его решение, вступившие в законную силу;

б) особенности круга адресатов принудительные меры медицинского характера могут применяться к лицам, совершившим запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости или к лицам, страдающим психическим расстройством, делающим невозможным назначение наказания; конфискация имущества может применяться не только в отношении лиц, непо-

средственно-участвовавших в совершении преступления, но и в отношении лиц, не участвовавших в преступлении, но которым было передано имущество, подлежащее конфискации, этими лицами могут быть как физические, так и юридические лица; принудительные меры воспитательного воздействия могут применяться только к несовершеннолетним;

в) при применении «иные меры уголовно-правового характера» отсутствует отрицательная уголовно-правовая оценка содеянного: со стороны, государства; в определенных случаях, в отличие от наказания, они могут реализовываться вне рамок уголовной ответственности;

г) по своему характеру они представляют собой принудительные ограничения прав и свобод человека, не имеющие карательной сущности, однако направленные на: понуждение к совершению определенных действий;

д) отсутствие «иные меры уголовно-правового характера» в санкциях статей Особенной части УК РФ;

е) они не влекут особого юридического последствия в виде судимости.

Социальная ценность института «иные меры уголовно-правового характера» заключается в социальной полезности поставленных перед ним целей, которые есть правовое выражение тех социальных причин, которые определяют необходимость этих мер как инструментов борьбы с преступностью. Оценка социальной полезности целей «иные меры уголовно-правового характера» подтверждает социально-правовую значимость рассматриваемого института, ее объективную необходимость и направленность на достижение задач уголовного закона. В каждом случае их применения, они, достигая своих законодательно закрепленных целей, подчеркивают тем самым свою правовую и социальную ценность. Сущность социальной ценности института «иные меры уголовно-правового характера» заключается в их объективной потребности для уголовно-правовой охраны общественных отношений. Целями института «иные меры уголовно-правового характера» являются: обеспечение безопасности общества, устранение условий, способствующих совершению запрещенных уголовным законом деяний, предупреждение их совершения, восстановления положения потерпевшего

Понятие «иные меры уголовно-правового характера» может быть определено следующим образом: «иные меры уголовно-правового характера» — это правовые последствия запрещенного уголовным законом деяния, особая уголовно-правовая форма государственного принуждения, назначаемые и применяемые на основании решения суда, вступившего в законную силу, к лицам, определенным в нормах, регулирующих их применение, заключающиеся в применении ограничений их прав и свобод, не имеющих карательной нагрузки, направленных на понуждение к совершению определенных действий в целях обеспечения безопасности общества, удержания лиц от совершения новых запрещенных уголовным законом деяний, устранение условий, способствующих совершению запре-

щенных законом деяний, восстановления положения потерпевшего.

Как институт Общей части уголовного права «иные меры уголовно-правового характера» представляет си-

стему взаимосвязанных уголовно-правовых норм, регулирующих отношения, возникающие по поводу их применения в связи с совершенным запрещенным уголовным законом деянием.

Литература:

1. Цепелев, В. Ф. Конфискация имущества: новое пришествие // Уголовное право. 2007. № 6. — с. 297.
2. Иванов, А. Л. О соотношении мер уголовно-правового характера с мерами уголовной ответственности // Вестник Российской правовой академии. 2014. № 2. — с. 66.
3. Кириллов, А. В. О соотношении институтов уголовной ответственности и принудительных мер медицинского характера // Вестник Елецкого государственного университета. 2010. № 26. — с. 237.
4. Давыденко, А. В. Проблемные вопросы назначения и исполнения принудительных мер воспитательного воздействия // Юстиция. 2014. № 5. — с. 61.
5. Атапина, О. Н. Некоторые вопросы назначения принудительных мер воспитательного воздействия при освобождении от уголовной ответственности // Юридические науки. 2013. № 3. — с. 90.

Проблемы возраста уголовной ответственности

Ганаева Есита Эминовна, кандидат юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Рассматривая вопросы ответственности лиц, совершающих преступления и общественно опасные деяния, нельзя не затронуть проблему возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Понятие «возраст» является весьма важным не только в юриспруденции, но и в психологии, педагогике, социологии. Например, закон с наступлением лишь определенного возраста предоставляет субъекту права и обязанности.

Возраст, как ни какая иная характеристика личности определяет многие другие свойства и качества личности — потребности, интересы, социальный статус личности и многие другие ее свойства. Как отмечает И. С. Кон «между возрастом и социальными возможностями индивида существует взаимосвязь. Хронологический возраст, а точнее предполагаемый им уровень развития индивида, прямо или косвенно определяет его общественное положение, характер деятельности, диапазон социальных ролей» [1].

При этом в современной научной литературе различают возраст не только хронологический (паспортный), но и биологический (функциональный), психологический (психический), социальный (гражданский). В каждой из этих возрастных категорий отражается соответствующее понимание времени жизни человека как физического объекта (хронологический возраст), как биологического организма (биологический возраст), как члена общества (социологический возраст) и как неповторимой психологической индивидуальности (психологический возраст) [2].

В отечественной психологии принята следующая хронологическая периодизация возраста человека: младенче-

ство (от 0 до 1 года); раннее детство (от 1 до 3 лет); дошкольное детство (от 3 до 7 лет); школьное детство (с 7 до 9 лет); отрочество (от 10 до 14 лет); раннее юношество (15–17 лет). Нас в связи с тематикой проводимого исследования будет интересовать, в первую очередь, такой возрастной период как отрочество, а затем ранняя юность [3]. Отрочество охватывает период от 10–11 до 13–14 лет, совпадающий в современной российской школе со временем обучения детей в пятом — восьмом классах. Отрочество относится к так называемым критическим периодам жизни человека или периодам возрастных кризисов. Проявлением подросткового кризиса являются гипертрофированное стремление к самоутверждению; противостояние со взрослыми, доходящее до враждебности; обесценивание взрослых и отрицательное отношение к их потребностям; постоянные ссоры со сверстниками; нарушение социальной адаптации, проявляющееся в нарушении общепринятых норм и правил и некоторые другие.

В действующем российском законодательстве, регулирующем различные правоотношения и ответственность за их нарушение, в зависимости от возраста выделяется два вида физических субъектов, а именно взрослые и дети, а точнее совершеннолетние и несовершеннолетние.

В последние годы в науке уголовного права все активнее ведутся дискуссии о необходимости снижения возраста уголовной ответственности (с 14 летнего на более ранний возраст). При этом многие авторы ссылаются на зарубежный и российский опыт. Действительно, в некоторых странах возраст уголовной ответственности установлен ниже, чем с 14 лет. Например, в Швейцарии субъектом преступления является ребенок, достигший семи

лет, в Шотландии — восьми лет, а в Ирландии — вообще пяти лет, хотя в названных странах в отношении малолетних преступников применяются, прежде всего, специальные меры воспитательного характера.

Во Франции в исключительных случаях к уголовной ответственности может привлекаться подросток в возрасте 13 лет, если обстоятельства дела и личность несовершеннолетнего требуют этого [4].

Однако во многих странах (Англия, Германия, Швеция, Голландия) минимальный возраст уголовной ответственности даже выше чем 14 лет, как правило, в указных странах к уголовной ответственности привлекаются лица, достигшие пятнадцатилетнего возраста.

Во многих странах СНГ, в частности в Белоруссии, Казахстане, на Украине возраст уголовной ответственности, так же как и в России, установлен с 16 лет. Ответственность с 14 лет предусмотрена лишь за некоторые, наиболее опасные и распространенные среди подростков преступления [5].

Несмотря на это, как уже отмечалось, ряд ученых выступают за снижение возрастного порога уголовной ответственности. Свои предложения они обосновывают необходимостью борьбы с общественно опасными деяниями, так как со снижением возраста уголовной ответственности расширяются возможности реагирования на деяния лиц, которые в настоящее время субъектами преступлений не являются.

Кроме того, позиция самого законодателя не отрицает возможности у несовершеннолетних (вплоть до 18 лет) в силу отставания в психическом развитии не осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий — об этом свидетельствует ч. 3 ст. 20 УК РФ.

Устанавливая уголовную ответственность для малолетних (12–13 летних) государство, таким образом, искусственно будет повышать количество несовершеннолетних преступников в стране. Кроме того, такой подход во многом нельзя считать гуманным по отношению к несовершеннолетним.

Это объясняется, на наш взгляд, тем, что многие виды поведения подростков, в том числе, совершаемые ими правонарушения являются результатом их социальной незрелости, обусловленной, в свою очередь, их возрастом. Термин «незрелость» подразумевает внутреннее недоразвитие личности, отсутствие целостности, неполноценность. Незрелость может выражаться в психологических установках, (например, озорство, шалость, любопытство), наличие которых говорит о том, что человек еще не стал взрослым в полном смысле этого слова. Понятие «зрелость» и «незрелость» широко применяются в социально-гуманитарных науках.

Несовершеннолетние, особенно младшего возраста, в частности, не достигшие возраста уголовной ответственности, в силу своего возраста как раз то и не обладают этой социальной целостностью, не имеют четко выраженных ценностных ориентации, не способны правильно воспринимать себя, свое поведение, нормы морали и права.

Поэтому мы полагаем вполне уместным вести речь о социальной незрелости лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Привлекая к уголовной ответственности (фактически карая) детей, общество, тем самым, показывает приоритет уголовного наказания перед воспитательным воздействием на них, чего, на наш взгляд, быть не должно.

Напротив, в отношении них необходим, в первую очередь, воспитательный, а не карательный подход. Подростки — будущее нашей страны и государство должно стремиться не к наказанию, а к их воспитанию или перевоспитанию. Мы полагаем, что в этом вопросе следует идти несколько далее и необходимо, напротив, не снижать, а повышать в целом нижний порог уголовной ответственности для несовершеннолетних, и в этом мы не одиноки. Мы считаем необходимым минимальный возраст, необходимый для признания за лицом статуса субъекта преступления, увеличить с четырнадцати лет до шестнадцати. Это позволит избежать судебных ошибок относительно определения способностей подростков к сознательно-волевому контролю своих действий, а также изъять основную массу детей из категории преступников. К тому же, на сегодняшний день не существует настолько объективных данных психологии развития, которые уверенно могли бы констатировать, что дети и подростки, не достигшие шестнадцати лет, действительно способны нести уголовную ответственность в более раннем возрасте».

Деяния же, совершаемые лицами в возрасте до 16 лет, следует рассматривать в качестве общественно опасных проступков с применением за их совершение мер воспитательного характера. Это объявление предупреждения, выговора, строгого выговора, возложение обязанности возместить причиненный вред (материальный ущерб), передача несовершеннолетнего под надзор родителям и помещение в специализированное учебно-воспитательное учреждение.

Заканчивая рассмотрение уголовно-правовых аспектов общественно опасных деяний (проступков) лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, необходимо отметить, что, на наш взгляд, следует отказаться от употребляемого в настоящее время в теории и практике правоохранительной деятельности понятия «общественно опасное деяние, совершенное лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности», используя вместо него понятие «общественно опасный проступок». Под ним следует понимать посягательство, содержащее объективные признаки преступления, совершенное в силу своей социальной незрелости лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности.

Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних, несмотря на существующие противоположные мнения, следует не снижать, а напротив, увеличивать, установив его с 16 лет, те же деяния, которые будут совершать подростки до 16 лет, следует именовать общественно опасными проступками, ответственность за которые должна быть предусмотрена в законодательстве.

Литература:

1. Кон, И. С. Психология ранней личности. — М.: Просвещение, 1989. — с. 7.
2. Кроник, А. А., Головаха Е. И. Психологический возраст личности. — СПб.: Прогресс, 2012. — С 246.
3. Практическая психология образования/Под ред. И. В. Дубровиной. — СПб.: ТЦ Сфера, 2009. — с. 180.
4. Уголовное законодательство зарубежных стран. Сборник законодательных материалов/Под ред. И. Д. Козочкина. — М.: Статут, 2008. — с. 10.
5. Левченкова, К. А. Привлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Проблема назначения несовершеннолетнему уголовного наказания и мер воспитательного воздействия. — Смоленск: Маджента, 2013. — с. 211.

Здоровье как приоритетный объект уголовно-правовой охраны

Глаголева Екатерина Валерьевна, магистрант
Тюменский государственный университет

Здоровье человека — важнейшая составляющая его жизни. Если мы заглянем в толковый словарь С. И. Ожегова, то увидим следующее определение термина: Здоровье — это правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие [1, с. 344]. Но здоровье человека не может постоянно оставаться в одном и том же состоянии. На правильную и нормальную деятельность нашего организма влияют самые различные факторы: климатические, социально-экономические, биологические. Но самым неожиданным фактором, подрывающим здоровье, являются социальные отношения. В современном мире люди все чаще решают свои проблемы при помощи собственной силы. Зачастую, люди, сами того не желая, например, в бытовых ссорах, наносят увечья, подрывающие здоровье или же вообще приводят к летальному исходу пострадавшего. Маниера решать все не словами, а кулаками имеет не самые приятные последствия.

Права и свободы человека и гражданина охраняются государством. В Конституции РФ этому посвящена специальная глава. Статья 17 (ч. 1) Конституции провозглашает: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией» [3, 671]. В качестве решения вопросов, касаемых умышленного причинения вреда здоровью выступает уголовное законодательство. Оно определяет ответственность за данные преступления в соответствии со статьями 111–125, определяя степень тяжести причиненного вреда здоровью и обстоятельства, при которых было совершено преступление. УК РФ предусматривает ответственность за следующие преступления против здоровья: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112); причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113); причинение тяжкого

или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 114); умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115); побои (ст. 116); истязание (ст. 117); причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности (ст. 118); заражение венерической болезнью (ст. 121); заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122).

Помимо указанных криминальных деяний в гл. 16 УК РФ предусматривается также ответственность за преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье. К их числу относятся: угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119); принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120); незаконное производство аборта (ст. 123); неоказание помощи больному (ст. 124); оставление в опасности (ст. 125).

Борзенков Г. Н. дает следующее определение преступлениям против здоровья — это умышленно или по неосторожности совершаемые деяния, посягающие на здоровье другого человека и причиняющие телесные повреждения либо вызывающие заболевания или патологические состояния, а также деяния, ставящие потерпевшего в опасное для жизни и здоровья состояние. Объектом этих преступлений является здоровье потерпевшего. Под вредом здоровью понимаются телесные повреждения, т.е. нарушение анатомической целостности органов и тканей или их физиологических функций, а также заболевания или патологические состояния, возникшие в результате воздействия различных факторов внешней среды: механических, химических, биологических, психических [2, 56].

Но УК РФ отказался от использования традиционного понятия «телесные повреждения», под которыми подразумеваются нарушения анатомической целостности органов и тканей или их физиологических функций,

которые возникли вследствие воздействия факторов внешней среды [6, п. 2]. Замена в УК РФ понятия «телесные повреждения» на «повреждение здоровья» имеет достаточно обоснованный характер. Далеко не всякий вред здоровью, хоть он возник от воздействия факторов внешней среды, может рассматриваться как телесное повреждение. Понятие «повреждение здоровья» охватывает причиняемый здоровью вред, не связанный с нарушением физиологических функций органов и тканей или их анатомической целостности. Это, к примеру, такие болезненные расстройства, как реактивные психические и невротические состояния, которые возникают из-за неблагоприятного психического воздействия на потерпевшего, либо инфекционные заболевания от заражения одного человека другим культурой патогенных микробов. Кроме того, это могут быть венерические или профессиональные заболевания, расстройство психики, отравления, заболевание токсикоманией или наркоманией и тому подобное. Чаще всего, однако, приходится иметь дело с нарушением физиологической функции органов и тканей или их анатомической целостности, то есть с телесными повреждениями.

Что же касается квалификации содеянного как посягательства на здоровье необходимо, чтобы оно было противоправным, совершенным против воли человека. не Преступным следует считать посягательство на здоровье человека, если имело место согласие потерпевшего на причинение ему вреда, например, легкого. Так, не рассматривается как преступление причинение вреда здоровью пациента в результате надлежащего лечебного либо нелечебного медицинского вмешательства, выполненного *lege artis* (по всем правилам искусства, науки) [4, 672].

По степени тяжести УК РФ различает тяжкий вред здоровью, средней тяжести вред здоровью и легкий вред здоровью. Ведущее значение среди преступлений против здоровья отводится умышленному причинению тяжкого вреда здоровью (статья 111 Уголовного кодекса), относящегося к категории тяжких преступлений, а при наличии отягчающих обстоятельств — и к особо тяжким преступлениям. Доля умышленного причинения тяжкого вреда здоровью составляет примерно 1/4 часть всех преступлений против здоровья.

Давайте рассмотрим какие преступления относятся к тяжким, средней тяжести и легким.

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью является наиболее опасным преступлением, которое посягает на безопасность здоровья человека. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК). Объективная сторона этого преступления выражается в деянии, причинившем тяжкий вред здоровью (общественно опасное последствие), и причинной связи между причиненным вредом здоровью и действием или бездействием виновного. Признаком тяжкого вреда здоровью является опасный для жизни вред здоровью, а при отсутствии этого признака — такие последствия причинения вреда здоровью, как: утрата органом функций или потеря органа,

расстройство здоровья, связанное со стойкой утратой общей трудоспособности не менее чем на 1/3, потеря речи, зрения, слуха, полная потеря профессиональной трудоспособности, прерывание беременности, неизгладимое обезображение лица, психическое расстройство, заболевание токсикоманией или наркоманией. Наличие хотя бы одного из указанных признаков дает основания для признания вреда, причиненного здоровью, тяжким.

Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК) с объективной стороны представляет собой причинение средней тяжести вреда здоровью, не опасного для жизни человека и не повлекшего последствий, указанных в ст. 111 УК, но вызвавшего длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть. Следовательно, признаками средней тяжести вреда здоровью являются:

- а) отсутствие опасности для жизни человека в момент причинения;
- б) если оно не влечет последствий, предусмотренных в ст. 111 УК в качестве признаков тяжкого вреда здоровью;
- в) если оно вызывает длительное расстройство здоровья потерпевшего
- г) значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть.

Умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК) предусматривает ответственность за умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности. Уголовный кодекс 1996 г., в отличие от прежнего уголовного законодательства, не предусматривает уголовную ответственность за умышленное причинение легкого вреда здоровью, не повлекшего за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности. Исключение уголовной ответственности за эти действия обусловлено незначительной степенью их общественной опасности.

Таким образом, в отличие от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью, умышленное причинение легкого вреда здоровью не может влечь за собой последствий, предусмотренных ст. 111 и 112 УК РФ. Признаками легкого вреда здоровью выступают:

- а) кратковременное расстройство здоровья;
- б) незначительная стойкая утрата трудоспособности.

Для того, чтобы не спутать тяжкий и легкий вред здоровью со средним нужно запомнить, что тяжкий вред ставит потерпевшего в состояние, опасное для жизни, легкий вред здоровью приносит лишь небольшие физические страдания, но трудоспособность не теряется.

Итак, здоровье человека, обеспечивающее физическую и психическую полноценность человека, является приоритетным объектом уголовно — правовой охраны. Любое умышленное нарушение нормальной деятель-

ности организма, целостности тканей, утрата органом своих функций, кратковременное или длительное расстройство организма, независимо от степени тяжести нанесённых телесных повреждений и последствий, к ко-

торым привело данное преступление, уголовно наказуемо. Берегите свое здоровье и не создавайте ситуацию, когда вы сами того не желая можете получить или нанести телесные повреждения.

Литература:

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: 14-е изд. — М., 1983. — 344 с.
2. Борзенков, Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. М., 2009; Коробеев А. И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека. М., 2012. — 56 с.
3. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «Юриспруденция»/Под. Ред. А. И. Рарога. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2004. — 671 с.
4. Б. Т. Разгильдиев, А. Н. Красиков. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник/Под редакцией доктора юридических наук, профессора Б. Т. Разгильдиева и кандидата юридических наук, доцента А. Н. Красикова. — Саратов: СЮИ МВД России, 1999. — 672 с.
5. Винокуров, И. В., Томилин В. В. Судебная медицина: Учебник. М., 2011. С. 57
6. Пункт 2 Правил судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью, которые утверждены приказом Министерства здравоохранения РФ от 17 августа 2007 г. № 522). Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причинённого здоровью человека»

Социально-экономические права личности в международном и уголовном праве РФ

Дадаева Хава Тимуровна, магистр
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В международном праве выработалось достаточно четкое понимание необходимости всемерной защиты неотъемлемых прав и свобод человека. Основное внимание международные документы уделяют процессуальным вопросам обеспечения прав и свобод человека. Однако, в ряде случаев они имеют и непосредственное уголовно-правовое значение.

Все Декларации и Конвенции, образующие Международный стандарт ООН и Совета Европы, буквально пропитаны духом понимания того, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Современное уголовное законодательство России подхватило эту тенденцию.

Защите социально-экономических прав личности посвящены многие международно-правовые документы. Так, Протокол № 1 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод специально устанавливает право каждого беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Данное предписание в уголовно-правовом смысле корреспондирует к главе 21 УК РФ «Преступления против собственности». Отметим известный факт, что УК РФ в равной мере защищает все формы собственности от преступных посягательств, и начало этому было положено еще в 1994 году Федеральным Законом РФ от 1 июля 1994 года О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [1]. Основной перечень социально-эко-

номических прав человека содержится в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, а также в ряде европейских документов.

Так, ст. 6 Пакта говорит о «свободном выборе труда» для всех и связанной с ним защите от безработицы. С другой стороны, УК РФ считает преступлением необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины, или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145). Опять возникает вопрос — почему в уголовном порядке не защищено право на труд мужчины, имеющего детей указанного возраста? Представляется, что право на труд должно быть равно защищено для всех лиц, имеющих малолетних детей, вне зависимости от полового признака. В связи с этим предлагается изменить наименование ст. 145 УК РФ. В соответствии со ст. 6 Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах, статья должна называться «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или лица, имеющего детей в возрасте до трех лет» и иметь соответствующую редакцию.

Неотъемлемо от права на труд право на справедливое и своевременное вознаграждение труда (ст. 7 Пакта, ст. 23 Всеобщей Декларации). В связи с этим представляется обусловленным не только в социальном, но и в формально-юридическом плане введение в УК РФ нормы об ответствен-

ности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат. В данном случае можно говорить об имплементации нормы международного права во внутреннее уголовное законодательство. Примечательно, что квалифицированный состав этого преступления предусматривает повышенную ответственность за указанные деяния, «повлекшие тяжкие последствия». Тяжкие последствия — признак оценочный, но что является последствием невыплаты заработной платы, стипендии, пенсии и пр. Человек остается без средств к существованию и не может легально прокормить себя и свою семью. В Уголовном законе не предусмотрено такого последствия, как голод, зато ст. 11 Пакта говорит о свободе любого человека от голода. Представляется желательным специальное указание закона на такое, последствие невыплаты заработной платы, стипендии, пенсии, как наступление состояния голода у лица и его семьи (близких). Такое новшество позволит более четко следовать Международному стандарту охраны социально-экономических прав [2]

Ст. 23 Всеобщей Декларации и ст. 12 Пакта требуют обеспечить право любого на безопасные условия труда. Не подвергая сомнению приоритет трудового законодательства в решении этого вопроса, отметим, что это право защищено и в Уголовном кодексе, ст. 143 которого устанавливает ответственность за нарушение правил охраны труда.

Требование соответствия Международному стандарту условий труда, отвечающих требованиям безопасности

и гигиены, содержится также в Постановлении Пленума Верховного Суда России № 1 от 23 апреля 1991 года в редакции Постановления Пленума № 10 от 25 октября 1996 года «О судебной практике по делам о нарушении правил охраны труда и безопасности горных, строительных и иных работ».

Наконец, право на труд связано в международном праве с правом на забастовку как форму социально-экономического протеста трудящихся (ст. 8 Пакта). Уголовный закон запрещает вмешательство должностных лиц в проведение такой акции, если последняя разрешена в соответствии с текущим законодательством (ст. 149 УК РФ) [3].

К ведущим социально-экономическим правам ст. 15 Пакта относит авторские права, по сути, считающиеся интеллектуальной собственностью лица (ст. 27 Всеобщей Декларации). Уголовный закон расширяет круг объектов уголовно-правовой охраны, устанавливая преступность нарушения как авторских и смежных (ст. 146), так изобретательских и патентных прав лица (ст. 147).

Итак, личные и иные права и свободы человека, установленные Международным стандартом, взяты под охрану Особенной частью Уголовного закона России. Как правило, характер и степень уголовно-правовой защиты этих прав в целом соответствует предписаниям международного права. А сами указанные нормы Особенной части УК РФ носят, в основном, универсальный, а не конвенционный характер.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года // Сборник стандартов Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия: Официальное издание ООН. — Нью-Йорк, 1992.
2. Лукашук, К. И. Лукашук О. И. Толкование норм международного права. М.: МОНА ВЕНЕ, 2012. с. 35.
3. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года с изм., внесенными Протоколом от 13.05.2004 N 14 [Электронный источник] Информационно-правовой портал «Гарант».

Оценка состояния кадрового ресурса органа исполнительной власти Краснодарского края

Дубовик Анна Юрьевна, магистрант

Краснодарский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

Краснодарский край является равноправным субъектом Российской Федерации. Статус края как субъекта Российской Федерации определяется Конституцией Российской Федерации и Уставом Краснодарского края [1].

Краснодарский край является неотъемлемой составной частью Российской Федерации. На территорию края распространяется суверенитет Российской Федерации, на ней

действуют Конституция Российской Федерации и федеральные законы.

Согласно статье 16, Устава Краснодарского края государственная власть в крае осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную.

Систему органов государственной власти Краснодарского края составляют: законодательный (представительный) орган государственной власти Краснодарского

края — Законодательное Собрание Краснодарского края, высший исполнительный орган государственной власти Краснодарского края — администрация Краснодарского края, иные органы государственной власти Краснодарского края, образуемые в соответствии с Уставом и законами края.

Система исполнительных органов государственной власти Краснодарского края устанавливается законом края [2].

Положение об органе исполнительной власти края, а также его структура и штатное расписание утверждаются главой администрации (губернатором) края [3].

Администрация края состоит из главы администрации (губернатора) края, его первых заместителей, заместителей и структурных подразделений администрации края.

Глава администрации (губернатор) края возглавляет исполнительную власть края [4].

Структура администрации края определяется законом Краснодарского края по представлению главы администрации (губернатора) края.

Администрация края обладает правами юридического лица.

Органы исполнительной власти края обладают правами юридического лица.

В структуру органов исполнительной власти Краснодарского края входит государственная жилищная инспекция Краснодарского края (далее — Инспекция) [5].

Основными задачами Инспекции являются предупреждение, выявление и пресечение нарушений органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами установленных в соответствии с жилищным законодательством, законодательством об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, законодательством о лицензировании отдельных видов деятельности требований к использованию и сохранности жилищного фонда независимо от его форм собственности, в том числе требований к жилым помещениям, их использованию и содержанию, использованию и содержанию общего имущества собственников помещений в многоквартирных домах, формированию фондов капитального ремонта, созданию и деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих управление многоквартирными домами, оказывающих услуги и (или) выполняющих работы по содержанию и ремонту общего имущества

в многоквартирных домах, предоставлению коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домах, специализированных некоммерческих организаций, которые осуществляют деятельность, направленную на обеспечение проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, нарушений ограничений изменения размера вносимой гражданами платы за коммунальные услуги, требований энергетической эффективности и оснащенности помещений многоквартирных домов и жилых домов приборами учета используемых энергетических ресурсов, требований к предоставлению жилых помещений в наемных домах социального использования (далее также — обязательные требования), а также лицензионных требований. [6].

Госжилинспекция края не имеет территориальных органов и представительств за рубежом, а также подведомственных организаций.

Госжилинспекция края не имеет учрежденных средств массовой информации.

Оценка состояния кадрового ресурса госжилинспекция края позволят нам увидеть настоящее состояние их кадрового потенциала.

Анализ таблицы 1 показывает, что в госжилинспекции края преобладает мужской пол.

Таблица 2 показывает, что преобладающую часть составляет персонал в возрасте от 30 до 39 лет. Примерно одинаковую часть составляют персонал от 25 до 30 лет и от 40 до 49 лет. Самые маленькие значения имеют промежутки в возрасте от 50 и более. По данным показателям можно сделать вывод, что преобладающая часть персонала — это персонал в возрасте от 30 до 39 лет, который знает свое дело. Данная ситуация является хорошим показателем, так как в госжилинспекции края имеются работники с хорошим опытом работы, которым они могут делиться с более молодым персоналом.

За 2013 год было уволено по собственному желанию — 10 сотрудников (20%), в 2014 году — 11 (13%), что составляет небольшой процент от общего количества сотрудников госжилинспекции края.

Данная статистика наталкивает на мысль, что людей, находящихся на государственной службе, удовлетворяют условия труда.

По данным структуры по образованию (таблица 3) мы видим, что весь трудовой состав госжилинспекции края имеет высшее профессиональное образование. Это го-

Таблица 1. Кадровый состав госжилинспекции края по половому признаку [7]

№ п/п	Категории и группы должностей государственной гражданской службы	На 31.12.13		На 31.12.14	
		мужчины	женщины	мужчины	женщины
1	«Руководители»	2	-	2	-
2	«Специалисты»	25	17	35	30
3	«Обеспечивающие специалисты»	2	4	9	9
4	ВСЕГО	50		85	

Таблица 2. **Возрастная структура госжилинспекции края [7]**

№ п/п	Категории и группы должностей государственной гражданской службы	На 31.12.13					На 31.12.14				
		25–30	30–39	40–49	50–59	60 и старше	25–30	30–39	40–49	50–59	60 и старше
1	«Руководители»	-	1	-	1	-	-	1	-	1	-
2	«Специалисты»	12	17	9	3	-	18	23	17	7	-
3	«Обеспечивающие специалисты»	3	2	1	-	-	10	4	4	-	-
4	ВСЕГО	14	20	10	4	0	28	28	21	8	0

Таблица 3. **Структура персонала по образованию в госжилинспекции края [7]**

№ п/п	Образование	На 31.12.13	На 31.12.14
1	Высшее	50	85
2	Среднее профессиональное	-	-
3	Среднее общеобразовательное	-	-

Таблица 4. **Классные чины государственной гражданской службы [7]**

№ п/п	Образование	На 31.12.13	На 31.12.14
1	«Руководители»	2	2
2	«Специалисты»	33	65
3	«Обеспечивающие специалисты»	5	18
4	Всего	40	85

ворит о том, что госжилинспекции края находятся работники, обладающие необходимыми профессиональными качествами, позволяющими более качественно выполнять свои обязанности.

Так же в администрации Краснодарского края осуществляется повышение квалификации и профессиональной переподготовки, цели которых — повышение профессиональной и управленческой компетенции лиц, замещающих должности государственной службы.

В 2013 году прошли профессиональную переподготовку (аттестацию) — 30 сотрудников, в 2014 году — 15 сотрудников.

Делая вывод ко всему вышеизложенному, можно сказать, что в органах исполнительной власти Краснодарского края работают над тем, чтобы создать высокопрофессиональный кадровый состав, который бы отвечал всем требованиям государственной гражданской службы.

Литература:

1. Устав Краснодарского края.
2. Закон Краснодарского края от 07 июня 2001 г. № 365-КЗ «О структуре высшего исполнительного органа государственной власти Краснодарского края — администрации Краснодарского края и системе исполнительных органов государственной власти Краснодарского края».
3. Регламент администрации Краснодарского края, утвержденный постановлением главы администрации (губернатора) края от 30 сентября 2008 г. № 980.
4. Закон Краснодарского края от 3 июля 2012 г. № 2519-КЗ
5. «О выборах главы администрации (губернатора) Краснодарского края».
6. <http://admkrain.krasnodar.ru/content/464/show/33573/> — официальный сайт администрации Краснодарского края.
7. Постановление главы администрации Краснодарского края от 5 октября 2006 г. «861 «О государственной жилищной инспекции Краснодарского края».
8. Данные статистического отдела правового и кадрового обеспечения госжилинспекции края.

Порядок и правовые последствия усыновления (удочерения) в Российской Федерации

Краснова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент;
Еркиль Татьяна Валерьевна, студент
Тюменский государственный университет

Актуальность данной темы не вызывает сомнений. Работа о детях и охрана их интересов является важным принципом, закрепленным в законодательстве Российской Федерации. Ребенок рассматривается как самостоятельная личность, имеющий определенные права с рождения. Главным правом ребенка выступает право жить и воспитываться в семье, которое закреплено в семейном законодательстве России. К сожалению, очень часто дети остаются без попечения родителей. Причин тому довольно много: лишение родителей родительских прав, отказ родителей от ребенка, смерть родителей или другие жизненные ситуации. В таком случае защита интересов детей ложится на государство в лице исполнительных органов, содействующих в реализации права каждого ребенка на жизнь и воспитание в полноценной семье. В связи с этим возникает много проблем, решение которых тесно связано со степенью их изученности.

Правовой институт — это совокупность правовых норм, регулирующих ту или иную область однородных общественных отношений. Согласно общепринятому представлению в юридической науке правовые институты, из которых складывается отрасль права, бывают:

- регулятивными — состоящими из регулятивных норм;
- предметными — каждый из институтов соответствует строго определенному предмету — разновидности отношений;
- конкретными — состоящими из конкретных предписаний;
- отраслевые — образуемые нормами, относящимися у данной отрасли права.

Институт усыновления отвечает всем названным признакам. Его нормы регулируют отношения между совершеннолетними и несовершеннолетними людьми, которые обладают субъективными правами и соответствующими им обязанностями; предметом их является некое благо, именуемое семьей, состоящей, в частности, из родителей и детей; благо, которое предоставляется детям, оставшимся без попечения родителей; эти нормы конкретны, ибо содержащиеся в них предписания не отвлеченные (абстрактные), а четко определенные: закон четко и недвусмысленно указывает, кто может быть усыновителем, кто им быть не может и так далее. И, наконец, эти нормы относятся только к отрасли семейного права.

Антокольская М.В. полагает, что усыновление является правовым институтом, который призван создавать между усыновителем и усыновленным отношения, наи-

более близкие по духу к тем, которые возникают между родителями и родными детьми.

Кузнецова И.М. и Пчелинцева Л.М. также считают, что усыновление является установлением между усыновителем и усыновленным ребенком правоотношений, аналогичных существующим между кровными родственниками, а Воронина З.И. в свою очередь полагает, что усыновление — это лишь некая форма воспитания детей, оставшихся без родительской опеки.

Вопреки мнению большинства, Ткаченко Т.В. считает, что необходимо разграничивать понятие усыновления от понятия родства.

На вопрос о том, чем является семья, попытался ответить Матвеев Г.К. Он полагает, что семья — это основанное на браке или родстве объединение лиц, которые связаны личными и имущественными правами и обязанностями, моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства и воспитанием детей.

В своей работе Чиквашвили Ш.Д. также определяет семью, как основанную на браке, близком родстве, усыновлении и других указанных в законе фактах совместную жизнь лиц, имеющих целью рождение и воспитание детей, обеспечение продолжения рода, совместное ведение хозяйства, установление отношений духовной близости и вызывающих соответствующие этому личные и имущественные права и обязанности.

Немного отличается от других мнение Борзовой К.А., характеризующей понятие семьи, как основанное на браке, родстве, усыновлении и других фактах принятия детей на воспитание, связанных между собой морально и материально, обладающих взаимными личными и имущественными правами и обязанностями по рождению и воспитанию детей. Такая позиция выглядит наиболее реальной в наше время.

Как известно, всякое понятие формируется из определенных признаков. К таким признакам понятия «усыновления» относятся следующие:

1) условия усыновления — это определенные требования, установленные в законе;

2) эти требования закреплены в императивных нормах, устанавливающих строгие правила поведения, не допускающие отклонения в регулируемом поведении. Императивный характер обусловлен публичным интересом к усыновлению детей;

3) эти требования предъявлены к строго определенному кругу лиц (к ним относятся не только усыновители, но и органы опеки и попечительства, детские учреждения), т.е. они строго персонифицированы.

Исходя из этих признаков, можно дать следующее определение понятия «условия усыновления». Условия усыновления — это установленные в законе требования, предъявляемые к строго определенному кругу лиц по поводу усыновления. Все условия связаны между собой, но их единство обусловлено и поставлено в зависимость от одного условия, выступающего в качестве факта-условия, — согласия усыновителя на усыновление. Представляется, что именно с момента волеизъявления кандидата в усыновители начинается формирование этого состава и развитие сложного правоотношения по усыновлению. Данное положение отчасти совпадает с традиционным мнением, высказанным в доктрине семейного права. Так, ряд авторов под условиями усыновления понимали определенные юридические факты, одни из которых являются действиями лица, другие относятся к категории событий.

Самое важное при усыновлении — чтобы ребенок, которого усыновляют, принял и полюбил усыновителя, иначе все страдания органов опеки и попечительства окажутся бесполезными. Согласно Семейному кодексу Российской Федерации при вынесении решения об усыновлении ребенка суд вправе отступить от некоторых положений и ограничений с учетом интересов усыновляемого ребенка и заслуживающих внимания обстоятельств. Это не значит, что нарушаются базовые установки, просто учитываются обстоятельства для оптимального подбора усыновителя. Усыновителями согласно законодательству являются лица, которые вступают в брак с лицами, уже имеющими несовершеннолетних детей. Но требования, которые относятся к приемным родителям, когда ребенка забирают в новую семью, на лиц, желающих официально признать ребенка своего супруга своим, не распространяются. Мачеха или отчим не берут ребенка на воспитание, а создают новую семью с ребенком, который является ее частью. Усыновление не усыновленного при жизни супруга ребенка не является усыновлением в полной мере, если брак был зарегистрирован. По закону лица, не состоящие между собой в браке, не могут совместно усыновить одного и того же ребенка.

В том случае если ребенок потерял обоих родителей, первоочередное право на усыновление не предоставляется совершенно чужим для него людям. Сначала рассматриваются кандидатуры родственников ребенка, возможно, даже относительно далеких, и только потом, когда становится ясно, что родственники не возьмут ребенка или же что им нельзя доверить воспитание ребенка, несовершеннолетнего могут предложить на усыновление посторонним людям. При подборе усыновителей, прежде всего, учитываются интересы ребенка и даже его прежний уровень жизни.

Если усыновлять ребёнка собирается семейная пара, нужно готовить отдельный комплект документов на каждого из супругов.

Зачастую процесс подготовки и юридического оформления усыновления, усыновителям нужно проделать очень большой путь. Полагается, что такой процесс должен быть

упрощен. На данный момент правительство внесло на рассмотрение Госдумы законопроект об упрощении процедур, связанных с усыновлением на территории Российской Федерации. Об этом говорится в сообщении на сайте нижней палаты парламента.

Усыновить (удочерить) возможно, только несовершеннолетнего ребенка и только на основании постановления компетентного органа.

Усыновителями не могут стать лица, признанные судом полностью или частично недееспособными, лишённые по суду родительских прав, отстранённые от обязанностей опекуна или усыновителя.

Обязательным условием для усыновления является наличие постоянного места жительства, прописки, жилья, которое отвечает всем санитарным нормам жизни. Также усыновитель должен иметь постоянное место работы и доход, который обеспечит ребенку прожиточный минимум.

Если усыновитель когда-то имел судимость за преступление, совершенное умышленно и в результате которого пострадали или погибли люди, такой человек по закону не имеет право брать на воспитание ребенка. Причем не берется во внимание его раскаяние и срок давности тюремного заключения.

Если усыновить ребенка желают мужчина и женщина, то они должны состоять в браке.

Для того, чтобы усыновить (удочерить) ребёнка, чьи родители живы, но по каким-то причинам не могут воспитывать его, требуется их письменное согласие.

Без письменного заявления, согласиться с усыновлением (удочерением) родители могут только в судебном заседании при рассмотрении дела об усыновлении (удочерении) их родных детей.

Перед тем, как одобрить кандидатуру усыновителей, орган опеки тщательно проверяют лиц, претендующих на замещение родителя для ребенка. Усыновитель должен соответствовать всем предъявляемым требованиям.

При усыновлении (удочерении) ребёнка двумя людьми, они должны находиться в браке на момент усыновления. Если же два человека, претендующих на роль родителей, не состоят в официальном браке, то по закону в усыновлении (удочерении) им будет отказано.

По закону усыновитель должен быть старше детей, которых он хочет принять на воспитание, не менее чем на шестнадцать лет. Это правило распространяется только на лиц, усыновляющих ребёнка единолично. При усыновлении (удочерении) ребенка семейной парой разница в возрасте не учитывается.

Если суд решит, что претенденты на роль родителей отвечают всем требованиям, то выносится решение, которое даёт право на принятии ребенка в семью.

Изъявление желания усыновить (удочерить) ребёнка должно быть свободным и добровольным. Привлечь человека к усыновлению насильно невозможно.

При подаче заявления о желании усыновить (удочерить) ребёнка, нужно указать обстоятельства, по причине

которых ребёнок не может проживать в родной семье. Иногда такие обстоятельства требуют предоставления доказательств самостоятельно.

Если человек принял решение принять на усыновление (удочерение), то его освобождают от оплаты судебного налога.

Все права и обязанности усыновленных (удочеренных) детей и их новоиспеченных родителей наступают с того момента, когда вступает в силу судебное решение об усыновлении.

Рассмотрим пример неудовлетворения прошения в усыновлении ребенка: Органы опеки не позволили создать приёмную семью семейной паре, мотивируя это тем, что в их районе это просто невозможно. В данной ситуации на лицо две причины. Первая причина в том, что органы опеки не имеют права дать согласие на создание приёмной семьи, так как для создания полноценной семьи требуется не только подготовить и согласовать договор, но и регулярно проводить контроль, изыскивать дополни-

тельные средства, организовывать помощь семье, а территориальный округ этого делать не позволяет. Вторую и главную роль в этом вопросе играет размер заработной платы трудящихся, которая не может обеспечить полноценную и безбедную жизнь усыновлённому ребёнку.

Случаются такие ситуации, при которых приёмные родители не хотят сообщать ребёнку о том, что он не родной. По закону они имеют на это полное право. В законе чётко прописана тайна усыновления, за разглашение которого имеется ответственность. Не смотря на этот момент, многие приёмные родители по прошествии лет рассказывают ребёнку о том, что он приёмный. Для многих родителей очень проблематично применить закон «О тайне усыновления» в жизни. Этому может мешать как внешнее отличие ребёнка от родителей, так и слухи со стороны. В таком случае родители должны позаботиться о том, чтобы до ребёнка в будущем не дошла информация о том, что его усыновили. Это делается для того, чтобы в будущем не травмировать психику растущего человека.

Литература:

1. Абраменко, Г. И. Правовое регулирование усыновления в семейном законодательстве России: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/Г. И. Абраменко — Ростов-на-Дону, 2003. — [207 с].
2. Антокольская, М. В. Семейное право: учебник/М. В. Антокольская. — М.: Норма, 2010. — [432 с.] — ISBN 978-5-91768-069-9.
3. Пчелинцева, Л. М. Семейное право России 3-е изд., перераб. и доп./Л. М. Пчелинцева — М.: Норма, 2004. — [688 с.]
4. Воробьева, Л. В. Усыновление и удочерение: лит. изд. — М.: Синергия. 2013 — [128 с.] ISBN 978-5-4257-0089-6.
5. Арутюнова, Э. В. Понятие и правовая природа усыновления: статья/2010.
6. Гомола, А. И., Гомола И. А., Саломатов Е. Н. Семейное право: учебное пособие — М.: Академия. 2011. — [128 с.] ISBN 978-5-7695-8274-5;

Правовые гарантии обеспечения реализации прав и свобод осужденных

Жаанбаева Чолпон Каныбековна, соискатель;

Могильный Алексей Васильевич, соискатель

Ошский государственный юридический институт (Кыргызская Республика)

Калиева Гульбара Утуровна, соискатель

Институт философии и политико-правовых исследований Национальной Академии наук Кыргызской Республики

В данной статье говорится о том, что от роли юридических гарантий прав и свобод граждан, которые отбывают наказание в местах лишения свободы, зависит определение специфики всей их реализации. Только имеющиеся юридические гарантии дают возможность отбывающим наказание осужденным наиболее эффективно использовать их правовые возможности в определенных интересах.

Ключевые слова: правовое положение осужденных, права и свободы граждан, реализация прав и свобод, исполнение наказаний, правовые гарантии реализации прав и свобод.

Юридические гарантии следует рассматривать как триединую систему, компонентами которой являются: общие гарантии; специально юридические гарантии; организационные гарантии.

Следует заметить, что одним из общепринятых ключевых признаков правового государства, которым в соответствии с Конституцией является Кыргызская Республика [1], служит определение в качестве неотъемлемых

прав и свобод человека и гражданина. Эти права и свободы в совокупности составляют широкую систему, на основании которой гражданину предоставляется возможность в полном объеме реализовывать свои интересы.

Вместе с тем общие гарантии целесообразно рассматривать в качестве экономических, политических, идеологических, социальных условий, которые способствуют формированию благоприятной среды для реализации прав и свобод.

Общие гарантии достаточно широко раскрыты в юридической литературе [2, с. 187]. Их сущность может быть представлена в создании юридической среды только представляющей возможность для реализации прав и свобод личности. Будучи в таком положении сами по себе отдельно взятые они не могут обеспечить их реализацию и защиту, так как данное обеспечение непосредственно связано с использованием правовых средств [3, с. 12], которые представляют собой именно юридические гарантии. Особо важная роль принадлежит юридическим гарантиям прав и свобод граждан, которые отбывают наказание в местах лишения свободы, именно от этого зависит определение специфики всей их реализации.

Только имеющиеся юридические гарантии дают возможность отбывающим наказание осужденным наиболее эффективно использовать их правовые возможности в определенных интересах.

В юридических исследованиях определение и понятие юридических гарантий не представляются в большой степени дискутируемыми.

Большая часть юристов-правоведов приходит однозначному выводу, что юридические гарантии — это средства и способы, закрепленные законодательством, непосредственным образом обеспечивающие правомерное осуществление, а также защиту прав, свобод и законных интересов личности [4, с. 14]. При этом следует иметь в виду, что юридические гарантии приобретают важное самостоятельное значение в системе реализации прав и свобод осужденных к лишению свободы.

Они не должны рассматриваться только как вспомогательный элемент, осуществляющий только служебные функции.

Благодаря тому, что они в значительной степени способствуют реализации прав и свобод осужденных, юридические гарантии становятся самостоятельными элементами правового положения. Данное обстоятельство вызывает настоятельную необходимость тщательного юридического анализа всей системы в целом, сущности и содержания каждого элемента, в частности.

Представляется интересным рассмотреть точку зрения известного ученого юриста-правоведа Н.В. Витрука, который полагает целесообразным разделить юридические гарантии прав и свобод личности на две группы:

- 1) Гарантии реализации;
- 2) Гарантии охраны или защиты.

К первой группе следует отнести такие виды:

- конкретизацию пределов прав и свобод;

- юридические факты, определяющие реализацию прав и свобод;

- процессуальные формы, в которых осуществляющие права и свободы;

- меры поощрения и льготы, служащие стимулированию правомерной инициативе их реализации.

К следующей группе гарантий, по его мнению, относятся следующие виды:

- надзор и контроль за правомерностью поведения субъектов права для того, чтобы выявлять случаи правонарушений;

- правовая защита;

- юридическая ответственность;

- пресечение и другие правоохранительные меры;

- процессуальные формы охраны прав и обязанностей, в том числе формы применения правоохранительных мер;

- профилактика правонарушений [5, с. 95].

Рассмотренная нами научная версия юридических гарантий представляется довольно исчерпывающей, раскрывающей основные составляющие правовой системы. Но при этом, она носит в определенной степени расширительный характер. Как представляется нам, более четкую формулировку указанного вида гарантий предложил Бабай А. Н. «Самообеспеченность прав и свобод, которая имеет в виду конкретизированную формулировку в законодательстве, исключая возможности двоякого толкования» [6, с. 25].

Выделяют также следующие формы юридических гарантий: — гарантии реализации прав и свобод; — гарантии правовой защиты прав и свобод.

Основные элементы специальных юридических гарантий осужденных в сфере обеспечения их прав и свобод могут проявляться только в процессе непосредственной их реализации, в ходе чего они наполняются конкретным юридическим содержанием.

По результатам анализа системы гарантий реализации прав осужденных можно сделать определенный вывод, что, во-первых, они позволяют создать благоприятную правовую среду для реализации прав и свобод осужденных, а во-вторых, могут служить предпосылками других видов юридических гарантий защиты.

Определенный научный интерес представляет определение правовой природы гарантий защиты. Опыт функционирования уголовно-исполнительной системы Кыргызской Республики убедительно показывает, что даже относительно совершенное законодательство в сфере уголовно-исполнительной деятельности, разработанное с учетом международных стандартов само по себе не может избежать различных нарушений прав и свобод осужденных.

Особое значение в этом плане приобретает защита прав осужденных в случае их нарушений. Поэтому не менее важно теоретически разработать средства и механизмы гарантий защиты прав и свобод осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях.

Осужденные должны иметь реальную, а не декларируемую возможность обращаться в соответствующие органы государственной власти и общественные организации с жалобами и заявлениями с целью восстановления нарушенных прав и законных интересов. При этом, основанием для подачи жалоб осужденными и заключенными под стражу могут быть не только нарушения законности, допущенные определенными субъектами правоотношений, но и нарушения ими морально-этических норм. Различными исследователями выработана примерно идентичная позиция по данному вопросу. Наиболее типичными видами юридической защиты избраны:

- прокурорский надзор;
- судебная защита;
- обращение в специализированные органы [7, с. 14-15].

Отдельные правоведы считают уместным дополнительно включить и другие категории. В частности С. А. Волков обоснованно считает, что кроме этого в число гарантий средств защиты следовало бы также включить парламентский и президентский контроль [8, с. 16-18].

Вышеуказанные и другие позиции относительно полно раскрывают виды юридической защиты. Вместе с тем, в них не просматривается определенная системность, что в свою очередь затрудняет комплексный подход к решению указанной проблемы. Только путем добавления или изъятия определенных видов юридических гарантий защиты прав и свобод затруднительно сформировать определенное мнение об их системе в целом. Нарботанные предложения российских юристов и международный опыт позволили разработать и систематизировать контроль и надзор за местами лишения свободы.

В соответствии со статьей 17 УИК КР за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовное наказание, осуществляется контроль и надзор следующих видов:

- ведомственный контроль;
- эпидемиологический контроль;
- контроль местных органов государственной власти и местного самоуправления;
- общественный контроль;
- медицинский контроль;
- прокурорский надзор;
- парламентский контроль;
- судебный контроль.

За деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, осуществляется ведомственный контроль со стороны вышестоящих органов управления и должностных лиц. Порядок осуществления ведомственного контроля определены нормативными правовыми актами (Ст. 20 УИК КР).

В соответствии с законодательством Кыргызской Республики, нормами международного права государство обеспечивает медицинское и санитарно-эпидемиологическое обслуживание учреждений и органов, исполняющих уголовное наказание (Ст. 17 УИК КР).

Органы исполнительной власти и органы местного самоуправления оказывают содействие в организации деятельности и функционирования на их территориях учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, а также осуществляют контроль за их деятельностью через создаваемые наблюдательные комиссии, территориальные подразделения уполномоченного государственного органа по защите детей, попечительские советы.

Участие различных международных организаций в реформировании пенитенциарной системы Кыргызской Республики позволяет повысить эффективность предусмотренного в Уголовно-исполнительном кодексе Кыргызской Республики международного контроля. В частности, в настоящее время широко осуществляется проект Центра ОБСЕ в Бишкеке «Продвижение прав человека в закрытых учреждениях Кыргызской Республики с помощью национальных механизмов защиты прав человека».

Это является убедительным свидетельством того, что роль международных средств защиты неизменно возрастает, неуклонно повышается их эффективность. Международные организации, осуществляющие свою деятельность, непосредственно направленную на всеобъемлющий контроль за соблюдением государствами взятых на себя обязательств в гуманитарной сфере приобретают все больший вес в международном сообществе. Указанные организации в своем большинстве работают под эгидой Организации Объединенных наций. Этой деятельностью занимаются:

- 1) Верховный комиссар по правам человека, в его функции входит защита любых прав человека
- 2) Комитет ООН по предупреждению преступности и борьбе с ней, его основной функцией является анализ реализации минимальных стандартных правил обращения с осужденными
- 3) Комитет ООН по правам человека, который был создан в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах, призванный рассматривать жалобы по нарушениям данного Пакта [9].

Согласованная работа перечисленных органов позволяет Генеральному секретарю ООН использовать объективные данные при подготовке ежегодного доклада по анализу осуществления минимальных стандартных правил в государствах членах ООН.

Кроме того, разработаны отдельные региональные соглашения, которые играют важную роль в осуществлении международной защиты прав осужденных.

Следует отметить, что международные средства контроля за соблюдением прав и свобод осужденных не может рассматриваться в качестве кассационных инстанций в отношении внутригосударственных решений. Но процедура рассмотрения жалоб осужденных в связи с нарушениями их прав и свобод может стать эффективным механизмом по проведению в широком смысле экспертизы на предмет соответствия национального законодательства нормам международного права в сфере уголовно-исполнительной политики, то есть в той сфере, которая ранее всегда счи-

талась закрытой и регулировалась исключительно внутренним законодательством, не принимая во внимание международное право и международные стандарты.

В ходе исследования юридических гарантий определенное место следует уделить организационным гарантиям. При всей их самостоятельности они неразрывно связаны с юридическими.

Таким образом, организационные гарантии можно определить как целенаправленную деятельность органов

государственной власти и общественных организаций для создания благоприятных условий, обеспечивающих реализацию прав и свобод личности [10, с. 77]. Непосредственно не влияя на осуществление прав и свобод осужденных, организационные гарантии, тем не менее, могут оказывать значительное моральное влияние на функционирование органов государственной власти и учреждений, деятельность которых связано с вопросами обеспечения законности в исправительных учреждениях.

Литература:

1. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gov.kg/?page_id=263&lang=ru.
2. Дехканова, К. А. Основные направления совершенствования гарантий государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Кыргызской Республике/К. А. Дехканова // Высшая школа Казахстана. — 2012. — № 2. — с. 187.
3. Нурпеисов, Д. К. Проблемы обеспечения законности и правопорядка: теоретико-правовое исследование: Автореф. дисс....канд. юрид. наук. — Бишкек, 2010. — 23 с.
4. Кенжебек кызы М. Правовое регулирование труда осужденных к лишению свободы: теория и практика. Автореф. Дис....канд. юрид. наук. — Бишкек, 2009. — 24 с.
5. Правовой статус личности в СССР/Витрук Н. В. — М.: Юрид. лит., 1985. — 176 с.
6. Правовое государство и роль органов внутренних дел в его формировании. Лекция/Бабай А. Н. — Хабаровск: Изд-во Хабар. ВШ МВД РФ, 1992. — 33 с.
7. Сальников, В. П. Современная система защиты прав человека/В. П. Сальников // Правовед. — 1999. — № 1. — с. 14–15.
8. Волков, С. А. Конституционные средства охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина: Автореф. дисс....канд. юрид. наук. — Волгоград, 1999. — 22 с.
9. Международные акты о правах человека: Сборник документов. — М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. — 784 с.
10. Мамонов, В. В. Гарантии прав и свобод и обязанности граждан СССР. — Алма-Ата, 1981. — 82 с.

Эффективность законодательства стран дальнего зарубежья за употребление наркотиков

Жеенмырзаева Беназир Жеенмырзаевна, старший научный сотрудник
Академия МВД Кыргызской Республики

В настоящей статье рассматриваются особенности уголовного законодательства стран дальнего зарубежья, таких как: Германия, Франция, Нидерланды, Великобритания, США и др. в сфере противодействия потребления наркотических средств. Автором анализируются действующие законодательства указанных стран и выделяются положительные и отрицательные стороны последних.

Ключевые слова: *употребление наркотиков, законодательство зарубежных стран, наркотизм, нелегальный оборот наркотиков, наркотические вещества и психотропные средства.*

Особый интерес в сфере нелегального оборота психотропных веществ либо наркотических средств, а также употребления данных средств представляют законодательства таких стран как ФРГ, Нидерланды (страны с либеральным законодательством), Франция, Великобритания (страны с умеренно жестким законодательством), США (страна с наиболее строгим законодательством). Их особенность состоит в том, что каждый из них

представляет собой разнообразный подход, который принципиально различается.

Во всех перечисленных странах приняты национальные законы, которые содержат ответственность за те или иные противоправные действия с наркотическими средствами или психотропными веществами. Так, в ФРГ согласно нормам комплексного Закона «О нелегальном обороте наркотических средств» (28 июля 1981 года) (с измене-

ниями и дополнениями 1986 года), предусмотрена ответственность за ряд деяний связанных с наркотическими средствами, группированных по степени опасности и распространённости.

Тем лицам, которые не представляют серьезную угрозу для общества, в связи с потреблением психотропных веществ либо наркотических средств или совершением какого-либо деяния связанного с данными веществами, а также при возможности вылечить их от данной наркотической (физической) зависимости, суд смягчает, либо не назначает наказание. Суть их состоит в следующем, суд в большинстве случаев, если виновное лицо, хранит психотропные вещества либо наркотические средства в небольшом размере для собственного потребления, откладывает назначение наказания до двух лет, тем самым дает возможность лицу пройти реабилитационный курс.

В Германии на сегодняшний день, на законодательном уровне отсутствует запрет на употребление психотропных веществ либо наркотических средств без разрешения врача нарколога. Нелегальное хранение психотропных веществ либо наркотических средств потребителем для собственных нужд запрещено в ФРГ и уголовно наказуемо.

Закон Германии о наркотиках 1992 года предписывает лицам, совершившим определенные деяния, которые были связаны с запрещенными средствами, а также если данные лица, зависимы от психотропных веществ или наркотических средств либо находятся на лечении, то им суд, учитывая все обстоятельства предоставляет отсрочку либо освобождает от преследования. Точнее § 35 данного закона, предусматривает лицам, зависимым от психотропных веществ либо наркотических средств, либо осужденным лицам сроком не свыше двух лет за деяния связанные с наркотиками, отсрочку от исполнения наказания, такое происходит с предложения органа исполнения наказания с согласия суда, при условии, что лицо, зависимое от данных средств желает и стремится вылечиться. Контроль за прохождением лечения правонарушителя оформляется документально и подлежит постоянной проверки со стороны органов исполнения наказания. Если лицо нарушает условия прохождения лечения, то суд отменяет отсрочку наказания. Кроме этого, предусмотрено условно-досрочное освобождение лиц, зависимых от запрещенных средств. Данное наказание предоставляется исключительно только в тех случаях, когда лицо полностью излечивается и не располагает склонностью к совершению правонарушений [1, с. 34].

Следующей страной, которая также придерживается «либерального» законодательства является Нидерланды. Закон Нидерландов об обороте психотропных веществ или наркотических средств называется «Opiumwet», что в переводе означает «закон о наркотиках» [2, с. 454], данный нормативно-правовой акт был принят 1 октября 1928 года. Ранее принятый Закон о наркотиках 1919 года, был принят на основе результата Международной конвенции по контролю опиума. Данная конвенция была

организована в 1912 году в Гааге, в которой участвовали и представители Нидерландов. Закон о наркотиках 1928 года считается основным нормативно-правовым актом в сфере нелегального оборота психотропных веществ либо наркотических средств.

Исходя из международных конвенций, в Нидерландах хранение наркотиков наказуемы и запрещены. При всем этом, сбыт и хранение наркотического средства в виде марихуаны через кофе-шопы (специальные места предназначенные для продажи и употребления данных средств) допускается. Однако, к такому правоохранительные органы относятся снисходительно в случаях если лица потребляют только марихуану и не совершают никаких правонарушений. Из этого следует, как пишут в некоторых источниках либо сведениях, публикуемых в электронных источниках, что хранение марихуаны в Нидерландах легализовано не подлежит действительности [3, с. 217].

Хранение для собственного потребления в небольшом количестве, которое предусмотрено статьей 10–1 законом «Opium wet» предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до шести месяцев либо штраф 4-й категории, которое составляет 11250 евро. В случаях, когда лицо задержано с легким видом наркотиков и масса которого, не превышает 0,5 граммов вещества, то дело не возбуждается. В данных случаях полиция конфискует наркотическое средство и направляет задержанного в медицинское учреждение для прохождения консультации. Нелегальное распространение и хранение такого наркотического средства как конопля, предусмотрена статьей 11–5 данного закона. Нелегальное хранение свыше пяти грамм конопли для личного использования служит поводом для задержания лица и предъявления ему обвинения, хотя законом предусмотрен размер свыше тридцати грамм.

В 1976 году закон «Opium wet» был дополнен критерием разграничения тяжелых и легких наркотических средств, в данном дополнении вещества из конопли включали в легкие наркотики. Исходя из Единой конвенции 1961 года, запрещенные психотропные вещества либо наркотические средства подразделены в две группы, которые прилагаются к основному закону. Так, первый список разделен на подгруппы «А», «В», «С», «D», при этом в нем содержатся все наркотические средства контролируемые единой конвенцией, за исключением каннабиса. В свою очередь психотропные вещества перечислены в списках I и II.

Второй список включает подгруппу «А», «В», подгруппа «А» включает все психотропные вещества, которые контролируются конвенцией о психотропных веществах 1971 года, подгруппа «В» включает кроме психотропных веществ и наркотические средства, так каннабис включает (все части данного растения, из которых получают смолу, твердые и жидкие компоненты, растительные смеси конопли как эсрар, джамба, чарс, гашиш) [3, с. 218].

Изъятое наркотическое средство или психотропное вещество имеет непосредственное отношение на послед-

ствия судебного разбирательства в зависимости от степени тяжести и в зависимости от подгруппы (где оно состоит).

В 2001 году был принят закон о лечении наркозависимых. Данное предложение дает судам право отправлять зависимых лиц в медицинские учреждения для лечения сроком на два года.

Лица, совершившие нарушения, связанные с психотропными веществами или наркотическими средствами в зависимости от степени тяжести совершенного подразделяются на три группы. Первое составляют потребители, данную категорию лиц привлекают к ответственности только при совершении ими таких преступлений как торговля, разбой, кража и др. При назначении наказания им применяют принудительные меры медицинского характера. Вторую группу составляют мелкие сбытчики, а третью группу составляют крупные торговцы.

Более жесткой антинаркотической политики за незаконное потребление придерживается Франция. Статья 222–37 Уголовного кодекса Франции устанавливает за незаконное употребление наркотиков наказание в виде десяти лет тюремного заключения и штрафа в размере 50 млн. франков. За руководство группировкой или организацией, имеющей целью незаконное употребление наркотиков, согласно ст. 222–34 этого кодекса, предусмотрено пожизненное уголовное заключение и штраф в размере 50 млн франков [4, с. 190].

Ответственность за нарушения, которые связаны с психотропными веществами или наркотическими средствами состоят в двух нормативно-правовых актах, которые считаются основными во Франции:

— Закон, посвященный борьбе с токсикоманией (от 31 декабря 1970 года);

— Кодекс здравоохранения (от 31 декабря 1987 года).

Указанные законы имеют свою цель в виде недопущения совершения нелегальных действий (передача, распространение, приобретение, производство, хранение) психотропных веществ или наркотических средств. Также предусматривают преследование за разными формами совершения данных действий, поскольку с увеличением их методы ухищряются.

Немаловажным моментом является рассмотрение п. 2 ст. 14 Закона 1987 года, которое устанавливает ответственность (уголовную) за продажу и издание пропагандистской литературы, содержание которой призывает к нелегальному хранению, потреблению и торговле наркотических средств в нарушении закона. Особый интерес представляет также норма, которая определяет ответственность за нелегальные продажу, предложение несовершеннолетнему психотропных веществ либо наркотических средств, при этом действие отягчается, если это будет совершено в образовательных заведениях и государственных административных органах. Наказание за данные деяния предусмотрены в виде лишения свободы сроком от двух до десяти лет (п. 2 ст. Л 627–2 Кодекса здравоохранения). А нелегальное производство психотропных веществ или наркотических средств нака-

зывается лишением свободы сроком от десяти до двадцати лет либо штрафом от пяти до пятидесяти тысяч франков (ст. 627 Кодекса здравоохранения).

Закон 1970 года остается без значительных изменений, а по тому современная карательная антинаркотическая французская политика нелегальное потребление определенных психотропных веществ либо наркотических средств считает уголовно наказуемым.

Большой опыт в борьбе с распространением наркотических средств имеет Великобритания. В частности, в 1964 году был принят Закон «О предупреждении злоупотребления наркотическими средствами». В 1983 году в Англии антинаркотическая политика была направлена в большей части в отношении несовершеннолетних и женщин. Согласно новому положению лица, не достигшие 21 года (совершеннолетия) совершившие противоправные деяния с наркотическими средствами принудительно направлялись в центры перевоспитания. В целях эффективной борьбы с незаконным оборотом наркотических средств полиция Великобритании создала «Ассоциацию офицеров полиции», которая состояла из рабочей группы по планированию борьбы с незаконным оборотом наркотических средств. Основными направлениями были профилактика и лечение наркотических средств.

Следующей страной, которая придерживается более строгих мер по контролю за наркотиками являются Соединенные Штаты Америки. Надо сказать, что основным законом Соединенных Штатов Америки по регулированию нелегального оборота психотропных веществ либо наркотических средств является акт «О борьбе со злоупотреблением наркотиками», который был принят в 1970 году. Данный закон служит в политике правительства страны основой по противодействию как психотропных веществ, наркотических средств, также и сильнодействующих веществ. Данный акт представляет собой совокупность разнообразных норм, затрагивающих распространение и производство психотропных веществ либо наркотических средств.

Принятые, в 1984, 1986 и 1988 годах, законы, рассматривают, в большей степени, условия и задачи борьбы с наркотизмом, наркоманией и нелегальным распространением психотропных веществ либо наркотических средств в Соединенных Штатах Америки. Данные нормативно-правовые акты ужесточают ответственность за наркотизм, что скорее связано с нелегальной распространением психотропных веществ либо наркотических средств. Однако, несмотря на это, законодатель пытается применять к лицам зависимым от запрещенных средств меры альтернативного характера. Этим самым, законодатель разграничивает правонарушения в сфере нелегального оборота психотропных веществ либо наркотических средств в зависимости от тяжести содеянного. Исходя из всего вышеизложенного, опасными и наиболее распространенными правонарушениями в данной сфере считаются сбыт, хранение и производство [5, с. 56, 59].

Наряду с общепризнанными нормами в некоторых штатах США изданы свои законы в сфере антинаркотизма, кроме этого действуют различные программы по противодействию распространению наркотических средств, в частности, в округе Колумбия предоставляют помощь наркоманам правонарушителям, а также их жертвам, в штате Мэриленд большой акцент делают на борьбу с несовершеннолетними потребителями алкоголя и наркотиков.

В США Свод законов 1948 года не предписывает статьи о правонарушениях, которые связаны с наркотическими средствами. Ответственность за нелегальные действия с данными средствами включены в отдельные уголовные законы некоторых штатов, так например, в УК шт. Огайо оно предусмотрено в главе 2915, в УК шт. Нью Йорка ст. 221–222, в УК штата Джорджия главе 13 [6, с. 9]. Антинаркотическая политика США направлена в большей степени на борьбу со сбытом наркотических средств, поскольку лечение лиц, зависимых от наркотических средств обходится намного дешевле, чем их содержание в местах лишения свободы. В связи с этим лицам, совершившим противоправные действия с наркотическими средствами без цели сбыта применяют воспитательные меры. А если лицо, зависит от наркотических средств и признано больным наркоманией то применяют ряд таких комплексных мер как медицинские и психологические.

Итак, рассмотрев «либеральное», «умеренно жесткое» и «строгое» законодательство зарубежных государств об ответственности за нелегальный оборот без цели сбыта

наркотических средств необходимо отметить положительные и отрицательные моменты каждого из них.

Страны с «либеральным» законодательством проводят политику в виде легализации так называемых мягких наркотиков и декриминализуют потребление данных средств. Отсутствие правовой нормы за нелегальные действия без цели сбыта с наркотическими средствами означает разрешение немедицинского потребления наркотических средств. В Нидерландах открыты так называемые «кофе-шопы» где можно употреблять наркотики, но необходимо отметить, что разрешается употреблять только слабые наркотики. Легализация слабых наркотиков за последние пять лет, как отмечают специалисты в этой области, не дала хороших результатов, а иначе усугубило положение страны. Так, например, увеличилось количество подростков употребляющих марихуану в «кофе-шопках» на 200%, в связи, с чем властям страны пришлось закрыть половину «кофе-шопов» и сократить количество разрешенных наркотиков с 30 гр. до 5 гр.

Страны с «умеренно жестким» и «строгим» законодательством регулируют незаконный оборот наркотических средств нормами национального закона «О наркотических средствах». Однако, как описывалось выше, во многих этих странах к лицам, совершившим нелегальные действия без цели сбыта с наркотическими средствами либо же зависящим от наркотических средств применяют во многих случаях ряд комплексных мер как медицинские, психологические, образовательные и культурные.

Литература:

1. Киреева, И.Л. Правовые основы борьбы с незаконным оборотом наркотиков (сравнительно-правовое исследование): Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 1997. — 227 с.
2. Verzameling Nederlandse Wethaving. 2002/2003. Koninklijke Vermande. — 2002. — P. 454–465.
3. Уголовный кодекс Голландии/Науч. ред. проф. Б. В. Волженкин, пер. с англ. И. В. Мироновой. 2-е изд. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. — 510 с.
4. Уголовный кодекс Франции/Научн. ред. Л. В. Головки, Н. Е. Крыловой; пер. Е. Н. Крыловой. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. — 650 с.
5. Харьковский, Е.Л. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ: Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — 211 с.
6. Дьяченко, А., Четвертакова Е. Ответственность за незаконный оборот наркотиков по УК зарубежных стран/А. Дьяченко, Е. Четвертакова // Уголовное право. — 2001. — № 1. — с. 8–16.

К вопросу о защите прав и интересов российских детей при передаче их в семьи иностранных усыновителей

Иващенко Майя Александровна, студент

Научный руководитель: Иванова Елена Александровна, старший преподаватель
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

При передаче российских детей в семьи иностранных усыновителей в целях соблюдения их прав и законных интересов необходимо учитывать принцип субсидиарности, а также пересматривать программы подготовки самих иностранных усыновителей.

Ключевые слова: усыновление, международное усыновление, программы подготовки.

Согласно семейному законодательству Российской Федерации, усыновление является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей [4]. Приоритетом является и то, что дети, являющиеся гражданами нашего государства, могут быть усыновлены иностранными гражданами только в случае, если не представляется возможным передать детей в семьи граждан Российской Федерации. Данная норма предусмотрена и в Гаагской конвенции 1993 года «О защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления» [1], в которой сказано, что иностранное усыновление может предоставить ребенку преимущества, связанные с наличием постоянной семьи, если подходящая семья не может быть найдена для него в стране происхождения.

Дети нуждаются в защите их законных прав и интересов, а также на создание благоприятных условий для их жизни, здоровья и гармоничного развития, поэтому, когда ребенок попадает в семью иностранных усыновителей, в чужую страну, ему необходимо привыкнуть к новой обстановке, к людям, его окружающим, языку, культуре и укладу жизни. В любом случае, семья, которая приняла данного ребенка, должна всячески способствовать тому, чтобы ребенку было комфортно находиться в новой среде для его дальнейшей адаптации.

Чтобы в большей мере оградить от стресса ребенка при его передаче в семью иностранных усыновителей, необходимо соблюдать его интересы, и прежде всего, учитывать национальные, культурные, религиозные, этнические и лингвистические особенности. П. Влаардингербойк называет это принципом субсидиарности [8, с. 34]. Это означает, что ребенок должен воспитываться в окружении своих родственников и только, если это не представляется возможным, то необходимо искать иные решения, которые бы максимально отвечали интересам ребенка. В любом случае, ребенку будет лучше жить и воспитываться в семье, нежели в специализированных учреждениях.

Согласно Конституции Российской Федерации [3], дети находятся под защитой государства, из чего следует, что государство обязано принимать активное участие в их защите и созданию благоприятных для их развития

условий. Это положение касается, в том числе и детей, оставшихся без попечения родителей. При этом особая защита должна устанавливаться в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, которые передаются на воспитание в семьи иностранных усыновителей. Ведь, на сегодняшний день, существует острая проблема жестокого обращения с усыновленными детьми усыновителями — иностранными гражданами, отдельные случаи которых освещаются в средствах массовой информации. Так, например, в 2013 году, в штате Техас приёмной матерью был убит трёхлетний российский ребёнок, который скончался от многочисленных повреждений. Приёмная мать кормила ребёнка сильнодействующими психотропными препаратами, а после — избивала его.

Также из средств массовой информации стало известно о случае, который произошёл в Италии в 2014 году, когда приёмный родитель задушил усыновлённого российского пятилетнего ребёнка подушкой. При этом отмечалось, что усыновитель не предстанет перед судом. Вместо этого он будет отправлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу.

Случаев жестокого обращения с приёмными детьми достаточно много. Вероятно, именно по этой причине в РФ в 2012 году был принят Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [5], который в народе принял название «Закон Димы Яковлева», названный так в честь погибшего двухлетнего российского ребёнка Димы Яковлева. Приёмный отец оставил его в закрытой машине под открытым солнцем, однако суд, в последствии оправдал усыновителя. В настоящий момент, выше-названный закон уже запрещает передавать гражданам Соединённых штатов на усыновление в семью детей — граждан Российской Федерации. Таким образом, действовавшее ранее соглашение между нашей страной и США, подписанное в 2011 году о сотрудничестве в области усыновления, было прекращено [7].

Исходя из всего вышесказанного, в целях обеспечения конституционных гарантий детей, оставшихся без попечения родителей на жизнь, здоровье и их надлежащее воспитание, многими учёными вообще ставится под сомнение

необходимость существования такого явления как международное усыновление [См.: 9]. И хотя, представляется, что в полном запрете на международное усыновление необходимости нет, стоит отметить, что сам процесс усыновления российских граждан иностранными лицами, в своей сущности, мало чем отличается от процесса внутринационального усыновления. При данном положении дел в РФ, в процессе осуществления международного усыновления всегда будет существовать риск не соблюдения приведённого нами принципа субсидиарности, а значит, права и законные интересы детей будут ставиться под угрозу.

По мнению автора, проблему защиты прав и интересов российских детей, при передаче их в семьи иностранных усыновителей нужно решать, в первую очередь, начиная с изменения программ подготовки самих иностранных усыновителей, которым передаются на воспитание российские дети.

На сегодняшний день, существуют следующие правила: сначала, с потенциальными усыновителями проводится беседа с целью выявления мотивов и целей усыновления. С будущими усыновителями проводит работу психолог, который выявляет наличие у них воспитательных и родительских навыков [6]. В конце, после предоставления установленных законом документов, орган опеки и попечительства даёт заключение о возможности иностранных граждан быть усыновителями.

В семейном законодательстве оговаривается, что иностранные граждане, желающие усыновить ребёнка — российского гражданина, должны пройти подготовку к усыновлению в своей стране, либо пройти указанную подготовку в стране, гражданином которой является усыновляемый ребёнок. В случае если иностранные граждане, которые желают принять на воспитание в свою семью ребёнка, оставшегося без попечения родителей, не прошли соответствующую подготовку на территории иностранного государства, в котором они постоянно проживают, указанная подготовка проводится на территории Российской Федерации.

В связи с вышеизложенным, автор предлагает следующее: иностранные граждане должны проходить подготовку к усыновлению только на территории Российской Федерации. Это необходимо для того, чтобы максимально учитывать интересы ребенка и создавать для него благо-

приятные условия, а также оградить ребёнка от психотравмирующей ситуации, связанной с резкой сменой страны и передачей ребёнка в иностранную семью, с другой культурой и традициями.

Также при достаточном финансировании, возможна также и организация временного проживания иностранных усыновителей в РФ не менее 6 месяцев, с целью знакомства и обучения с языком, культурой и особенностями РФ, и с целью более близкого знакомства с самим ребёнком.

Будущим усыновителям и ребёнку в этот период (за счёт средств усыновителей) можно устраивать совместный досуг, чтобы лучше узнать характеры друг друга. С усыновителями в этот период должны работать психологи.

В этот период функции контроля должны будут возлагаться на органы опеки и попечительства. Тем самым, ребёнок будет иметь возможность жить и воспитываться в семье, уже начав привыкать к «новым» родителям (в то же время, оставаясь под контролем со стороны государства), благодаря чему, впоследствии, ему будет легче адаптироваться в другой стране.

Одним из необходимых документов, предоставляемых кандидатами в усыновители, является медицинское заключение о состоянии здоровья будущего усыновителя. По мнению автора, проходить его нужно также именно в стране, гражданином которой является усыновляемый ребёнок. После истечения указанного срока проживания в Российской Федерации, если потенциальные усыновители будут соответствовать всем необходимым требованиям, органы опеки и попечительства уже будут составлять заключение о возможности иностранных граждан, изъявивших желание усыновить ребёнка, быть усыновителями.

Таким образом, данное предложение позволит, избежать конфликта между ребёнком и усыновителями; минимизировать стрессовую ситуацию для самого ребёнка, в связи со сменой обстановки и новыми людьми, его окружающими; подготовить усыновителей к появлению усыновлённого ребенка; обеспечить безопасность ребенка от рисков жестокого обращения и причинения вреда его здоровью, благодаря чему, согласно принципу 9 Декларации прав ребёнка [2], он будет защищён от всех форм небрежного отношения и жестокости.

Литература:

1. Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления. Заключена в г. Гааге 29.05.1993 года. Россия подписала данный документ (Распоряжение Президента РФ от 26.06.2000 № 241-рп) // Международное частное право. Сборник документов. — М.: БЕК, 1997. с. 712–720.
2. Декларация прав ребёнка (принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года) // Сборник документов. — М.: Юридическая литература, 1990. с. 385–388.
3. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 года // Российская газета № 237, 25.12.1993 год (с учётом поправок от 21.07.2014 года № 11-ФКЗ // Российская газета, № 163, 23.07.2014 год).
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ, 1996, № 1, ст. 16 (с изм. на 13.07.2015 год № 240-ФЗ // СЗ РФ, 2015, № 29 (часть I), ст. 4366).

5. Федеральный закон от 28.12.2012 года № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // СЗ РФ, 2012, № 53 (ч. 1), ст. 7597 (с изм. на 23.05.2015 год № 129-ФЗ // СЗ РФ, 2015, № 21, ст. 2981).
6. Приказ Минобрнауки России от 20.08.2012 года № 623 «Об утверждении требований к содержанию программы подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, и формы свидетельства о прохождении такой подготовки на территории Российской Федерации» // Российская газета, № 200, 31.08.2012 год.
7. Соглашение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей (Вашингтон, 13.07.2011 год). Российская Федерация ратифицировала настоящее Соглашение Федеральным законом от 28.07.2012 года № 150-ФЗ. Соглашение вступило в силу 01.11.2012 года // СЗ РФ, 2012, № 47, ст. 6416 (не действует с 01.01.2013 года).
8. Влаардингербройк, П. Международное усыновление (удочерение) и принцип субсидиарности. Перевод Дюжевой О.А. // Семейное и жилищное право. — 2006. — № 4. — с. 34–37.
9. Шершень, Т.В. К вопросу о запрете международного усыновления и реализации принципа приоритета семейного воспитания детей в современной России // Российский судья. — 2010. — 12 // Сайт Юридического портала Center Bereg. URL: <http://www.center-bereg.ru/d633.html> (дата обращения: 07.11.2015 год).

К вопросу о понятии отдельных категорий животных в российском и международном законодательстве

Иващенко Майя Александровна, студент

Научный руководитель: Иванова Елена Александровна, старший преподаватель
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

В данной статье анализируются определения понятия «животные», а также понятий отдельных категорий животных на примере некоторых правовых актов российского федерального, а также регионального (Республика Башкортостан) и международного законодательства.

Ключевые слова: *животные, домашние животные, безнадзорные животные, дикие животные, животный мир, экспериментальные (лабораторные) животные.*

Животные играют важную роль в жизни человека, в том числе в удовлетворении его потребностей. Так, люди используют животных в качестве источников получения продуктов питания, а также материалов для изготовления одежды и жилища; животные используются для охраны территории, в качестве тягловой силы и средства передвижения; а также в социально-полезной деятельности (поисково-спасательные собаки, служебно-розыскные собаки, собаки-поводыри) и пр.

Такое тесное взаимодействие животных с человеком приводит к тому, что деятельность, связанная с их обращением, в целях соблюдения прав, как людей, так и самих животных, зачастую поддается правовому регулированию. Однако, несмотря на это многие вопросы, связанные с охраной и использованием отдельных категорий животных в тех или иных областях жизнедеятельности человека до сих пор остаются открытыми и требуют серьезных доработок.

Так, в частности на федеральном уровне до сих пор не выработаны легальные определения, как общего понятия «животные», так и понятий их отдельных категорий (за исключением понятия «животный мир»).

Согласно ст. 5 «Модельного закона об обращении с животными» [4] с учетом основного целевого назначения использования животных в хозяйственной и иной деятельности независимо от принадлежности к определенному виду (породе) животные подразделяются на следующие категории:

1. Домашние животные.
2. Животные-компаньоны.
3. Животные, используемые в культурно-зрелищных мероприятиях.
4. Служебные животные.
5. Лабораторные животные.
6. Дикие животные.

Помимо установления основных категорий животных, данный Модельный закон в ст. 1 даёт и сами определения вышеназванным животным, а также общее определение понятию «животные», которое содержит в себе все вышперечисленные категории: домашние животные, животные-компаньоны, животные, используемые в культурно-зрелищных мероприятиях, служебные животные, лабораторные животные, дикие животные.

Необходимо также сказать и о существовании такой категории животных как безнадзорные животные, которых, однако, данный Модельный закон в отдельную категорию не выделяет, по всей видимости, по тому, что под ними он понимает животных, относящихся к любой из вышеназванных категорий, за исключением диких животных, которые остались без попечения людей (потерялись, сбежали или оказались брошенными человеком (абз. 1 ст. 1 Модельного закона)).

Однако в связи с тем, что данный Модельный закон носит лишь рекомендательный характер, представляется интересным рассмотреть определения общего понятия «животные», а также понятий отдельных категорий животных в соответствии с законодательными актами, имеющими нормативную, юридическую силу.

Как уже было сказано, российское законодательство на федеральном уровне общего определения понятию «животные» не даёт.

В части первой Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 года № 51-ФЗ [1] содержится ст. 137, которая называется «Животные». Но данная статья лишь указывает на то, что к животным применяются общие правила об имуществе постольку, поскольку законом или иными правовыми актами не установлено иное. При этом важно отметить, что, несмотря на обширное название вышеназванной статьи: «Животные», указание о применении к ним общих правил об имуществе, касается не животных вообще, а именно тех, что выступают в качестве объектов гражданского оборота.

На наш взгляд отсутствие на федеральном уровне общего понятия «животные» вызвано, прежде всего, его распространённостью, и получения общих сведений о нём в процессе обучения в общеобразовательных учреждениях, что позволяет людям, при упоминании о животных как об объектах конкретных правоотношений, идентифицировать их и отличать от других живых существ (например, от человека или растения). Таким образом, как отмечает Е.А. Иванова «...законодательное определение общему понятию «животные» и не является столь уж необходимым, поскольку знаний, выработанных естественными науками достаточно, чтобы мы понимали о ком идёт речь в подобных правоотношениях (имеются в виду правоотношения с участием отдельных видов животных — *прим. автора*) [9, с. 650].

В отличие от биологических наук для юриспруденции значительно важнее установить не общее понимание животных (в этом она, как уже было сказано, как раз и опирается на биологические науки), а понятие отдельных видов (категорий) животных, для установления более точного правового режима их охраны и использования.

Таким образом, отсутствие общего легального определения понятия «животные» на федеральном уровне не вызывает большой обеспокоенности. Хотя с другой стороны, представляется, что его законодательное определение для целей более точного правового регулирования, стоит выработать, тем более, что некоторые меж-

дународные и региональные нормативно-правовые акты всё-таки его содержат.

Так, согласно п. п. «а», п. 2 ст. 1 Европейской конвенции «О защите позвоночных животных, используемых для экспериментов или в иных научных целях» (к подписанию которой, однако РФ не присоединилась) [5] термин «животное» без иного определения означает любое позвоночное живое существо, не имеющее человеческого происхождения, включая личиночные автономные и/или способные к воспроизводству формы, но за исключением других зародышевых или эмбриональных форм.

Обращаясь к региональному законодательству, необходимо отметить, что на территории Республики Башкортостан действует Закон РБ «О домашних животных» от 22.04.1997 года № 88-з [3], в котором закреплено общее понятие «животные». Согласно абз. 1 ст. 1 данного закона под ними понимаются все представители зоологического подтипа позвоночных животных, а также беспозвоночные, обладающие развитой нервной системой, способные испытывать чувство боли.

Таким образом, на основании вышеназванных легальных определений понятия «животные» мы можем сказать, что под ними понимаются любые живые существа, не имеющие человеческого происхождения, обладающие нервной системой и способные испытывать боль.

Что же касается определения понятий отдельных категорий животных, то на наш взгляд, следует выделить следующие основные категории — это домашние, безнадзорные, экспериментальные (лабораторные), а также дикие животные.

Определение понятия «домашние животные» на федеральном уровне не выработано. При этом стоит отметить, что среди учёных-юристов выделяются те, которые считают, что о домашних животных речь идёт в ст. 137 ГК РФ. Так, по мнению М.И. Брагинского данная статья «имеет ввиду домашних или по крайней мере одомашненных животных, поэтому её нормы не распространяются на животных, находящихся в состоянии естественной свободы» [Цит. по: 8]. Хотя здесь стоит согласиться с мнением Е.Е. Евсеева, который приходит к выводу о том, что под животными в ст. 137 ГК РФ понимаются любые животные (домашние, дикие и иные), принадлежащие лицу на каком-либо определённом праве, поскольку для того, чтобы быть задействованным в гражданском обороте, животное должно быть обязательно обособленно [8].

Таким образом, анализ ст. 137 ГК РФ, позволяет сказать о том, что для гражданского законодательства не столь важна категория используемого животного (к ней, как уже было сказано, может относиться любое животное), сколько важен сам механизм его использования — обязательное обособление и нахождение на каком-либо вещном праве у лица (участника гражданского правоотношения). При этом, как отмечает М.И. Брагинский, определение животных в статье 137 ГК РФ как отдельного объекта гражданских прав продиктовано, с одной

стороны, стремлением «ввести в гражданский оборот животных, учитывая, что они все чаще становятся предметом гражданско-правовых сделок (купли-продажи, мены, дарения, завещания и т. п.)», а с другой — попыткой «обеспечить гуманное отношение к животным со стороны их собственников или имеющих на них другое вещное право лиц» [Цит. по: 8].

В отличие от федерального законодательства, региональное законодательство, и в частности, уже упомянутый ранее Закон РБ «О домашних животных» в абз. 2 ст. 1 определяет, что к домашним животным относятся все зоологические виды, кроме животных сельскохозяйственного назначения, полностью или частично содержащиеся человеком. Сразу необходимо отметить, что в данном определении выявляется прямое несоответствие с определением домашних животных, данным в Модельном законе об обращении с животными. Последний, в свою очередь относит к домашним именно сельскохозяйственных животных, тогда как для всех остальных животных, содержащихся человеком, употребляет другой термин — «животное-компаньон».

Ещё одно определение, которое отсутствует в российском законодательстве на федеральном уровне — это «безнадзорные животные».

Напрямую в федеральном законодательстве безнадзорные животные упоминаются только в части первой ГК РФ в ст. ст. 230—232 (при этом одна из данных статей так и называется «Безнадзорные животные»). Но, как уже было сказано, кодекс определения этому понятию в перечисленных статьях не даёт, а лишь устанавливает на возможность возникновения права муниципальной собственности на безнадзорных животных в случае обнаружения предыдущего собственника либо отказа временного владельца принять животное в собственность. Соответственно для понимания данной категории животных следует обратиться к международному и региональному законодательству.

В Европейской Конвенции по защите домашних животных 1987 года (в ней РФ также не участвует) в п. 5 ст. 1 под бездомными животными подразумеваются домашние животные, которые не имеют дома или находятся вне границ своего дома и без непосредственного надзора своего владельца [6]. Из чего следует, что основным критерием, определяющим, относится ли то или иное животное к категории безнадзорных, служит тот факт, что животное с одной стороны должно относиться к категории домашних, и при этом, с другой стороны — должно находиться вне надзора или попечения над ним со стороны его собственника. Этой же позиции придерживается и Закон РБ «О домашних животных», согласно которому к безнадзорным животным относятся домашние животные, оставленные без попечения, в том числе бродачие, одичавшие (абз. 3 ст. 1).

Легального определения понятия «экспериментальные (лабораторные) животные» в российском федеральном законодательстве также нет. При этом статья 3 Феде-

рального закона «О животном мире» 24.04.1995 года № 52-ФЗ [2] содержит указание на возможность использования таких животных: отношения в области охраны и использования объектов животного мира, содержащихся в полувольных условиях или искусственно созданной среде обитания в научных целях, регулируются данным федеральным законом, другими федеральными законами и иными правовыми актами, а также законами и нормативными правовыми актами субъектов РФ.

В Законе Республике Башкортостан «О домашних животных» даётся следующее определение понятию «лабораторные животные». Согласно абз. 7 ст. 1 это животные, предназначенные для проведения экспериментов или демонстраций.

Более подробное определение данной категории животных даётся в Европейской конвенции «О защите позвоночных животных, используемых для экспериментов или в иных научных целях», согласно которой лабораторное животное — это животное, использованное или предназначенное для использования в любом эксперименте или иной научной процедуре, способной привести к долговременным повреждениям, боли, страданиям или тревоге.

А.П. Анисимов, А.А. Мохов, Д.Э. Копылов, считают, что, экспериментальных животных можно отнести к специфическим объектам правоотношений, поскольку они не могут быть непосредственно отнесены ни к диким, ни к домашним животным. Дело в том, что среди лабораторных могут оказаться животные как традиционно относящиеся к диким (например, перепел, мышь), так и обычно относящиеся к домашним (домашняя собака, кошка) [7, с. 97].

Относительно понятия категории «дикие животные» можно сказать, что на уровне российского федерального законодательства оно присутствует, но только немного в видоизменённой форме — в форме понятия «животный мир». Согласно абз. 2 ст. 1 ФЗ «О животном мире» животный мир представляет собой совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию РФ и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны.

В этом смысле получается, что данное определение фактически совпадает с определением понятия «дикие животные», данным в Модельном законе об обращении с животными, из чего можно сделать заключение о том, что под термином «животный мир» как раз и понимаются именно дикие животные, которые находятся в состоянии естественной свободы и выступают в качестве компонента природной среды, и на которых распространяется экологическое и природоресурсное законодательство (в отличие от диких животных, изъятых из естественной среды обитания, на которых распространяется, как уже было сказано гражданское законодательство, и для которых, в частности, в Законе РБ «О домашних животных» суще-

ствуется отдельный термин — «дикие животные в неволе» (абз. 5 ст. 1)).

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод по теме: легальные определения понятий отдельных категорий животных на федеральном уровне, за исключением понятия «животный мир», на сегодняшний день не сформулированы. В результате этого, для понимания данных категорий, мы вынуждены обращаться к меж-

дународным и региональным источникам, в которых названные определения не всегда совпадают. Таким образом, отсутствие вышеперечисленных определений является, на наш взгляд, пробелом в российском федеральном законодательстве и, в целях более правильного регулирования отношений, связанных с использованием и охраной животных в различных сферах деятельности человека — требует устранения.

Литература:

1. СЗ РФ, 1994, № 32, ст. 3301 (с изм. на 13.07.2015 год № 258-ФЗ // СЗ РФ, 2015, № 29 (часть I), ст. 4384).
2. СЗ РФ, 1995, № 17, ст. 1462 (с изм. на 13.07.2015 год № 244-ФЗ // СЗ РФ, 2015, № 29 (часть I), ст. 4370).
3. Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан, 1997, № 12 (66), ст. 777 (с изм. на 04.12.2012 год № 606-з // Республика Башкортостан, N 235 (27720), 08.12.2012).
4. Принят в г. Санкт-Петербурге 31.10.2007 года Постановлением 29–17 на 29-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 41. с. 443–485.
5. Европейская конвенция о защите позвоночных животных, используемых для экспериментов или в иных научных целях (ETS № 123). Заключена в г. Страсбурге 18.03.1986 года. Конвенция вступила в силу 01.01.1991 года. Россия не участвует // Сайт Совета Европы. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/123.htm> (дата обращения: 22.09.2015 год).
6. Европейская конвенция по защите прав домашних животных. (ETS № 125). Заключена в г. Страсбурге 13.11.1987 года. Конвенция вступила в силу 01.05.1992 года. Россия не участвует. Сайт центра правовой зоозащиты. URL: <http://www.animalsprotectiontribune.ru/nnnn157.html> (дата обращения: 22.09.2015 год).
7. Анисимов, А. П., Мохов А. А., Копылов Д. Э. Правовой режим животных как объекта гражданских и иных правоотношений // Современное право. — М.: Новый Индекс, 2007, № 4. — с. 93–98.
8. Евсеев, Е. Ф. О соотношении понятий «животное» и «вещь» в гражданском праве // Законодательство и экономика, 2009, № 2 // Сайт Юридического портала Center-Bereg. URL: <http://www.center-bereg.ru/b9366.html> (дата обращения: 19.09.2015 год).
9. Иванова, Е. А. К вопросу о понятии животных по Российскому законодательству [Текст]/Е. А. Иванова // Молодой ученый. — 2014. — № 3. — с. 648–651.

Производство и система следственных действий в уголовном процессе

Ишмухаметов Яксагалей Мухаметгалеевич, кандидат юридических наук, доцент;

Япрынец Павел Олегович, студент

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

В ч. 1 ст. 86 УПК установлено, что путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных законом, дознаватель, следователь, прокурор и суд осуществляют собирание доказательств по уголовному делу.

По своему предназначению и содержанию следственные действия — это производимые в строгом соответствии с законом поисковые, познавательные и удостоверительные действия дознавателя, следователя, прокурора и суда, направленные на обнаружение, проверку и закрепление доказательств по уголовному делу. Из этого вытекает, что в уголовном процессе основным способом собирания, проверки и фиксации доказательств в стадии предварительного расследования является про-

изводство предусмотренных законом следственных действий.

В УПК нет самостоятельной (отдельно) нормы, в которой указывалось бы на то, какие процессуальные действия относятся к числу следственных. Однако в гл. 24–27 УПК дано не только наименование следственных действий, но и осуществлена нормативная регламентация оснований и порядка их производства. Очевидно, что все процессуальные действия, перечисленные в указанных главах, относятся к числу следственных, поскольку они являются основными средствами доказательств по уголовным делам.

По сравнению с иными способами собирания, проверки и фиксации доказательств следственные действия имеют такие отличительные признаки:

— правила и процедуры их производства детально определены применительно к каждому следственному действию;

— их проведение может быть обеспечено государственным принуждением (например, приводом подозреваемого, обвиняемого, свидетеля в случаях, указанных в законе);

— в ходе их производства могут быть ограничены конституционные и иные права участника процесса, но только в пределах, установленных федеральным законом.

Следственные действия, предусмотренные в гл. 24–27 УПК, в совокупности образуют целостную систему. К их числу УПК относит: осмотр (ст. 176), осмотр трупа, эксгумацию (ст. 178), освидетельствование (ст. 179), следственный эксперимент (ст. 181), обыск (ст. 182), личный обыск (ст. 184), выемку (ст. 183), наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку (ст. 185), контроль и запись переговоров (ст. 186), допрос (ст. 187–191), очную ставку (ст. 192), предъявление для опознания (ст. 193), проверку показаний на месте (ст. 194), производство судебной экспертизы (ст. 195–207), получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202).

В современную систему следственных действий законодатель дополнительно (по сравнению с УПК РСФСР) включил три самостоятельных следственных действия: личный обыск, выемку и осмотр почтово-телеграфных отправлений; проверку показаний на месте. Такая регламентация не только повысила процессуально-правовой статус указанных следственных действий, но и подтвердила, что они относятся к числу основных способов собирания и проверки доказательств. Поэтому УПК РФ не случайно включил в перечень следственных действий проверку показаний на месте, которая хотя и не была признана законом, но фактически применялась в судебном производстве как способ собирания и проверки доказательств.

В то же время законодатель отказался от двойственной трактовки (как следственного действия и меры принуждения) таких действий, как задержание и наложение ареста на имущество, отнеся их к мерам процессуального принуждения (разд. IV УПК).

Отдельные авторы исключают из системы самостоятельных следственных действий эксгумацию трупа и получение образцов для сравнительного исследования, считая, что с их помощью дознаватель и следователь не обнаружат новых доказательств, поэтому они не могут считаться следственными. Такой вывод не учитывает сложившуюся практику. Так, при эксгумации трупа может быть извлечена, например, пуля или другой новый для следствия объект, обладающий свойствами доказательства, взяты фрагменты кожной ткани человека, а в образцах для сравнительного исследования могут храниться искомые признаки конкретного человека либо биологическая субстанция, могущая стать вещественными доказательствами, например заражение ВИЧ-инфекцией. Очевидно,

что и эксгумация, и получение образцов для сравнительного исследования обладают всеми признаками поисково-познавательного способа обнаружения и собирания доказательств, поэтому они обоснованно включены в круг следственных действий.

В соответствии с назначением уголовного судопроизводства все следственные действия по уголовным делам должны осуществляться с учетом общих принципов уголовного процесса, имеющих фундаментальное значение. При производстве следственных действий дознаватель и следователь обязаны обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина, ставшего участником уголовного судопроизводства. В ходе собирания доказательств по уголовному делу запрещается совершать действия, унижающие честь и достоинство личности. С учетом конституционных предписаний в УПК предусмотрено, что при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз или иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц. В законе содержится также императивное требование о том, что производство следственных действий в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства, не допускается. В силу общих конституционных положений в ходе выполнения следственных действий не должны разглашаться сведения об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства. Дознаватели, следователи, прокуроры и суды обязаны принимать меры, обеспечивающие охрану имущества граждан, государственной тайны, а также личной безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких родственников в порядке, установленном в законе.

Следственные действия производятся с соблюдением конституционного принципа языка уголовного судопроизводства.

Общим основанием для производства следственных действий служит наличие фактических данных, указывающих на необходимость их выполнения в целях установления и проверки обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Фактические основания для производства некоторых конкретных следственных действий установлены (определены) непосредственно в уголовно-процессуальном законе. Например, очная ставка производится в случае, если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия (ч. 1 ст. 191 УПК); выемка производится при необходимости изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для дела, и если точно известно, где и у кого они находятся (ч. 1 ст. 183 УПК); судебная экспертиза обязательно производится в случаях, когда необходимо установить: причины смерти; характер и степень вреда, причиненного здоровью; психическое или физическое состояние подозреваемого (обвиняемого), когда возникает сомнение в его виновности или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве; психическое и физическое состояние по-

терпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания; возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение (ст. 196 УПК).

Для решения вопроса о проведении следственного действия важное значение имеет усмотрение дознавателя и следователя в том, что именно с помощью того или иного следственного действия могут быть обнаружены искомые доказательства по уголовному делу.

Для производства ряда следственных действий, ограничивающих или затрагивающих конституционные права и свободы граждан (обыск, выемка, эксгумация, экспертиза, освидетельствование и др.), требуется наличие юридического основания — постановления следователя и судебного решения.

В действующем УПК закреплено нормативное положение о том, что осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыск и выемка в жилище, личный обыск, выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях, наложение ареста на корреспонденцию и выемка ее в учреждениях связи, наложения ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящихся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, контроль и запись телефонных и иных переговоров, выемка предметов и документов, содержащих государственную тайну, а также выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи производятся на основании судебного решения в порядке, установленном законом.

Общие процессуальные правила и порядок производства следственных действий закреплены в законе (ст. 164 УПК). В соответствии с его предписаниями следственные действия могут осуществляться только после возбуждения уголовного дела и в рамках производства по возбужденному уголовному делу. В случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела может быть произведено лишь одно следственное действие — осмотр места происшествия (ч. 1 ст. 176 УПК). Закон не допускает выполнения следственных действий после приостановления предварительного следствия.

На основании закона право производить следственные действия по уголовному делу имеет только то должностное

лицо, в производстве которого оно находится. В случаях и в порядке, установленных в законе, следственные действия по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя, могут производиться по его поручению соответственно другие следователи или органы дознания. Производство следственных действий не уполномоченным на то должностным лицом влечет признание полученных доказательств недопустимыми.

Согласно закону, в исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, а также выемки, заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, личного обыска не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя без получения судебного решения. В этом случае следователь в течение 24 часов с момента начала следственного действия уведомляет судью и прокурора о его производстве. К уведомлению прилагаются копии постановления и протокола следственного действия. Полив уведомление, судья в течение 24 часов должен проверить законность произведенного следственного действия и вынести постановление о его законности или незаконности. Если произведенное действие будет признано судом незаконным, то доказательства, полученные в ходе его проведения, признаются недопустимыми (ст. 75 УПК).

Когда это специально предусмотрено законом, следственное действие должно быть выполнено в установленные сроки. Так, подозреваемый, задержанный по основаниям, указанным в ст. 91 УПК, должен быть допущен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания. В соответствии с ч. 1 ст. 173 УПК следователь обязан допросить обвиняемого немедленно после предъявления ему обвинения.

В случаях, указанных в законе, определяется последовательность отдельных действий, из которых складывается производство того или иного следственного действия. Опознающее лицо, в частности, должно быть предварительно допрошено об обстоятельствах, при которых оно видело предъявленное для опознания лицо или предметы, а также о приметах и особенностях, по которым это лицо или предметы могут быть опознаны.

Таким образом, система следственных действий — это совокупность регламентированных процессуальным законом самостоятельных действий дознавателя, следователя, предназначенных для непосредственного обнаружения, проверки, оценки и закрепления в установленном порядке доказательств по уголовному делу.

Литература:

1. Божьев, В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. — М., 1975.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации/Отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. — М., 2002. — 1039 с.
3. Ларин, А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России: Лекции-очерки. — М., 1997. — 324 с.
4. Рыжаков, А. П. Уголовный процесс. — М., 2002. — 738 с.

5. Уголовный процесс: Учебник для вузов/Под ред. В. П. Божьева. — М., 2002. — 679 с.
6. Уголовный процесс: Учебник для вузов/Под ред. А. С. Кобликова. — М., 2002. — 711 с.
7. Уголовный процесс/Под ред. П. А. Лупинской. — М., 2001. — 544 с.

Проблемы применения аудио- и видеозаписей в качестве судебных доказательств

Ищанов Данил Дамирович, студент;
Бибех Александр Евгеньевич, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Целью гражданского судопроизводства, согласно настоящему законодательству РФ является защита прав, свобод и законных интересов широкого круга лиц (граждан, организаций и т.д.), которые были нарушены или факт нарушения которых еще оспаривается. Для вынесения справедливого решения суд должен проверить все материалы, которые так или иначе касаются этого дела. Доказывание является главной формой взаимодействия субъектов процесса, а доказательства тем самым имеют ключевую роль при рассмотрении дела и при последующем вынесении судом своего решения.

В рамках гражданского процесса под доказательствами понимают полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела [1]. Доказывание является, по сути, способом опосредованного познания, когда суд говорит о том, существовали ли в действительности факты, имеющие значение для дела, на основании других фактов, получая все необходимые сведения из соответствующих источников, которые не признаны запрещенными законом. Одним из видов доказательств, предусмотренным ГПК РФ, являются аудио- и видеозаписи, которые в последнее время набирают свою популярность в связи с увеличением количества рассмотренных судами дел о защите авторских и смежных прав.

Равно как и письменные доказательства, аудио- и видеозаписи подтверждают какие-либо обстоятельства по делу с помощью сведений, которые на них находятся, например, запись того, как ответчик публично обещает заплатить крупную денежную сумму тому, кто найдет его домашнего питомца, запись высказываний, которые порочат честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, по делам о компенсации морального вреда.

Аудиозаписи являются фонодокументами, т.е. документами, содержащими в себе звуковую информацию, зафиксированную любой системой звукозаписи. Видеозаписи — под определение аудиовизуального документа. Аудиовизуальный документ — это документ, содержащий в себе и звук и изображение. ГПК РФ не дает определения аудио- и видеозаписей, но содержит в себе предписание от-

носителю того, что лицо, представляющее аудио- и (или) видеозаписи на электронном или ином носителе либо ходатайствующее об их истребовании, обязано указать, когда, кем и в каких условиях осуществлялись записи. Важность данного требования заключается в том, что особенно в отношении такого рода материалов существует вероятность их получения незаконным путем. Для гражданского судопроизводства важно, чтобы доказательства были получены необходимым способом и в необходимой форме.

В ГПК установлен особый процессуальный порядок исследования и изучения аудио- и видеозаписей. Их воспроизведение осуществляется в зале заседания или ином специально оборудованном для этой цели помещении с указанием в протоколе судебного заседания признаков воспроизводящих источников доказательств и времени воспроизведения. После этого суд заслушивает объяснения лиц, участвующих в деле. При необходимости воспроизведение аудио- или видеозаписи может быть повторено полностью либо в какой-либо части. В открытом судебном заседании могут рассматриваться аудио- и видеозаписи личного характера, но происходит это лишь в том случае, если лица, которых данная информация затрагивает, выразили свое согласие на рассмотрение этих материалов в открытой форме. В случае несогласия будет назначено закрытое судебное заседание.

Носители аудио- и видеозаписей хранятся в суде. Только в исключительных случаях после вступления решения суда в законную силу они могут быть возвращены лицу или организации, от которых были получены. Лицу, участвующему в деле могут быть выданы копии записей, которые будут изготовлены за его счет по его ходатайству. Носители записей могут быть возвращены владельцам, по этому вопросу выносится соответствующее определение суда.

Особым вопросом является отнесение аудио- и видеозаписей к определенным видам доказательств. Анализируя нормы гражданско-правового законодательства, можно прийти к выводу что записи не относятся ни к письменным, ни к вещественным доказательствам, а имеют свои специфические признаки, исследуя которые можно говорить о данных доказательствах как о чем-то существенно новом.

Не является сомнительным утверждение, что аудио- и видеозаписи могут являться вещественными доказа-

тельствами, например аудио- и видеозаписи, содержащие контрафактные произведения, по делам о защите авторских и смежных прав. Однако целесообразным является рассмотрение их как самостоятельных доказательств, имеющих ценность в силу предоставления информации, необходимой для разрешения дела.

Общей чертой письменных, вещественных доказательств и аудио-, видеозаписей является то, что данные виды доказательств считаются предметными, т. е. в них информация (сведения о фактах) сохраняется, как правило, на объектах неживой природы, вещах, в неизменном состоянии. Как и письменные доказательства, аудио- и видеозаписи подтверждают определенные обстоятельства по делу с помощью зафиксированной на них информации, например речь, порочащая имя какого-либо гражданина, записанная на пленку с помощью звукозаписывающего устройства.

Основным различием между указанными выше доказательствами является то, что, к примеру, при исследовании вещественных и письменных доказательств мы вступаем в непосредственный контакт с его носителем и получаем таким образом необходимую информацию. При исследовании аудио- и видеозаписей получение информации таким способом является невозможным, так как будут невозможны применение носителя информации через какое-либо считывающее устройство, будь то проектор или диктофон.

При этом нельзя утверждать, что аудио- и видеозаписи априори занимают второстепенное место в иерархии доказательств. Подобной иерархии и вовсе не существует, так как суд сам решает, какие доказательства подлежат применению, которые из них содержат информацию о материалах дела, необходимую для вынесения справедливого решения судом.

Доказательства по связи с теми или иными обстоятельствами, которые будет необходимо установить принято делить на прямые и косвенные. Общие правила о делении доказательств на эти виды относятся и к аудио- и видеозаписям. Если аудио- и видеозаписи непосредственно связаны с устанавливаемыми обстоятельствами, то они будут являться прямыми доказательствами. Так, например, при разделе имущества супругов, драгоценности и другие предметы роскоши признаются совместной собственностью супругов, если они не были получены в дар одним из них [2]. Видеозапись, на котором запечатлен момент дарения драгоценностей одним супругом другому (например, видеосъемка годовщины свадьбы, на котором эти драгоценности были подарены), будет являться прямым доказательством, исключаящим их из совместной собственности супругов.

Одним из веских аргументов, которые негативно характеризуют аудио- и видеозаписи как доказательства является то, что во время процесса их получения зачастую нарушаются элементарные, законодательно установленные права и свободы человека и гражданина, деловая репутация какого-либо предприятия, преступаются

нормы морали и нравственности, чуждые людям элементы вторгаются в их личную жизнь, выносятся личные тайны на публичное обсуждение. Таким образом может провоцироваться, а при попустительстве и поощряться слежка, подслушивание и тайная запись, что считается недопустимым в наше время, так как защита конституционно закрепленных прав является одной из приоритетных задач Российской Федерации.

Подводя итог выше сказанному можно утверждать, что нельзя применять в качестве доказательств, аудиозаписи телефонных переговоров, полученные без санкции суда, если проведение таковых было связано с провокацией граждан на совершение действий, которые противоречат законодательству. Данное положение находит свое распространение и более обширное толкование в некоторых федеральных законах. К примеру, согласно ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности, рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, на неприкосновенность жилища при проведении оперативно-розыскных мероприятий осуществляется судом, как правило, по месту проведения таких мероприятий или по месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении [3]. Данные материалы по делу исследуются и осматриваются уполномоченным на то судьей единолично и незамедлительно. Судья не вправе отказать в рассмотрении таких материалов в случае их представления.

В Законе РФ «О средствах массовой информации» конкретно говорится о таком получении доказательств, как скрытая запись. Она считается допустимой лишь при необходимых условиях. Одним из таких условий является соблюдение конституционно установленных прав человека и гражданина. Законодателем не зря установлено данное условие как приоритетное. Также скрытая запись признается законной и подлежат применению полученные сведения, если это необходимо для защиты общественных интересов и приняты меры против возможной идентификации посторонних лиц. Общественные интересы здесь являются достаточно широкой категорией. Если демонстрация записи производится по решению суда, то скрытая запись также будет являться законной [4]. Данное условие не будет вызывать никаких сомнений, так как суд является компетентным органом в деле рассмотрения доказательств, подлежащих рассмотрению в судебном заседании.

Необходимо отметить, что в действующем законодательстве нет норм, которые каким-либо образом запрещают приобщать к материалам гражданского дела фонограммы на цифровом носителе записи. Дальнейшее развитие и распространение применения аудио- и видеозаписей в качестве доказательств в гражданском судопроизводстве приводит к такой тенденции как совершение важных юридических действий (например, ход нотариального действия) при его записи.

Особенности таких доказательств как аудио- и видеозаписи также обусловлены порядком их исследования в судебном разбирательстве. Вид носителей информации, их технические и профессиональные характеристики имеют важное значение для выбора оборудования, которое будет доносить до суда и других участников процесса зрительное и звуковое содержание исследуемого доказательства. Воспроизведение видеозаписи и аудиозаписи производится в зале судебного заседания либо в ином месте, специально оборудованном для этой цели. Все существенные признаки материалов, которые были прослушаны или просмотрены лицами, подлежат включению в протокол. Обязательно указывается время воспроизведения, а также лица, присутствующие при этом. Затем заслушиваются объяснения участвующих в деле лиц и представителей. Также важным является указание на те места в записях, которые подлежат воспроизведению, фиксация времени воспроизведенных материалов в протоколе. Это имеет важное место, к примеру, если в ходе судебного заседания при заслушивании аудиозаписи был упущен важный момент и акцент был сделан на других моментах записи. При этом целесообразно произвести повторную демонстрацию этих мест с уточнением отношения к ним присутствующих. Воспроизведение записей должно производиться на качественном оборудовании, чтобы все лица, находящиеся в судебном заседании, ясно слышали и видели, что будет признано в качестве доказательства. Если этого нельзя достигнуть непосредственно в зале судебного заседания, может быть использовано для этой цели специально оборудованное помещение. При решении данной проблемы суд может обратиться за помощью к специалисту. Специалист может быть также полезен в деле усиления сигнала в аудиозаписи, если на ней много лишнего шума или громкость звука является малой. Однако, если специалист усомнится в достоверности подобных материалов, если повреждения в аудиозаписи или видеозаписи ставит роль данных материалов, то в скором времени должна будет назначена судебная экспертиза.

Следуя правилу относимости, лицо, которое утверждает, что та или иная аудио- или видеозапись должна быть рассмотрена судом в качестве доказательства по делу, должен

дать свое объяснение относительно содержания записи, о тех значимых фактах, которые могут быть подтверждены во время просмотра и (или) прослушивания данных материалов, о тех ключевых моментах, на которых нужно акцентировать внимание суду. Не относящееся к делу доказательство не может быть допущено к рассмотрению в суде.

Во время исследования аудио- или видеозаписи лицо, участвующее в деле, может заявить о том, что запись не является достоверной. Такое заявление довольно часто подтверждается, в практике встречаются различные виды подлога (фальсификации). В случае подложности указанных записей заинтересованное лицо вправе потребовать проведения соответствующей экспертизы для подтверждения достоверности данных в записи, о принадлежности определенных голосов установленным лицам.

Фальсификация доказательств преследуется уголовным законодательством, такое деяние считается преступным. Так, согласно ст. 303 УК РФ фальсификация доказательств по гражданскому делу лицом, участвующим в деле, или его представителем наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до четырех месяцев [5]. Порядок хранения аудио- и видеозаписей аналогичен порядку хранения вещественных доказательств. Носители аудио- и видеозаписей хранятся в суде. Суд принимает меры для сохранения их в неизменном состоянии.

Таким образом, аудио- и видеозаписи в качестве доказательств в гражданском процессе нашли свое место и начали свое развитие. Сейчас, в связи с тем, что появилось высококачественное оборудование, позволяющее определить достоверность той или иной записи, не осталось сомнений в том, что данный вид доказательств содействует полному рассмотрению дела в суде. Проблема может лишь заключаться лишь в способе добычи таких сведений. Законодатель как всегда ставит приоритетной задачей защиты конституционно закрепленных прав человека и гражданина, что является, без сомнения, правильным решением.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015 N 23-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. N 46, ст. 4532; 2015.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // СЗ РФ. 1996. N 1, ст. 16; 2015.
3. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. N 33, ст. 3349; 2015.
4. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 13.07.2015) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015) // Российская газета. 1992. N 7, ст. 300; 2015.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 16.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2015) // СЗ РФ. 1996. N 25, ст. 2954; 2015

О злоупотреблении гражданскими процессуальными правами

Цепкова Татьяна Митрофановна, кандидат юридических наук, профессор;
Кинжибеков Виталий Владимирович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Одним из спорных и малоизученных, но в то же время важных правовых институтов является противодействие злоупотреблению правом. Данная проблема в настоящее время хорошо изучена в науке гражданского права, однако в гражданском процессуальном праве нет четкой концепции по данному вопросу.

В целом злоупотребление — это известное в общественной жизни явление, которое имеет негативный характер. Оно определяется как нарушение «добрых», или даже «честных» правил, в силу умысла исполнителя. Слово «злоупотребление» восходит от слова «зло» в связи с этим В.П. Грибанов отмечает, что злоупотребление правом — это использование права «во зло» [1, с. 4].

Также в словарях «злоупотребление» определяется как проступок, связанный с незаконным, преступным действием, использование чего-либо во вред кому-либо [2, с. 4].

В соответствии с ч. 1 ст. 35 ГПК РФ лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами [3, с. 4]. Исходя из этой статьи, при анализе такого явления, как «злоупотребления», нужно рассмотреть и противоположную ему правовую категорию — «добросовестность» так как именно во взаимодействии эти явления более полно проявляют свою сущность и отражают свое значение.

Добросовестность — это некий эталон надлежащего поведения субъектов определенных отношений, на соблюдение которого рассчитывают их контрагенты [2, с. 4]. Явление добросовестность олицетворяет честность, старательность в исполнении обязанностей, а также доверие к чужой честности. Если каждая сторона в процессе будет вести себя добросовестно, то это обеспечит нормальную деятельность суда и всех лиц участвующих в деле, гарантирует надлежащее осуществление прав другой стороны, а также будет способствовать выяснению объективной истины в каждом деле.

Таким образом, если добросовестность — это должное поведение, то злоупотребление — это намеренное недолжное поведение. При этом важной чертой здесь является цель такого поведения — соблюдение установленных прав и обязанностей, либо приобретение выгод с причинением вреда оппоненту.

Институт злоупотребления процессуальными правами в силу своей специфики и нормативного закрепления занимает особое место в рамках процессуальных отношениях. Данный институт влияет не только на сами отношения, складывающиеся в гражданском процессе, но и в целом на основы судопроизводства.

А.В. Юдин, под злоупотреблением процессуальными правами понимает особую форму гражданского процессуального правонарушения, т.е. умышленные недобросовестные действия участников гражданского процесса, сопровождающиеся нарушением условий осуществления субъективных процессуальных прав и совершаемые лишь с видимостью реализации таких прав, сопряженные с обманом в отношении известных обстоятельств дела, в целях ограничения возможности реализации или нарушения прав других лиц, участвующих в деле, а также в целях воспрепятствования деятельности суда по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданского дела, влекущие применение мер гражданского процессуального принуждения [5, с. 4].

Данное определение очень детально и всесторонне описывает такое явление, как злоупотребление процессуальным правом, однако данный институт можно рассмотреть под другим углом и дать определение исходя из законодательной формулировки. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 35 ГПК РФ лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами.

Таким образом, исходя из законодательной трактовки, злоупотребление процессуальными правами — это нарушение лицом, участвующем в деле, обязанности добросовестного пользования процессуальными правами.

В связи с этим можно выделить следующие характерные черты злоупотребления процессуальными правами:

- 1) Это недобросовестное использование предусмотренных законом процессуальных прав
- 2) Формально злоупотребление процессуальными правами выглядят как правомерные действия
- 3) Злоупотребление процессуальными правами может осуществляться только лицами, участвующими в деле
- 4) Это влечет наступление неблагоприятных последствий. Так, если в гражданский кодекс в качестве последствий злоупотребления правом указывает на отказ суда в защите субъективного права, то в гражданском процессуальном кодексе такого последствия не усматривается. В то же время в ГПК имеются специальные нормы, которые направлены на противодействие злоупотреблению правом, в частности это нормы ст 99, 150, 159 ГПК РФ. Последствия злоупотребления процессуальными правами предусматриваются и в уголовном законодательстве, в частности ст 298.1 УК РФ [5, с. 4].
- 5) Целью злоупотребления является получение лицом, участвующем в деле, процессуальных выгод, ко-

торые влекут причинение процессуального вреда участникам процесса и (или) воспрепятствование деятельности суда по правильному и своевременному разрешению гражданского дела.

Таким образом, понятием «злоупотребление процессуальным правом» охватываются случаи, когда принадлежащие лицам процессуальные права осуществляются не в соответствии с их целевым назначением, а в иных целях, не связанных с защитой нарушенных прав и охраняемых законом интересов лиц. Мотивами такого поведения могут быть как желание получить права на какое-либо имущество, когда при обычных условиях лицо не может на него претендовать, так и намерение причинить вред деловой репутации ответчика, возбудив против него гражданское дело в суде. Так же очень распространённым мотивом является затягивание судебного разбирательства в целях отсрочки принятия неблагоприятного для себя решения.

Исходя из этого, можно сказать, что злоупотреблений правом в гражданском процессе очень много. В связи с этим их можно классифицировать по различным основаниям.

1) В основу первой классификации положен объект злоупотребления процессуальными правами. Так, их можно подразделить на вред, причинённый интересам правосудия, и вред, нарушивший права лиц, участвующих в деле.

2) По характеру поведения лица, злоупотребившего своими правами, можно классифицировать на совершаемые путем активных действий и путем пассивных действий.

3) По степени влияния на исход процесса злоупотребления можно разделить на повлиявшие и на не повлиявшие на исход.

4) В зависимости от последствий злоупотребления можно подразделить на причинившие незначительный, средний и существенный вред правоотношениям.

5) По сфере действия злоупотребления процессуальным правом делятся на общие и институциональные. Так, общие будут свойственны для гражданского процесса в целом и как правило свидетельствуют о неправомерности возникновения процесса. В пример можно привести неосновательное обращение в суд. Что говоря о институциональных, то они совершаются в сфере отношений, регулируемых процессуальными нормами какого-либо отдельного института отрасли. Это к примеру, злоупотребления, связанные с уплатой государственной пошлины; злоупотребления правом в сфере подведомственности и подсудности гражданского дела (то есть искусственного создания условий рассмотрения дела определенным судом); злоупотребления при формировании состава суда (например, не основанные заявления об отводе судей); злоупотребления, совершаемые представителями лиц; злоупотребления, связанные с извещением участников гражданского процесса и так далее.

Данная классификация не является исчерпывающей и как я считаю, практически любое субъективное право может быть искажено недобросовестным лицом при его использовании. Сейчас полностью определить и понять где кончается право и начинается его злоупотребление — крайне сложно. Понятие злоупотребление в гражданском процессуальном праве связано с понятием недобросовестности, а является ли конкретное действие добросовестным или нет, будет решать суд, так как в настоящий момент нет четких критериев и правил такой оценки.

Литература:

1. Грибанов, В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав // Осуществления и защита гражданских прав. М., 2000.
2. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985—1988. Т. I. А — Й. 1985.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ.
4. Юдин, А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дисс... д-ра юрид. наук, СПб., 2009.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ

Судебный прецедент как «первичный» источник права

Киракосян Артур Гарушович, магистрант

Научный руководитель: Николаева Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

В статье анализируется судебный прецедент как источник права. Отстаивается точка зрения о том, что судебный прецедент следует относить к «первичным» источникам права.

Ключевые слова: судебный прецедент, источник права.

Источник права — условный юридический термин, служащий для обозначения тех форм, в которых находят выражение и закрепляются правовые нормы [10, с. 419]. Другими словами, источник права — способ, в котором правовые нормы находят свое внешнее выражение. Встречаются более широкие толкования термина «источник права», под которым понимают также материальные и идеологические предпосылки права. Так, М. В. Кузнецова предлагает понимать под источником права «нормотворческую деятельность уполномоченных лиц соответствующих уровней (субъектов международного права, органов государственной власти, органов местного самоуправления, других управомоченных лиц) по правовой защите собственных интересов, обеспеченная социальным, в том числе государственным принуждением, формой выражения которой являются нормативные правовые акты» [4, с. 15]. Однако в данном исследовании под источником права следует понимать источник права именно в формально-юридическом смысле (данное явление также именуется формой права).

Традиционно в юридической науке выделяют следующие источники права:

- 1) Нормативный правовой акт;
- 2) Правовой обычай;
- 3) Нормативный договор;
- 4) Судебный прецедент [6, с. 290].

Это так называемые «традиционные» или «первичные» источники права. К нетрадиционным источникам права относятся:

- 1) Правовая доктрина;
- 2) Религиозные догматы и тексты (хотя необходимо отметить, что в странах религиозной правовой семьи священные писания являются первичным источником права, что ярко видно в странах исламского права).

Кто-то в качестве «нетрадиционных» источников права даже выделяет правосознание и правовую культуру [11, с. 2].

В настоящее время юридической науке существует мнение, согласно которому судебный прецедент не стоит относить к числу «традиционных» источников права, поскольку он находит свое выражение лишь в англо-саксонской правовой семье. В странах же романо-германской правовой семьи судебный прецедент занимает довольно неопределенное положение. Его признание в качестве источника права означало бы признание за судом пра-

вотворческих функций, что, по мнению исследователей, повлекло бы за собой нарушение принципа разделения властей. Однако при внимательном рассмотрении время в решениях некоторых высших судебных органов все-таки можно найти некоторые признаки судебного прецедента.

М. Н. Марченко говорит о том, что «формальная неопределенность судебного прецедента позволяет представить несколько различных толкований: прецедент «в дополнение к закону» (*secundum legem*), посредством которых конкретизируется и детализируется уже существующая законодательная норма; прецедент «кроме закона» (*praeter legem*), с помощью которых восполняются пробелы в законе; прецедент «против закона» (*adversus legem*), которые противоречат существующей законодательной норме, но реализуются вместо нее, делая эту норму закона «мертвой» [цит. по: 8, с. 23]. Таким образом, в качестве первичного источника права прецедент «в дополнение к закону» рассматриваться не может, поскольку он призван лишь дополнить правовое регулирование общественных отношений в той части, в которой норма права не регулирует.

Судебный прецедент — это «судебное решение по конкретному юридическому делу, которому придается сила нормы права и которым руководствуются при разрешении схожих дел» [6, с. 291].

Итак, для того, чтобы поставить точку в этом вопросе, необходимо соотнести признаки источника права и признаки судебного прецедента.

Признаки «первичного» источника права следующие:

1. Нормативный характер, то есть источник права содержит в себе формально определенные общеобязательные правила поведения, исходящие от государства и обеспечиваемые его принудительной силой.

2. Общеобязательность. Общеобязательность означает, что нормы права, содержащиеся в том или ином источнике права, распространяют свое действие на всех субъектов права, которым они адресованы. Нельзя путать общеобязательность со всеохватностью. Так, например, нормы права, касающиеся военнослужащих, не будут распространять свое действие на гражданских лиц.

3) Непосредственное действие, то есть свойство источника права регулировать общественные отношения напрямую, без издания государством каких-либо особых, дополнительных актов, а также возможность субъектов

права защищать свои права и законные интересы, ссылаясь на нормы, заключенные в источнике права.

4) Государственно-волевой характер [9, с. 34]. Действительно, все источники права так или иначе выражают волю государства, которое, в свою очередь, аккумулирует волю всего общества.

По мнению Т.А. Васильевой, судебный прецедент характеризуется следующими специфическими признаками:

1. Судебный прецедент исходит только от судебных органов.

2. Судебный прецедент имеет обязательное юридическое значение [1, с. 85]. Данный признак схож с общеобязательностью источника права. Однако общеобязательность здесь весьма условна, поскольку судебный прецедент, в первую очередь, адресован судебным органам, которые обязаны учитывать его положения при вынесении решения.

3. Судебный прецедент является своего рода образцом для всех судов той же или нижестоящей инстанций. Действительно, суды при рассмотрении того или иного дела обязаны руководствоваться правовыми положениями, содержащимися в ранее принятых судебных актах. Точно так же, как в странах романо-германской правовой семьи, где судьи выносят свои решения на основании норм права, в странах англо-саксонской правовой семьи судьи проводят правовую аргументацию по обстоятельствам делам, базируясь на положениях судебных актов той же или вышестоящей инстанций. Безусловно судьи применяют закон, но норма, которую он содержит, принимается окончательно, инкорпорируется полностью в право лишь после того, как она будет неоднократно применена и истолкована судами, и в той форме, а также в той степени, какую установят суды [5, с. 277].

4. Судебный прецедент принимается в рамках «определенной процедуры и по итогу правовой аргументации всех существенных обстоятельств дела» [2, с. 295].

5. Обязательное опубликование. Решение суда должно быть опубликовано, иначе оно не может считаться

судебным прецедентом. Так, А.В. Мелехин пишет: «условием действия системы прецедентов является наличие источников информации о прецедентах, т.е. судебных отчетов (law reports). Об их важности свидетельствует тот факт, что доктрина обязательности прецедента сложилась в современном виде лишь в середине XIX века, когда запись судебных отчетов стала цельной системой» [7].

Что касается, нормативности, то вне всяких сомнений судебный прецедент содержит в себе общеобязательные правила поведения. Вообще, говоря о судебном прецеденте, стоит отметить, что он состоит из двух частей: «1) сути правовой позиции судьи, высказанной в связи с рассмотрением конкретного дела и вошедшей в основу решения суда по данному делу. Эта часть решения в английском праве называется *ratio decidendi*; 2) мнений, доводов судей, которые обосновывают необходимость и убедительность принятия решения или его не принятие, не вошедших в основу решения суда. Эти доводы не являются обязательными для судебного решения и обычно именуются как «попутно сказанное» — *obiter dictum*» [3]. Таким образом, норму права содержит только первая часть решения, именно она обеспечивает наличие такого признака источника права, как нормативность.

Судебный прецедент имеет непосредственное действие. Для его действия не требуется издания каких-либо дополнительных актов.

Судебный прецедент носит государственно-волевой характер. Все судебные решения выносятся от имени государства, их исполнение обеспечивается принудительной силой государства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что судебный прецедент обладает всеми необходимыми признаками источника права, поэтому судебный прецедент может быть отнесен к числу «традиционных» или «первичных» источников права. Не обладает признаками первичного источника права только лишь прецедент «в дополнение к закону» (*secundum legem*).

Литература:

1. Васильева, Т.А. Актуальные вопросы судебного прецедента как источника права/Т.А. Васильева // Право и политика. — 2007. — № 7. — с. 84–91.
2. Васильева, Т.А. Понятие и признаки судебного прецедента как источника права/Т.А. Васильева // Вектор науки ТГУ. — 2010. — № 3 (13). — с. 294–296.
3. Джура, В.В. О судебном прецеденте в Российской Федерации // В.В. Джура // [Электронный ресурс]. URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1226724> (дата обращения: 10.10.2015).
4. Кузнецова, М.В. Понятие и сущность источников права/М.В. Кузнецова // История государства и права. — 2014. — № 12. — с. 15–18.
5. Матинян, М.А. Специфика системы источников английского права/М.А. Матинян // Общество и право. — 2009. — № 4 (12). — с. 276–277.
6. Матузов, Н.И. Теория государства и права. Учебник./Н.И. Матузов, А.В. Мальков. — М.: Дело, 2015. — 528 с.
7. Мелехин, А.В. Теория государства и права: Учебник. — 2-е изд., перераб. и доп./А.В. Мелехин // Подготовлен для системы Консультант плюс. 2009

8. Никишин, В. В. Судебный прецедент и обычай как источники экологического права стран англосаксонской и романо-германской правовых семей/В. В. Никишин // Российский судья. — 2011. — № 2. — с. 22–24.
9. Ображиев, К. В. Формальные (юридические) источники права: проблемы теоретического определения/К. В. Ображиев // Российский юридический журнал. — 2010. — № 4. — с. 28–35.
10. Тихомирова, Л. В. Юридическая энциклопедия. Издание 6-е, дополн. и перераб./Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров. — М.: Изд-во Тихомирова М. Ю., 2014. — 1088 с.
11. Чистая, Е. С. К вопросу о «нетрадиционных» источниках права/Е. С. Чистая // История государства и права. — 2012. — № 7. — с. 2–4.

Основы конституционного судопроизводства в России

Ковалев Юрий Сергеевич, аспирант

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В данной статье рассматривается конституционное судопроизводство как один из видов судопроизводства в России, основы формирования конституционного правосудия, источники осуществления судебной власти посредством конституционного производства.

Ключевые слова: *судья, конституция, закон, судебная система, конституционное производство, основы, источники.*

Конституционное судопроизводство как одна из основ осуществления судебной власти не всегда было включено в систему органов правосудия и является одной из самых молодых в системе судов России. Возможность создания отдельного судебного органа конституционного правосудия появилась только после ряда конституционных реформ на рубеже 90-х годов XX века. Конечно, ранее также предусматривалось формирование органа власти, наделенного частично схожими полномочиями с действующим Конституционным Судом РФ, однако такой орган назывался Комитетом конституционного надзора и не входил в судебную систему.

Первое официальное закрепление Конституционный Суд получил в Конституции РСФСР 1978 года (в редакции от 15.12.1990), путем включения в статью 119 положений о порядке его формирования. В судебную систему России Конституционный Суд был интегрирован только 24 мая 1991 года с принятием Закона РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР», которым в статью 163 Конституции РСФСР вносились изменения, предусматривающие определение Конституционного Суда РСФСР как части судебной системы РСФСР.

Рассматривая в исторической ретроспективе данный вопрос, А. Н. Ведерников указывает: «С исторических позиций существенным моментом в становлении конституционного судопроизводства в нашей стране является также то, что оно возникло и успешно развивалось до принятия ныне действующей Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г. Юридическим обоснованием появления Конституционного Суда в России явилось принятие 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР, в которой впервые на законодательном уровне был зафиксирован принцип разделения

властей, несколько позднее затем внесенный в качестве поправки непосредственно в текст Конституции РСФСР 1978 г». [1, с. 116]

Конституция Российской Федерации 1993 года окончательно сформировала в стране судебную власть и определила возможные виды судопроизводства. Согласно части 2 статьи 118 Конституции РФ судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Согласно статье 1 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации — судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Особое внимание в приведенной формулировке заслуживает понятие «самостоятельно». Применяя его в контексте определения Конституционного Суда как структуры судебной власти, законодатель обеспечил невозможность создания системы Конституционных Судов, справедливо полагая, что вопросы конституционного значения должны разрешаться одним судебным органом, в отличие, например, от судов общей юрисдикции.

Таким образом, конституционное судопроизводство — это особый вид судопроизводства, осуществляемый Конституционным Судом в пределах полномочий и компетенций, установленных нормами конституционного законодательства.

По мнению Н. С. Райковой «Особенность института конституционного судебного процесса состоит в том, что он содержит черты, с одной стороны, конституционно-правового регулирования, с другой — судебно-про-

цессуальных отраслей. Поэтому в основе правового регулирования конституционного судопроизводства лежат традиционные принципы осуществления правосудия с особенностями, вытекающими из природы конституционного контроля как осуществляемой на уровне высших органов государственной власти деятельности по охране конституционно значимых ценностей». [2, с. 107]

Анализируя положения Конституции РФ и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» можно также выделить следующие особенности конституционного судопроизводства:

— Во-первых, конституционное судопроизводство не разрешает обстоятельства конкретного дела;

— Во-вторых, решения Конституционного Суда окончательны и обжалованию не подлежат;

— В-третьих, принимаемое Конституционным Судом решение является общеобязательным;

— В-четвертых, в отличие от судов общей юрисдикции и арбитражных судов, процессуальное обеспечение деятельности осуществляется не соответствующим кодексом, а положениями Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»;

— В-пятых, рассмотрение каждого дела в Конституционном Суде осуществляется исключительно коллегиально.

Осуществление конституционного судопроизводства в России основывается на специальных принципах. При этом, поскольку Конституционный Суд РФ является составной частью единой судебной системы, то формально в основе его деятельности лежат общие принципы, характерные для судебной власти в целом. Однако, принципы конституционного судопроизводства также отражают и его специфические особенности.

Как отмечают Е.С. Бутурлина и А.В. Митрясова: «Принципы конституционного судопроизводства — это основные начала, содержащиеся в Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных и федеральных законах, лежащие в основе конституционного судопроизводства, определяющие природу, сущность и содержание конституционного судопроизводства и его основную роль по осуществлению конституционного контроля» [3, с. 136]

По мнению С.А. Татарина «Реализация принципов конституционного судопроизводства способствует регулированию всего порядка осуществления конституционного правосудия, определяет способы и пределы участия в судебном конституционном процессе сторон, влияет на объем прав и обязанностей его участников и в конечном счете они раскрывают направленность всех субъектов конституционного судопроизводства в целях достижения поставленных перед Конституционным Судом задач по отправлению конституционного правосудия». [4, с. 96]

В статье 5 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» определено, что основными принципами деятельности Конституционного Суда Российской Федерации являются неза-

висимость, коллегиальность, гласность, состязательность и равноправие сторон.

Существующая классификация принципов конституционного судопроизводства использует такой классификационный критерий как способ институирования (закрепления) этих принципов. Согласно данной классификации принципы конституционного судопроизводства делятся на формализованные, которые непосредственно закреплены в нормативном акте (прежде всего — в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» № 1-ФКЗ) и обусловленные природой Конституционного Суда Российской Федерации (институциональные принципы). [5, с. 71]

Весьма дискуссионным на наш взгляд является вопрос осуществления конституционного судопроизводства конституционными (уставными) судами субъектов РФ.

Статьей 27 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» в единую судебную систему был включен институт Конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Согласно части 1 указанной статьи Конституционный (уставный) суд субъекта Российской Федерации может создаваться субъектом Российской Федерации для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления субъекта Российской Федерации конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, а также для толкования конституции (устава) субъекта Российской Федерации.

Фактически была создана возможность организации органа конституционного судопроизводства на уровне субъектов РФ, который не имеет закрепления в Конституции России, но входит в общую систему судов.

Важно отметить, что решение конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, принятое в пределах его полномочий, не может быть пересмотрено иным судом. В этом смысле Конституционный суд РФ не может выступать в качестве апелляционной инстанции.

Некоторые теоретики конституционного права придерживаются позиции, что федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» для конституционных (уставных) судов установлена рекомендуемая компетенция, которая может быть дополнена законодательством субъекта РФ. С такой точкой зрения нельзя согласиться, поскольку часть 1 статьи 27 названного ФКЗ не содержит двусмысленного толкования либо прямой диспозитивной направленности. Перечень полномочий имеет строго императивный характер. Однако, передача конституционным (уставным) судам полномочий по решению вопросов, находящихся в ведении субъектов РФ все же возможна.

Считаем вполне обоснованной точку зрения Черновой Э.Р., которая отмечает, что «Конституционные (уставные) суды нуждаются в закреплении в федеральном

законодательстве в качестве обязательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В связи с этим возникает необходимость принятия Федерального конституционного закона «Об общих принципах организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации» с целью унификации их компетенции, только в этом случае возможно более четкое разграничение подведомственности дел между конституционными (уставными) судами и судами общей юрисдикции». [6, с. 425]

Литература:

1. Ведерников, А.Н. Исторический очерк становления конституционного судопроизводства в современной России// Вестник Томского государственного университета. 2009. № 326. с. 115–117;
2. Райкова, Н.С. Система принципов конституционного судопроизводства (на материалах конституционного суда Российской Федерации)// Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. с. 107–110;
3. Бутурлина, Е.С., Митрясова А.В. Принципы конституционного судопроизводства: понятие, система и значение// Ленинградский юридический журнал. 2013. № 4 (34). с. 133–139;
4. Татаринов, С.А. К вопросу о принципах осуществления конституционного судопроизводства в Конституционном Суде Российской Федерации// Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2 (12). с. 96–104;
5. Ананских, И.А., Кайнов В.И., Шелепова М.А. Конституционное судопроизводство в современной России// Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. с. 68–75;
6. Чернова, Э.Р. Конституционное судопроизводство в субъектах Российской Федерации// Science Time. 2014. № 11. с. 421–426.

Таким образом, в конституционном судопроизводстве можно выделить два взаимно независимых уровня конституционного правосудия, которые осуществляют самостоятельные полномочия в соответствии с действующим законодательством.

Возможно, в рамках реформы судебной власти следует поставить вопрос не только о создании специального законодательства для конституционных (уставных) судов, но и для более регламентированного оформления конституционного судопроизводства в целом.

Суброгация и регресс по ОСАГО

Коровина Анастасия Сергеевна, студент
Тюменский государственный университет

Суброгация — переход прав кредитора к страховщику на основании закона, разновидность перемены лиц в обязательстве (гл. 24 ГК РФ, ст. 965 ГК РФ). Регресс — право обратного требования лица, возместившего вред, к причинителю вреда (ст. 1081 ГК РФ, гаранта к принципалу — ст. 379 ГК РФ и т.д.).

Суброгация означает, что страховая компания, выплатившая возмещение своему клиенту по договору имущественного страхования, может на законных основаниях, согласно ст. 965 Гражданского Кодекса Российской Федерации, взыскать выплаченную сумму с лица, причинившего убытки, или со страховой компании, с которой у виновника заключен договор страхования ответственности. То есть суброгация — это переход права требования от потерпевшего к страховой компании.

Право требования в суброгации распространяется только на размер выплаченной суммы возмещения. Поэтому если страховая компания лишь частично погасит причиненные потерпевшему убытки, то к причинителю убытка возникнут два права требования: первое — страховщика в размере выплаченной потерпевшему суммы;

второе — самого пострадавшего на ту сумму убытка, которая не была покрыта страховкой.

Также при возмещении убытков не стоит забывать про страховой полис ДСАГО — добровольное страхование гражданской ответственности, так истец которому было отказано во взыскании суммы ущерба в порядке суброгации не согласившись с принятым по делу судебным актом, обратился в апелляционный суд с жалобой. Девятый Арбитражный апелляционный суд постановлением от 26 февраля 2015 г. N 09АП-54288/2014 определил в соответствии с п. 4 ст. 931 ГК РФ в случае, когда ответственность за причинение вреда застрахована в силу того, что ее страхование обязательно, а также в других случаях, предусмотренных законом или договором страхования такой ответственности, лицо, в пользу которого считается заключенным договор страхования вправе предъявить непосредственно страховщику требование о возмещении вреда в пределах страховой суммы.

Как выяснил суд из материалов дела, у ответчика помимо ОСАГО в наличии имеется полис добровольного страхования в ОСАО «ВСК» N 1286WC5LR0112 со сроком дей-

ствия в период с 09.02.2012 г. по 08.02.2013 г., со страховой суммой 1000000 руб.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции пришел к правомерному выводу о том, что требования истца о возмещении ущерба не подлежат удовлетворению.

В другом случае Московский Областной суд вынес апелляционное определение от 25 мая 2015 г. по делу N 33–9620/2015 в котором удовлетворил требования истца — ООО РОСГОССТРАХ о возмещение ущерба, причиненного в результате ДТП, в порядке суброгации. Удовлетворяя иск, суд первой инстанции правильно исходил из того, своей вины в ДТП А. не оспорил, и ООО «РОСГОССТРАХ» сохранила право требования к А. на возмещение причиненного вреда в порядке суброгации в размере ***** руб. за вычетом страхового возмещения по ОСАГО (***** руб. — 120000 руб.)

Регресс — это взыскание с виновника ДТП его же страховщиком тех денежных сумм, которые были выплачены потерпевшему страховой компанией виновника.

Регресс, в отличие от суброгации, — право обратного требования лица, возместившего вред потерпевшему вместо причинителя вреда, к этому причинителю, при котором перехода права требования не возникает, а возникает новое обязательство.

Таким образом, наиболее очевидная разница между регрессом и суброгацией состоит в том, что при суброгации происходит замена кредитора на страховщика при сохранении обязательства. При регрессе же одно обязательство заменяет собой другое. При этом перехода прав от одного кредитора к другому не происходит.

Регресс — это тот редкий случай, когда страховщику предоставляется право взыскать сумму выплаченного страхового возмещения со своего же страхователя или застрахованного лица. Регресс в страховании не является распространенным и предусмотрен законом лишь для отдельных случаев:

В ОСАГО — ст. 14 ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». Страховщик имеет право предъявить регрессное требование к причинившему вред лицу в размере произведенной страховщиком страховой выплаты: если виновником ДТП был причинен вред жизни или здоровью потерпевшего; при управлении транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного); если лицо не имело права на управление транспортным средством, лицо скрылось с места дорожно-транспортного происшествия; лицо не включено в договор обязательного страхования в качестве лица, допущенного к управлению транспортным средством (при заключении договора обязательного страхования с условием использования транспортного средства только указанными в договоре обязательного страхования водителями); если страховой случай наступил при использовании указанным лицом транспортного средства в период, не предусмотренный договором обязательного страхования (при заключении договора обязательного страхо-

вания с условием использования транспортного средства в период, предусмотренный договором обязательного страхования); если лицо в случае оформления документов о ДТП без участия сотрудников полиции не направило страховщику, экземпляр заполненного совместно с потерпевшим бланка извещения о ДТП в течение пяти рабочих дней со дня дорожно-транспортного происшествия; если лицо до истечения 15 календарных дней, за исключением нерабочих праздничных дней, со дня ДТП, в случае оформления его без сотрудников полиции, приступило к ремонту или утилизации транспортного средства, при использовании которого им был причинен вред, и (или) не представило по требованию страховщика данное транспортное средство для проведения осмотра и (или) независимой технической экспертизы; если на момент наступления страхового случая истек срок действия диагностической карты

ОСАО «Ингосстрах» обратился в суд с иском к Р. И. о возмещении ущерба, причиненного ДТП, в порядке регресса, мотивируя свои требования тем, что 26.10.2012 произошло ДТП по вине Р. И. так как Р. И. не указан в договоре ОСАГО в качестве лица, допущенного к управлению транспортным средством МАЗДА.

Действительно, согласно положениям абзаца 6 части 1 статьи 14 Федерального закона от 25.04.2002 N 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и подпункта «д» пункта 76 Правил обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 07.05.2003 N 263, страховщик имеет право предъявить регрессное требование к причинившему вред лицу в размере произведенной страховщиком страховой выплаты, если указанное лицо не включено в договор обязательного страхования в качестве лица, допущенного к управлению транспортным средством (при заключении договора обязательного страхования с условием использования транспортного средства только указанными в договоре обязательного страхования водителями). Однако при этом следует учесть, что в соответствии со статьей 15 Федерального закона от 25.04.2002 N 40-ФЗ обязательное страхование осуществляется владельцами транспортных средств путем заключения со страховщиками договоров обязательного страхования, в которых указываются транспортные средства, гражданская ответственность владельцев которых застрахована.

Договор обязательного страхования заключается в отношении владельца транспортного средства, лиц, указанных им в договоре обязательного страхования, или в отношении неограниченного числа лиц, допущенных владельцем к управлению транспортными средствами в соответствии с условиями договора обязательного страхования, а также иных лиц, использующих транспортное средство на законном основании.

Основания для законного владения транспортным средством названы в статье 1 Федерального закона от 25.04.2002 N 40-ФЗ, а именно, под владельцем транс-

портного средства понимается его собственник, а также лицо, владеющее транспортным средством на праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании (праве аренды, доверенность на право управления транспортным средством, распоряжение соответствующего органа о передаче этому лицу транспортного средства и т. п.). Следовательно, по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств ответственность собственника транспортного средства является застрахованной вне зависимости от указания его в страховом полисе в качестве лица, допущенного к управлению транспортным средством.

Московским Городским судом в апелляционном определении от 4 июля 2014 г. по делу п 33–25685 в удовлетворении требований было отказано. Так как у истца право регрессивного требования отсутствует.

В другом случае в апелляционном определении Челябинский Областной суд от 19 сентября 2014 г. по делу N 11–9759/2014 удовлетворил иск истца (ООО РОСГОССТРАХ), так как виновный в ДТП был в алкогольном опьянении. В соответствии со ст. 14 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», страховщик имеет право предъявить регрессное требование к причинившему вред лицу в размере произведенной страховщиком страховой выплаты, если вред был причинен указанным лицом при управлении транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного).

Источник возникновения. И регресс, и суброгация возникают в силу закона и не требуют отдельного получения согласия клиента страховой компании на их осуществление. И в том и в другом случае доказательством

наличия у страховщика права требования к лицу, ответственному за причинение убытка, выступают договор страхования и документ, подтверждающий выплату страхового возмещения.

Договором страхования могут быть предусмотрены случаи, когда право требования не переходит в порядке суброгации к страховщику, однако условие договора, исключающее переход к страховщику права требования к лицу, умышленно причинившему убытки, ничтожно.

Срок исковой давности. Исковая давность при регрессе начинает течь с момента выплаты страхового возмещения и составляет три года. Срок исковой давности при суброгации остается таким, как был в основном обязательстве и может быть общим (3 года) или сокращенным. Например, Законом «О транспортно-экспедиционной деятельности» установлен сокращенный срок исковой давности для требований, вытекающих из договора транспортной экспедиции, который составляет один год. Соответственно, право требования, полученное страховщиком по договору страхования ответственности экспедитора, также действует всего один год с момента, когда потерпевший узнал или должен был узнать о причиненном ему вреде.

Дополнительные обязанности. Закон возлагает на кредитора, передающего право требования в порядке суброгации, обязанности передать страховщику все документы и сообщить ему все сведения, необходимые для осуществления страховщиком перешедшего к нему права требования.

Право страховщика на получение права требования в порядке суброгации ценится и охраняется законодателем. Страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения в случаях, если осуществление этого права стало невозможным по вине страхователя.

Литература:

1. Федеральный Закон «Об Обязательном Страховании Гражданской Ответственности Владельцев Транспортных Средств» от 25 апреля 2002 г. N 40-ФЗ; по сост. на 4 ноября 2014 г. //Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002, — N 18. — Ст. 1720.
2. Худяков, А. И./Теория страхования. М: Статут. — 2010. — с. 326

Правовые аспекты банкротства юридического лица: работодатель и работники

Лашков Андрей Альбертович, юрист
Институт политики, права и социального развития (г. Москва)

В данной статье рассматриваются вопросы, касающиеся регулирования правоотношений при банкротстве между работодателем и работниками.

Ключевые слова: *судебная система, закон о банкротстве, граждане, права и обязанности сторон*

Legal aspects of the bankruptcy of a legal entity: employers and employees

Lashcov A. A., lawyer
Institute of politics, law and social development (Moscow)

This article describes the issues related to the adoption of the regulation of legal relations in bankruptcy between employers and employees

Keywords: *the judicial system, bankruptcy law, citizens, the rights and obligations of the parties*

В настоящее время работники становятся одной из наиболее уязвимых сторон при проведении процедуры банкротства юридического лица. К тому же, банкротство предприятия является одной из основных предпосылок банкротства работников, что стало возможным со вступлением в силу 1 октября 2015 года законом о банкротстве граждан. И по этой причине понятно, что в случае прекращения деятельности предприятия работники крайне заинтересованы получить предусмотренные законом гарантии, денежные выплаты и компенсации

Законом выделяются две группы участников процесса банкротства и арбитражного процесса, в которых вправе принять участие представитель работников предприятия-должника, уполномоченный представлять их законные интересы (ст. 35 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (далее — Закон о банкротстве)) [4]. В соответствии со ст. 2 Закона о банкротстве, оформленные по трудовому договору работники, по отношению к которым у должника имеются обязательства по выплате денежных средств, признаются его кредиторами. Работники в обязательном порядке включаются арбитражным управляющим в реестр требований кредиторов. Все разногласия по составу или размеру требований работников к работодателю разрешаются между их представителем и арбитражным управляющим.

С даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом полномочия по руководству предприятием переходят к конкурсному управляющему. Одной из обязанностей которого становится уведомление работников о предстоящем их увольнении, но не позднее месяца с даты открытия конкурсного производства (ст. 129 Закона о банкротстве).

Трудовым кодексом РФ (далее — ТК РФ) [3] закреплены гарантии и компенсации работникам при ликвидации юрлица, при которой все работники будут уволены

по основаниям п. 1 ст. 81 ТК РФ. Руководитель юрлица обязан известить работников под роспись о том, что предприятие ликвидируется и они подлежат увольнению, но не менее чем за два месяца до даты увольнения (ч. 2 ст. 180 ТК РФ). Если решение о сокращении может привести к массовому увольнению, то — за три месяца (ст. 82 ТК РФ).

Законом определен ряд особенностей при ликвидации предприятия, такие как: а) не требуется предлагать работникам другой работы; б) допускается увольнение в период временной нетрудоспособности и пребывания в отпуске; в) не учитывается мнение профсоюза; г) подлежат расторжению трудовые договоры с льготными категориями.

Законодатель, понимая значение зарплаты как материальной основы существования граждан, при банкротстве работодателя наделяет требования работников приоритетным правом очередности: а) в первую очередь производятся расчеты с гражданами, перед которыми должник ответственен за причинение вреда жизни или здоровью; б) во вторую очередь — выплата выходных пособий и оплата труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, но не более тридцати тысяч рублей за каждый месяц; в) требования руководителя предприятия и лиц исполнительного органа удовлетворяются после выполнения требований кредиторов третьей очереди. Помимо этого, не полагается компенсация руководителю предприятия-должника, предусмотренная ст. 279 ТК РФ, в случае расторжения с ним трудового договора по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в связи с ликвидацией предприятия, если иное не предусмотрено трудовым договором.

Работодатель обязан возместить работнику материальный ущерб в случае незаконного лишения его возможности трудиться (статьи 234 — 236 ТК РФ). При обращении в суд работник вправе требовать уплаты процентов на сумму невыплаченного заработка в размере 1/300 ставки рефинансирования ЦБ РФ за каждый день про-

срочки. Компенсация морального вреда, причиненного неправомерными действиями или бездействием работодателя, возмещается независимо от возмещения имущественного ущерба (ст. 237 ТК РФ).

Следуя ст. 46 Конституции РФ [1], каждому гарантируется защита его прав и свобод в судебном порядке. В соответствии с постановлением Пленума ВС РФ от 2 июня 2015 г. № 21, разрешение трудовых споров между работником и руководителем предприятия относится к компетенции суда общей юрисдикции [6]. Но в тоже время статьи 61.1, 61.8 Закона о банкротстве предусматривают рассмотрение арбитражным судом в деле о банкротстве заявлений об оспаривании действий, направленных на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с ТК РФ, в том числе: а) оспаривание соглашений или приказов об изменении размера зарплаты; б) о выплате премий и иных выплатах в соответствии с ТК РФ и об оспаривании самих выплат.

При задержке зарплаты и иных выплат работники с 29 сентября 2015 года получили право инициировать банкротство работодателя в соответствии с Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 186-ФЗ [5]. В суд вправе обратиться не только штатные, но и бывшие работники. К тому же руководители предприятия-должника обязаны подать заявление в суд о своем банкротстве. Заявление о признании долга необходимо отправить не позднее месяца с даты его возникновения (ст. 9, ст. 37 Закон о банкротстве). Если руководитель предприятия не направит заявление в арбитражный суд или нарушит сроки отправки, то работники имеют право на требование о привлечении руководителя к субсидиарной ответственности (ст. 399 ГК РФ) [2]. Для этого у работников должно быть вступившее в силу решение арбитражного суда о взыскании с работодателя задолженности, а срок просрочки — не менее трех месяцев.

Законодатель обязал арбитражных управляющих выявлять факты неподачи заявлений руководителя-должника в арбитражный суд и принимать меры по привле-

чению виновных к ответственности (п. 2 ст. 20.3 Закона о банкротстве). Арбитражный управляющий организует собрание, которое проводится не позднее пяти рабочих дней до собрания кредиторов. Согласованные работниками требования арбитражный управляющий в течение пяти дней после проведения собрания обязан добавить в реестр требований кредиторов.

С 1 июня 2015 года вступили в силу изменения в ГК РФ (Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ), следуя которым, все участники гражданского оборота при установлении, исполнении и после его прекращения, обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга (п. 3 ст. 307 ГК РФ). Правительство РФ в октябре 2015 года одобрило законопроект, расширяющий права работников на больничные и декретные, предлагая внести поправки в ч. 4 ст. 13 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ. Законом предусмотрена выплата работникам социальных пособий Фондом социального страхования РФ в случае банкротства работодателя.

Помимо указанного существует возможность уменьшить количество противоречий в досудебных переговорах, для осуществления которых достаточно направить требование должнику об уплате долга. Арбитражный суд Московского округа в постановлении № А41—3326/15 от 2 октября 2015 года, отметил, что направление требования свидетельствует о соблюдении истцом досудебного порядка разрешения спора. В случае полного или частичного отказа должника от удовлетворения претензии либо неполучении от него ответа в установленный срок кредитор имеет право предъявить иск.

Судебная практика на сегодняшний день подвергается значительным изменениям и дополнениям в вопросах касающихся законодательной базы о банкротстве. Этому способствует развитие законодательства и практики в решении подобных случаев, количество которых имеет тенденцию к росту.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с поправками от 21.07.2014) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Правовые акты Российской Федерации в актуальном состоянии URL: <http://www.interlaw.ru> (дата обращения 21.10.2015)
2. Гражданский кодекс РФ, ч. 1, от 30.11.1994 № 51-ФЗ (принят ГД ФС РФ 21.10.1994, действующая ред. от 13.07.2015) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.10.2015)
3. Трудовой кодекс РФ, от 30.12.2001 № 197-ФЗ (принят ГД ФС РФ 21.12.2001, действующая ред. от 13.07.2015) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.10.2015)
4. О несостоятельности (банкротстве), от 26.10.2002 № 127-ФЗ (принят ГД ФС РФ 27.09.2002, действующая ред. от 01.10.2015) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.http://www.docs.cntd.ru> (дата обращения 24.10.2015)
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ, от 29.06.2015 № 186-ФЗ (принят ГД ФС РФ 10.06.2015, действующая ред. от 29.06.2015) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 04.10.2015)

6. Постановление Пленума ВС РФ № 21 от 02.06.2015 «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 21.10.2015)

Допустимость использования электронных документов в качестве доказательства в гражданском процессе

Мальцева Оксана Александровна, студент;

Рзаев Нати́г Ильясови́ч, студент

Саратовская государственная юридическая академия

В настоящее время Россия переживает период обновления правовой системы. Одним из основных направлений в судебной практике является использование электронных документов, как способ повышения эффективности доказывания в гражданском судопроизводстве. В связи с этим возникает большое количество вопросов как технического, так и интеллектуального характера.

Изучение правовых вопросов в сфере использования в гражданском судопроизводстве электронных источников информации является актуальным предметом научно-практической работы. В статье проанализирована практика использования в суде документов, полученных посредством электронной связи. По нашему мнению, технически возможно установить достоверность содержания электронного сообщения и факт его отправки с конкретного IP-адреса.

Механизм реализации информационной функции Российского государства содержит ряд проблем, которые требуют своего разрешения. Одной из них, по нашему мнению, является проблема сбора доказательств в судебном процессе, а именно подтверждения сетевых юридических фактов, которые перестают существовать в доступной форме к моменту рассмотрению дела в суде, в том числе допустимости и достоверности таких доказательств. Нерешенность этой проблемы надлежащим образом создает определенные препятствия, ограничения в реализации информационной функции в сфере судебного производства.

Использование электронных документов в качестве доказательств по делу зародилось еще в советском судопроизводстве, когда стороны в обосновании своих требований имели возможность предоставлять в качестве доказательства документы, подготовленные с помощью электронно-вычислительной техники. Но до настоящего момента этот вопрос окончательно не урегулирован.

Применительно к документам, полученным посредством электронной связи, вопрос об использовании их в качестве доказательств в суде не может быть решен так просто. Кроме того, как весьма точно указывает А.Т. Боннер: «Существенным недостатком электронного обмена документами через каналы Интернета, равно

как и недостатком электронного документа вообще, является легкость внесения в него изменений и, как следствие, отсутствие уверенности в достоверности полученного электронного документа» [1, с. 6].

В соответствии с частью 1 статьи 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2, с. 6] (далее — ГПК РФ) документы, полученные посредством электронной связи, относятся к письменным доказательствам. Но, безусловно, они обладают существенной спецификой, которая не позволяет их автоматически приравнивать к традиционным письменным доказательствам на бумажном носителе.

Все документы, полученные посредством электронной связи и представляемые в судопроизводстве в качестве электронных доказательств, можно разделить на две группы: 1) электронные документы и 2) электронные сообщения.

Согласно статье 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3, с. 6] (далее Закон), электронное сообщение — это информация (а не письменный документ), переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети, а электронный документ — документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

Что касается электронной переписки, то зачастую они подвергаются игнорированию судьями в качестве полноценных доказательств по судебному делу, создает типовые ситуации для участников процесса. Связано это с отсутствием четкой законодательной базы, которая регулировала бы эти процессы. Используются различные способы с целью добиться приобщения электронных документов в качестве доказательств по делу и разрешить ситуацию посредством принятия во внимание данной информации.

Сообщения, отправляемые по электронной почте, относятся к документам, полученным посредством элек-

тронной связи, но не являются электронными документами, так как не содержат электронную подпись.

6 апреля 2011 года взамен старому закону об электронной цифровой подписи был принят новый Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ «об электронной подписи» [4, с. 6] (далее Закон).

При отсутствии возможности подтверждения подлинности электронной подписью участники процесса зачастую представляют эти документы в виде распечаток, удостоверяемых авторами электронной переписки.

В судебной практике встречаются случаи, когда достоверность электронных документов (переписки) подтверждается свидетельскими показаниями. Широко распространено нотариальное заверение электронной переписки для использования в суде.

Представленные группы электронных доказательств формируют свою практику их представления в суд, исследования и оценки юридической силы сторонами и судом. Также возникают и сложности, связанные в первую очередь с определением достоверности данных доказательств. Подобная практика образуется в основном в сфере осуществления правосудия арбитражными судами; в гражданском судопроизводстве электронные доказательства пока широкого распространения не получили.

Мы считаем, что следует согласиться с мнением С. П. Ворожбит, что трудности аутентификации и идентификации электронных почтовых сообщений не должны полностью исключать возможность использования электронных почтовых сообщений в качестве доказательств в суде. У сторон должна быть возможность показать суду, что представленные ими электронные сообщения действительно заслуживают доверия. Противная сторона, в свою очередь, может оспаривать их содержание и сам факт отправления [4, с. 6].

Что касается электронных документов, их возможно отнести и к вещественным доказательствам. Сходство электронных документов с вещественными доказательствами возможно объяснить тем, что электронные документы сами по себе не доступны человеческому восприятию, а служат лишь средством установления обстоятельств, имеющих значение для дела.

Некоторые процессуалисты утверждают, что юридическая (доказательственная) природа указанных средств не определена, но очевидно, что их вряд ли можно отнести к письменным или вещественным доказательствам. Другие полагают, что электронные средства доказывания охватываются всеми известными видами доказательств, но нуждаются в дополнительной процессуальной регламентации.

Анализируя указанные мнения можно сказать, что электронный документ имеет скорее смешанный характер. Письменный документ отличается от электронного документа тем, что несет в себе субъективную позицию автора, полученную им при переработке. А материалы применения научно-технических средств не содержат субъективной переработки информации. С вещественными доказательствами электронные средства

доказывания объединяет то, что электронные документы сами по себе не доступны человеческому восприятию, а служат лишь средством установления обстоятельств, имеющих значение для дела. Вместе с тем информация, содержащаяся в памяти ЭВМ, тиражируема, т. е. обладает свойством письменного доказательства.

Очень интересен опыт иностранных государств по данному вопросу. Отдельные моменты, связанные с опытом Венгрии, приведены М. А. Клепиковой. В ГПК Венгрии электронные документы делятся на публичные и частные, при этом частные документы бывают простые и с полной доказательственной силой. Повышенная доказательственная сила публичных документов и частных документов с полной доказательственной силой состоит в том, что, пока не доказано обратное, считается, что обстоятельства происходили именно так, как изложено в таких документах, включая место, время и способ зафиксированного в документе волеизъявления. Подлинность частных документов с повышенной доказательственной силой устанавливается только тогда, когда они ставятся под сомнение противоположной стороной или судом признана необходимость подтверждения их подлинности. Простые и частные документы, напротив, не обладают повышенной доказательственной силой, т. е. оцениваются на общих основаниях со всеми другими доказательствами в совокупности [5, с. 6].

Одним из способов разрешения данной проблемы является дальнейшее интенсивное внедрение информационных технологий в судопроизводство РФ (арбитражное, гражданское, уголовное, административное, иное), а именно создание электронных дел, состоящих из подобных документов.

Однако создание таких судебных электронных дел потребует довольно длительного времени, связано это в том числе и с огромным количеством дел, рассматриваемых судами Российской Федерации.

Таким образом, по нашему мнению, достаточно, чтобы высшими органами судебной власти были приняты соответствующие постановления, в которых должно быть установлено, что электронные документы, содержащиеся в сети Интернет, являются доказательствами по делу и могут быть приобщены в качестве таковых участниками процесса. При этом сведения, акты, иные документы, размещенные на официальных сайтах государственных и муниципальных органов, могут использоваться в качестве доказательств при рассмотрении конкретных судебных споров без необходимости специального заверения уполномоченным лицом официальной копии документа на бумажном носителе. При оценке частных электронных документов суды должны исходить из общей презумпции добросовестности действий участников соответствующего судебного процесса. В предполагаемых постановлениях высших судебных органов должно быть установлено, что, пока не доказано обратное, частные электронные документы признаются допустимыми и достоверными. Сторона, которая не согласна с тем, что конкретный электронный документ является достоверным и допустимым

доказательством, должна убедить суд в обратном, с помощью любых механизмов, предоставленных ей действующим процессуальным законодательством.

Однако, для того чтобы электронный документ, переданный посредством электронной почты, гарантированно был воспринят судом в качестве допустимого доказательства, при заключении договора необходимо включить в него положения о том, что передача результатов работ только в электронном виде является надлежащим исполнением обязательств. Те же положения следует включать и в отношении электронного обмена письмами, претензиями и любыми другими документами, необходимыми для исполнения заключенного договора. Если при заключении договора предполагается широкое использование электронной почты, в том числе и для обмена электронными копиями документов, то желательно в договоре предусмотреть открытый перечень документов, которыми стороны могут обмениваться таким способом.

Для использования электронной переписки в качестве доказательства в суде недостаточно простого указания на это в договоре, поскольку направление электронного доказательства по электронной почте не подтвердит тот факт, что соответствующий документ был направлен именно контрагенту, а соответственно, и не подтвердит факт получения им электронного письма.

Литература:

1. Боннер, А. Т. Доказательственное значение информации, полученной из Интернета // Закон. 2007. N 12
2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.09.2015) // СПС «Консультант Плюс»
3. Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 28.06.2014) // СПС «Консультант Плюс»
4. Ворожбит, С. П. Указ. соч. с. 20.
5. Клепикова, М. А. Некоторые вопросы допустимости и достоверности доказательств, представленных в арбитражный суд в электронном виде // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. N 7. с. 44.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // СПС «Консультант Плюс»

Международно-правовые аспекты деятельности Всемирной торговой организации: теоретический аспект

Махмудов Ризван, аспирант;
Хурчак Николай Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Астраханский государственный университет

Всемирная торговая организация (ВТО) является международной межправительственной экономической организацией. ВТО функционирует с 1 января 1995г, решение о ее создании было принято в конце многолетних переговоров в рамках Уругвайского раунда ГАТТ, который завершился в декабре 1993 г. Официально ВТО образована на конференции в Марракеше в апреле 1994г, по-

Постановлением ФАС Дальневосточного округа от 16.11.2012 N Ф03–5177/2012 был отклонен довод истца о передаче спорных претензий ответчику по электронной почте. Причинами для такого вывода суда послужили как непредставление доказательств согласования сторонами использования электронных документов в претензионной работе по спорному договору, так и тот факт, что передача претензий на электронный адрес не свидетельствует об их получении именно истцом.

В случае же невозможности соотнесения стороны договора и конкретного электронного адреса можно порекомендовать ссылаться на п. 1 ст. 5 ГК РФ [6, с. 6] (далее Закон). Обосновывать в этом случае использование адреса электронной почты контрагента в отсутствие соответствующего указания в договоре или ином двустороннем документе как обычай делового оборота, представив при этом доказательства того, что по спорной сделке оппонент отвечал с указанного адреса, а также указать на отсутствие возражений процессуального оппонента на подобный обмен информацией.

И надо сказать, что в случае идентификации принадлежности адресов электронной почты контрагентам арбитражные суды стали признавать сделки, заключенные путем обмена электронными письмами, даже если это напрямую не прописано в договоре.

этому Соглашение об учреждении ВТО называют также Марракешским соглашением. [1]

В настоящее время Всемирная торговая организация является одной из самых влиятельных всемирных организаций, регулирующая международные торговые отношения между государствами. ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле), предшественница ВТО,

наглядно доказала, насколько может быть выгоден экономический союз для его государств-членов. При высоком уровне современной экономической интеграции роль Всемирной Торговой Организации возрастает. С каждым годом в среднем 2–3 государства становятся членами организации. Это не удивительно, если учесть тот факт, что членство в ВТО дает ряд преимуществ для стран-членов в торговом сотрудничестве и экономическом росте. Огромное количество международных торговых отношений являются предметом регулирования соглашений ВТО, соответственно у государств возникают споры относительно надлежащего соблюдения контрагентами условий договоров.

Основной целью ГАТТ/ВТО является создание прозрачной и предсказуемой торговой системы, препятствующей принятию необоснованных решений отдельных стран на основе единых правовых норм торговой системы, при которой предприятия стран-членов ВТО могут торговать друг с другом в справедливой и свободной конкуренции.

Система урегулирования споров в рамках ВТО — одно из самых значительных достижений Уругвайского раунда, является важным шагом в процессе создания нормативной базы для цивилизованного разрешения международных торговых споров. С января 1995 года система урегулирования споров в рамках ВТО широко использовалась и развитыми, и развивающимися странами-членами ВТО по самым различным вопросам, входящим в компетенцию ВТО. Данная система создает эффективный механизм для разрешения торговых споров, которые, будучи «предоставленными самим себе», могли бы привести к серьезному конфликту. Каждый спор, выносимый в ВТО, рассматривается прежде всего с точки зрения действующих норм и правил. После принятия решения страны концентрируют свои усилия на его выполнении, и, возможно, в последующем пересмотре норм и правил путем переговоров. Соглашения ВТО создают правовую основу для принятия четкого решения. [4, с. 17]

Механизм, действующий в рамках ВТО, поистине уникален, ведь в современном международном праве нет ни единого централизованного нормотворческого органа, ни единого исполнительного органа, ни централизованного постоянно действующего механизма привлечения к ответственности за нарушение норм международного права. Международный Суд ООН можно лишь условно назвать универсальным международным механизмом. Вторым таким постоянно действующим механизмом является Орган по разрешению споров (ОРС), функционирующий в рамках ВТО, который состоит из представителей всех-государств членов ВТО. Система разрешения споров ВТО — это цивилизованный и эффективный механизм урегулирования торговых споров и разногласий между государствами, и успех в таких спорах зависит главным образом от качества работы специалистов, занимающихся подготовкой позиций сторон, участвующих в переговорном процессе и разбирательстве по делу. [2, с. 281]

Юрисдикция системы разрешения споров в рамках ВТО довольно широка и охватывает споры, возникающие в рамках Соглашения ВТО, всех многосторонних соглашений по торговле товарами, соглашений GATS и TRIPS. Все они относятся к охваченным соглашениям. Данная юрисдикция является обязательной для соблюдения, исключительной по природе и применяемой к спорам в рамках ВТО.

Доступ к системе разрешения споров в рамках ВТО открыт только для стран-членов ВТО. Страна-член ВТО может использовать систему в случае аннулирования или сокращения ее прав в рамках охваченных соглашений. Хотя неправительственные организации, промышленные ассоциации или физические лица не имеют доступа к данной системе, большинство споров подаются по их инициативе. Помимо этого, третейские группы и Апелляционный орган имеют право принимать и рассматривать информацию *amicus curiae*, предоставляемую неправительственными организациями.

Система предпочитает, чтобы страны-члены ВТО урегулировали споры посредством консультаций, а не судебных разбирательств. Система разрешения споров в рамках ВТО стремится обеспечивать права и обязательства стран-членов в рамках охваченных соглашений и уточнять существующие положения тех соглашений. Однако она не может добавить или сократить права и обязательства стран-членов ВТО. ДРС предусматривает четыре метода разрешения споров между странами-членами ВТО: консультации или переговоры (статья 4 ДРС); судебное разрешение спора третейскими группами и Апелляционным органом (статья 6–20 ДРС); арбитраж (статья 21.3 (с), 22.6 и 25 ДРС); а также «добрые услуги» для примирения и посредничество (статья 5 ДРС). Процесс разрешения споров в рамках ВТО имеет строгие временные ограничения. [3, с. 21]

Все процедуры разрешения споров в рамках ВТО, а также письменные представления сторон носят конфиденциальный характер. Заседания третейской группы и Апелляционного органа проходят за закрытыми дверями, а правила поведения требуют, чтобы члены третейской группы и Апелляционного органа были независимыми и беспристрастными, чтобы избежать прямого или косвенного контакта интересов и соблюдать конфиденциальность процедур рассмотрения.

Принимая во внимание некоторые сложности, с которыми могут столкнуться развивающиеся страны-члены ВТО, вовлеченные в урегулирование споров, ДРС содержит отдельные специальные правила для развивающихся стран-членов. Однако большинство из этих правил имеют ограниченную значимость.

Система урегулирования споров в рамках ВТО делает важный вклад в принцип «превалирования закона над силой». Она дает возможность экономически слабым странам оспорить торговые меры, введенными экономически развитыми государствами. Как показывает частое и широкое использование системы урегулирования споров

в рамках ВТО развитыми и развивающимися странами-членами хорошо воспринимается всем странами-членами ВТО. Она создает особую безопасность для более слабых стран, которым в прошлом часто не хватало политического или экономического веса для обеспечения соблюдения их прав и защиты своих интересов. Специальные правила и процедуры по разрешению споров для развивающихся стран-членов ВТО и Консультационный центр Правил ВТО помогают этим странам воспользоваться этой возможностью.

Хотя и существуют определенные основания для критики существующей системы урегулирования споров, в целом, наблюдается существенная удовлетворенность практикой и исполнением. Поэтому при рассмотрении идей по реформированию или улучшению главным принципом должен быть «не навреди». Страны-члены отнеслись положительно к данным предложениям, но не смогли прийти к согласию по предложениям по реформированию. До настоящего момента государства-участники данной организации пока не могут прийти к соглашению о реформе ДРС. Несмотря на полезность дальнейшего реформирования существующей системы разрешения споров в рамках ВТО, пока этот вопрос не является основным вызовом для системы в предстоящие годы. Основным вызов связан с реальной опасностью, что страны-члены «перегрузят» и, тем самым, подорвут существующую систему урегулирования споров в рамках ВТО. [5, с. 86]

В то же время, несмотря на то, что данная система работала эффективно на протяжении всего периода функционирования, решаемые ею задачи, становятся все сложнее, по мере того как ВТО все глубже вовлекается в политически противоречивые вопросы. Все это способствует большой «перегруженности» системы разрешения споров, что делает систему политически и по существу неустойчивой.

Для сохранения результативности и эффективности системы разрешения споров в рамках ВТО, страны-члены должны улучшить способность политических институтов ВТО, решать крупные вопросы, с которыми сталкивается система многосторонней торговли.

В 2011 году был завершён переговорный процесс по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации (ВТО), инициированный в 1993 году. В ходе формального заседания Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Соглашению об учреждении ВТО 10 ноября 2011 года одобрен финальный пакет документов, необходимых для присоединения Российской Федерации к данной международной организации. Датой вступления РФ в ВТО считается 22 августа 2012 г. — день подписания документов о вступлении России в Организацию.

В настоящее время Российская Федерация, как новый член ВТО, только знакомится с механизмом разрешения споров организации. В свою очередь, степень изученности процедур разрешения споров ВТО в науке российского международного торгового права, все еще сравнительно

невелика, это было связано с отсутствием РФ в организации торгового сотрудничества, но с недавним ее вступлением в члены ВТО актуальность разработки правовых позиций относительно правил и в целом всего механизма рассмотрения споров возросла.

Действия определенных стран и организаций, имеющих влияние внутри неё, ставят под сомнение деятельность ВТО, как организации регулирующей торговые отношения между странами участниками Марракешского соглашения. Произошедшие события в Украине, и затем последовавшие обоюдные санкции тому подтверждение. Рано или поздно российская власть и деловые круги должны были столкнуться с необходимостью защищать свои интересы посредством участия в торговых спорах по правилам ВТО.

В отношении российских товаров действует 101 мера, в том числе:

антидемпинговая пошлина — 40, специальная защитная пошлина — 9, прочие нетарифные меры — 52 (административные меры — 20, технические барьеры — 9, тарифные квоты — 2, квотные ограничения — 3, дополнительный сбор — 1, акциз на дискриминационной основе — 5, ограничение по номенклатуре — 1, запрет на импорт — 4, санитарные и фитосанитарные меры — 3, угроза введения меры — 4).

Также проводится 21 расследования, из них 6 антидемпинговых, 14 специальных защитных и 1 компенсационное расследование, а также 5 пересмотров антидемпинговых мер и 2 соглашения о приостановлении антидемпинговой процедуры.

Для достижения успеха в торговом споре ВТО необходима серьезная подготовительная и текущая работа целого ряда специалистов в данной сфере (юристов, экономистов, переговорщиков, экспертов и т.д.), количество которых в нашей стране на сегодняшний день исчисляется единицами. Для российских юристов и адвокатов это новый вектор развития своих практик и компетенций. В недалекой перспективе такого рода правовая помощь будет весьма востребованной. Международный опыт показывает, что одним из способов решения данной проблемы является привлечение иностранных специалистов, и не исключено, что и в России такая практика будет иметь место.

Весьма удивителен тот факт, что санкции, введённые с обеих сторон, нарушают цель создания и основные принципы ВТО. И для сохранения результативности и эффективности системы разрешения споров в рамках ВТО, страны-члены должны улучшить способность политических институтов ВТО, решать крупные вопросы, с которыми сталкивается система многосторонней торговли. Как отметил Хьюго Пэмен, бывший главный переговорщик ЕС по вопросам торговли и посол ЕС в США, нагрузка на систему может быть ослаблена, только если правительства попытаются решать конфликты через более активную дипломатию, а не ждать, что судебное разрешение споров сделает работу за них.

Литература:

1. Марракешское соглашение о создании Всемирной Торговой Организации (Марракеш, 15 апреля 1994 г.). Соглашение вступило в силу 1 января 1995 г. // СПС «Гарант»
2. Зуева, И. А. Некоторые особенности механизмов разрешения международных споров во Всемирной Торговой организации (ВТО) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2010. — № 1. — с. 280–288.
3. Инструктивный материал: Урегулирование торговых споров в рамках Всемирной Торговой организации. — Астана, 2012. 27 с.
4. Смбатян, А. С. Международные торговые споры в ГАТТ/ВТО: избранные решения (1952–2005 гг.). — М.: Волтерс Клувер, 2006. 344 с.
5. Трофименко, О. Ю. Механизм разрешения споров в ГАТТ/ВТО // Вестник СПбГУ. — Сер. 5. — 2008. — Вып. 2. — с. 80–90.

К проблемам предупреждения пыток на современном этапе

Раимбердиев Илхам Расулбердиевич, соискатель

Ошский государственный юридический институт (Кыргызская Республика)

Автором настоящей статьи рассматриваются теоретические и прикладные проблемы предупреждения пыток в Кыргызской Республике. Кроме того автор анализирует международные нормативно-правовые акты в сфере предупреждения пыток. На основе анализа международных и национальных нормативно-правовых основ КР, автор делает вывод о необходимости принятия кардинальных решений в сфере правоохранительной деятельности и органов, осуществляющих правопорядок, которые в соответствии с законом уполномочены защищать права, законные интересы физических (юридических) лиц, государства в целом и обеспечивать законность и общественный порядок.

Ключевые слова: пытки, предупреждение пыток, права и свободы человека, неприкосновенность личности.

Запрещение пыток регламентируется нормами международного права, в частности, во Всеобщей декларации прав человека (ст. 5), Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 7), Африканской хартии прав человека и народов (ст. 5), Американской конвенции о правах человека (ст. 5), Европейской конвенции по защите прав человека и фундаментальных свобод (ст. 3), Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах [1, с. 56, 60, 90, 435].

В соответствии со ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания пытка — это любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль

или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно [2].

Практически ни одна страна не свободна от случаев совершения на практике действий, равнозначных пыткам и жестокому обращению. Но интенсивность и степень таких злоупотреблений и реакция на них органов власти различна в каждом отдельно взятом государстве. Нарушения могут быть единичными или систематическими, совершаться по воле отдельных лиц либо в результате небрежности соответствующих организаций — в любом случае нормы международного права говорят об их недопустимости.

Тем не менее, в Кыргызской Республике, где такие нарушения носят широко распространенный характер, само понятие «пытка» практически отсутствовала в официальных документах. Это свидетельствовало о том, что, несмотря на рекомендации международных организаций, данные независимых средств массовой информации, на многочисленные жалобы и заявления лиц, действительно пострадавших от пыток, должностные лица государства не хотели признавать проблему пыток в нашей стране реально существующей. Но, Законом Кыргызской Республики «О внесении изменений и дополнений в УК

Кыргызской Республики» [3], была включена в УК КР статья 305—1, согласно которой пытка — это умышленное причинение какому-либо лицу физических или психических страданий с целью получить от него сведения или признания, наказать его за действие, которое оно совершило или в совершении которого оно подозревается, а также запугать и принудить к совершению определенных действий, когда такое действие совершается должностным лицом либо с его ведома или согласия любым иным лицом, наказываемая лишением свободы на срок от трех до пяти лет с лишением права заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет или без таковой.

Конституция Кыргызской Республики содержит о том, что ограничения, касающиеся физической и моральной неприкосновенности личности, допустимы только на основании закона по приговору суда как наказание за совершенное преступление. Ни один человек не может подвергаться пыткам, истязаниям или антигуманным унижительным наказаниям. Однако пытки продолжают применять, несмотря на их полное и безоговорочное запрещение, как международным правом, так и большинством национальных правовых систем.

Однако нарушения прав человека работниками правоохранительных органов остаются одной из серьезнейших проблем нашего общества. В настоящее время решение этих проблем значительно затрудняется социально-экономическим положением в государстве.

Низкий уровень правовой культуры в стране в целом, утрата основных моральных ценностей, а также психология части людей, избравших своей работой службу в правоохранительных органах, являются причинами нарушения прав человека, унижения чести и личного достоинства тех, кто умышленно либо вследствие трагической ошибки попал в сферу действия уголовного законодательства.

С одной стороны, крайне недостаточное финансовое обеспечение деятельности правоохранительных органов в целом обуславливает то, что квалифицированные специалисты предпочитают трудоустраиваться в коммерческие структуры, где размер заработной платы несопоставим с их должностными окладами. Это является одной из причин низкого профессионального уровня персонала указанных ведомств и, как следствие, плохого качества работы.

С другой стороны, в немалой степени ситуация усугубляется отсутствием надлежащего контроля за соблюдением прав граждан сотрудниками и руководством соответствующих ведомств. О крайне неблагоприятном положении с обеспечением прав человека свидетельствуют данные самих правоохранительных структур.

Пытки с применением физической силы часто используются сотрудниками правоохранительных органов в сочетании с психическим давлением — грубостью, оскорблениями, угрозами в адрес самого задержанного лица или в адрес его близких родственников в совершении преступлений получили широкое распространение.

Жалобы на незаконные действия работников правоохранительных органов представляют большую сложность в плане достижения положительного результата. В большинстве обращений заявитель уже и не просит о привлечении к ответственности данных сотрудников, истязавших его, так как основной своей задачей считает отмену вступившего в законную силу приговора суда и освобождение из мест лишения свободы.

Нередки случаи, когда с момента избияния либо применения иного вида насилия до вступления приговора в законную силу прошло много лет и жалобы не имеют смысла, прежде всего в связи с невозможностью собрать необходимые доказательства. Поэтому заявитель просит помочь восстановить его права, нарушенные незаконным осуждением. Но и обоснованное осуждение за совершение преступления не должно исключать ответственности сотрудников органов внутренних дел, преступивших закон и издевавшихся над человеком, пусть даже признанным виновным по приговору суда.

Нередко проводимые прокуратурой проверки жалоб граждан на недозволенное обращение сотрудников органов внутренних дел с привлеченными к уголовной ответственности лицами носят формальный характер. Прокуратурой часто выносятся постановления об отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела, а также отмечаются, что факты не подтвердились. Но мы знаем, что все предложения, заявления и жалобы со стороны граждан необходимо рассмотреть в точном соответствии с законодательными актами Кыргызской Республики [4], так как, это важное средство осуществления охраны прав и законных интересов личности, которые нарушаются таким образом.

Представляется, что непредвзятому подходу к разрешению данных обращений препятствует то обстоятельство, что прокуратура в Кыргызской Республике, осуществляя надзор за законностью, одновременно поддерживает государственное обвинение по уголовным делам в суде. Это обстоятельство объективно приводит к незаинтересованности данного ведомства в установлении фактов насилия в отношении обвиняемых и подсудимых, поскольку в случае подтверждения применения недозволенных методов ведения следствия будут поставлены под сомнение доказательства, положенные в основу обвинения.

Причины неэффективности прокурорского контроля, в том числе, прокурорских проверок и расследований по жалобам на пытки, совершенных сотрудниками органов внутренних дел, обусловлены противоречием между различными функциями, исполняемыми прокуратурой.

На прокуратуру законодательно возложены функции, как по уголовному преследованию, так и функции по надзору за законностью следствия. В рамках деятельности по уголовному преследованию, органы прокуратуры ведут расследование различных видов преступлений, а также представляют государственное обвинение в суде, в том числе и по тем делам, по которым следствие осуществлялось другими органами (например, органами внутренних

дел). Представляя обвинение в суде, прокурор опирается на данные, которые были получены в ходе следствия и комплексных мероприятий проводимых оперативными работниками правоохранительных органов. Выявляя нарушения при проведении следствия и розыскных мероприятий, прокуратура ставит под сомнение доказательство по уголовному делу и подрывает позицию обвинения в суде, т. е. собственную позицию.

На практике конфликт между функцией уголовного преследования и функцией надзора за следствием чаще всего разрешается в пользу укрепления позиций обвинения, нежели разбирательства жалоб подозреваемых и обвиняемых на пытки и иные нарушения. Сотрудники прокуратуры своей основной задачей считают преследование преступников. Приоритетом при надзоре за законностью следствия, розыскной деятельностью, они считают обеспечение учета преступлений, а не борьбу с нарушениями прав подозреваемых и обвиняемых.

Сотрудники органов прокуратуры, высказывают пренебрежительное отношение к жалобам граждан на сотрудников органов внутренних дел, объясняя, что посредством жалоб (в том числе на пытки и незаконное давление) подозреваемые и обвиняемые пытаются уйти от ответственности за совершенные преступления или выражают свою

обиду на то, что их привлекли к уголовной ответственности.

В целях предотвращения фактов пыток и насилия издается Распоряжение Генерального прокурора КР от 12 апреля 2011 года «Об усилении прокурорского надзора за обеспечением конституционной гарантии запрета на применение пыток и других бесчеловечных, жестоких или унижающих достоинство видов обращения или наказания» [4]. Во исполнение указанного распоряжения работниками прокуратуры стали систематически проводиться внезапные проверки в дежурных частях, камерах для лиц, задержанных за административные правонарушения, в изоляторах временного содержания органов внутренних дел районов, служебных кабинетов сотрудников следственных подразделений и сотрудников уголовного розыска, изучаться журналы регистрации жалоб, осуществляться беседы с гражданами.

Представляется, что в настоящее время назрела необходимость принятия кардинальных решений в сфере правоохранительной деятельности и органов, осуществляющих правопорядок, которые в соответствии с законом уполномочены защищать права, законные интересы физических (юридических) лиц, государства в целом и обеспечивать законность и общественный порядок.

Литература:

1. Обеспечение прав и свобод человека в деятельности органов внутренних дел Кыргызской Республики. Сборник нормативно-правовых документов. — Бишкек, 2004. — 690 с.
2. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml.
3. Закон Кыргызской Республики «О внесении изменений и дополнений в УК Кыргызской Республики» № 223 от 15 ноября 2003 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1350?cl=ru-ru>.
4. Закон Кыргызской Республики от 4 мая 2007 года № 67 «О порядке рассмотрения обращений граждан» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30331064.
5. Распоряжение Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики от 12 апреля 2011 года «Об усилении прокурорского надзора за обеспечением конституционной гарантии запрета на применение пыток и других бесчеловечных, жестоких или унижающих достоинство видов обращения или наказания» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31229271.

Понятие юридической справедливости как основания правоприменительного акта

Руденко Виктор Николаевич, магистрант

Ессентукский институт управления, бизнеса и права (Ставропольский край)

О значении справедливости в политико-правовом плане свидетельствует факт признания и законодательного закрепления ее в качестве принципа деятельности российского государства и его правоприменительных органов. С этих же позиций справедливость рассматривается как своеобразная юридическая гарантия построения правового государства в нашей стране. Несмотря на повышенное внимание к проблеме справедливости, некоторые аспекты общего понятия справедливости, понятия юридической справедливости, а также вопросов справедливости правоприменительного акта остаются недостаточно разработанными и неоднозначно трактуемыми в научной литературе.

Российское законодательство, придавая огромное значение справедливости как политико-правовому принципу, не раскрывает содержание этого понятия. Термин справедливость используется законодателем, но не определяется. Термин юридическая справедливость в законодательстве отсутствует, а в юридической науке, в частности в науке гражданского процесса, о возможности его использования высказывались отдельные авторы. Это позволяет правоприменителю прибегать в процессе вынесения правоприменительного акта к различным способам толкования справедливости как принципа и самого понятия справедливости. С другой стороны, это может приводить и часто приводит на практике к вынесению несправедливых правоприменительных актов. Этот упрек сегодня может быть адресован всем правоприменительным органам, и в первую очередь судебным, поскольку им принадлежит право осуществлять правосудие, т. е. выносить не только законные, но и справедливые правоприменительные акты.

Проблемы справедливости, возможности ее достижения в обществе всегда вызывали пристальный интерес ученых. В последнее время достаточно часто юристы стали говорить о справедливости в праве. В связи с этим возникает насущная необходимость определить, в чем же сущность справедливости, о которой так часто стал упоминать законодатель в нормативных актах, как она должна трактоваться правоприменительными органами при вынесении правоприменительного акта.

Проследив историю формирования представлений о справедливости, можно считать, что справедливость зарождалась у человечества как чувство, которое сохранялось на протяжении развития общества, приобретало рациональный характер, становилось идеей, идеалом и мечтой человечества, формировалось как понятие о должном, соответствующем представлению о сущности человека, его отношениях с другими и обществом.

Сложившееся в настоящее время понятие социальной справедливости, отраженное в Российском праве, несет на себе отпечаток взглядов тех мыслителей, идеи которых проанализированы в работе. Вместе с тем, проведенное исследование показало, что справедливость не может быть сведена только к удовлетворению интересов отдельных личностей, она неразрывно связана с удовлетворением интересов общества в целом и в этом смысле дает представление о социальной и юридической справедливости.

Социальная справедливость — это общественно-политическая категория, формирующаяся на базе требований политики, морали и нравственности, воплощающая принципы свободы и равенства и являющаяся нормой поведения людей и их коллективов, а также основой государственной и общественной оценки различных действий, поступков и иных социальных явлений.

Развитие и совершенствование общественных отношений в нашей стране, переход от тоталитаризма к демократии, повлекли необходимость перехода к правовому государству. В рамках этой доктрины правового государства необходимо не только принятие справедливых нормативных актов, но и справедливое постановление правоприменительных актов.

Ведущим, основополагающим началом всякой правоприменительной деятельности, а особенно судебной, является принцип законности, без которого невозможна и юридическая справедливость правоприменительных актов. Законность характеризует принятое решение как по форме, так и по существу. К форме относится ее процессуальная сторона, к существу и материальная и процессуальная. Надлежащее применение материального закона есть средство реализации воли законодателя. Нарушения закона, в какой бы форме они не выражались, наносит лишь вред интересам общества. Поэтому они не могут быть оправданы никакими соображениями, в том числе и целесообразностью.

Процессуальная форма определяет единственно приемлемые и самые оптимальные пути применения средств материального закона, обеспечивает обоснованность правоприменительных актов. Несоблюдение процессуальной формы ведет к необоснованности и несправедливости правоприменительного акта.

Требование законности и обоснованности, предъявляемые к правоприменительным актам, тесно взаимосвязаны и преследуют общую цель правильное применения материального закона и разрешение дел в соответствии с ним. [1, с. 34]

Представляется, что любые нарушения процессуального закона являются существенными и должны влечь за собой отмену правоприменительного акта как незаконного, а, следовательно, и — несправедливого.

Необоснованность связана с несоответствием выводов фактическим обстоятельствам дела в части установления и исследования самих фактических данных, их правовой сущности и правовых последствий, из них вытекающих. Представляется, что причины необоснованности правоприменительного акта, выносимого судом, более подробно урегулированы уголовно-процессуальным законодательством.

Таким образом, законность характеризует правильность правоприменительного акта и по форме и по существу, а обоснованность характеризует его только по существу. Отсюда различны и правовые последствия, наступающие при установлении факта незаконности или необоснованности правоприменительного акта. При необоснованности правоприменительного акта он всегда в обязательном порядке и независимо от времени обнаружения допущенных ошибок подлежит отмене. При незаконности акта может последовать как отмена его и новое судебное рассмотрение, так и изменение судебного правоприменительного акта непосредственно вышестоящим судом. В уголовном судопроизводстве существуют определенные ограничения, связанные с возможностью применения более строгого наказания к осужденному.

Этим обусловлена взаимосвязь и специфика законности и обоснованности актов по применению права. Незаконными путями и средствами нельзя прийти к обоснованному решению, а сама необоснованность — ненадлежащий фундамент для принятия законного решения.

Законность и обоснованность правоприменительного акта определяет и их справедливость. Все эти понятия не совпадают между собой полностью ни в правотворческой, ни в правоприменительной деятельности, так как сохраняют определенную самостоятельность, свои специфические требования. Поэтому проблема наиболее справедливого применения норм права стоит в одном ряду с проблемой законности и обоснованности правоприменительного акта и неотделима от нее. [2, с. 149]

Справедливость есть способ реализации законности и достижения практических результатов ее осуществления. Законность и обоснованность в сочетании со справедливостью дают наивысший практический эффект, наилучшие результаты. Вынося правоприменительный акт, отвечающий всем требованиям законности, обоснованности и юридической справедливости правоприменитель получает идеальный вариант правоприменительного акта, обладающего наивысшей эффективностью в выполнении основных целей, поставленных перед ним государством.

Такое понимание соотношения рассматриваемых понятий имеет практическую ценность, поскольку не ведет к отождествлению законности и справедливости и позволяет считать последнюю самостоятельной категорией, принципом, существующим в границах закона, что исключает неуважительное отношение к праву и вместе с тем предохраняет против формального применения права.

Юридическая справедливость является выражением законности и обоснованности. При несправедливости акта правовые выводы не обоснованы материалами дела и не вытекают из них. В уголовном процессе прямо закреплено законом, что понимается под несправедливым приговором. В гражданском и арбитражном процессуальном законе нет аналогичного понятия, поэтому представляется целесообразным ввести в соответствующие нормативные акты понятие справедливого решения, понимая под этим правильное разрешение дела по существу, соответствующее не только требованиям законности и обоснованности, но и требованиям юридической справедливости.

Термин «справедливость» обычно употребляется в социальном смысле и представляет собой категорию более широкого порядка, чем справедливость в праве и справедливость юридическая. Вынесение справедливого правоприменительного акта, одновременно подчиненного и принципам законности и нормам морали будет способствовать дальнейшему развитию авторитета права и органов его применяющих, выработке привычки добровольного соблюдения норм права, так как учет морали придает юридическому акту нравственную опору. Поэтому необходимо закрепить специальный термин для правоприменительных актов юридическая справедливость.

Понятие юридической справедливости необходимо рассматривать в двух уровнях: на первом уровне в качестве общего юридического принципа, условия, основания и соответственно, в качестве общего критерия правоприменительного акта; на втором уровне оно проявляется в качестве упорядочивающей и конкретизирующей до персональной определенности меры справедливости правоприменительного акта.

Мировое сообщество требует, чтобы всякое государство и его правительство неуклонно соблюдало и не нарушало прав своих граждан в сфере экономики, политики и права, и тем самым утверждалась справедливость как основа всеобщего благоденствия. На это постоянно указывается в различных международных документах, призванных защитить права и свободы граждан. Поэтому проблеме справедливости в различных ее проявлениях государство должно уделять повышенное внимание с тем, чтобы добиться создания действительно демократического общества.

Литература:

1. Вопленко, Н. Н. Понятие и основные черты законности // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. — 2006. — № 8. — с. 33–38.
2. Муромцев, Г. И. О некоторых аспектах понятия законности // Вестник Российского университета дружбы народов. — 1997. — № 1. — с. 148–152.

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 22 (102) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Агаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Бук», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25